

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. ПУШКИНА

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Научный журнал

№ 3 (8)

Санкт-Петербург
2018

PUSHKIN LENINGRAD STATE UNIVERSITY

HISTORY OF EVERYDAY LIFE

Scientific journal

№ 3 (8)

St. Petersburg
2018

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
**ИСТОРИЯ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ**

2018
№ 3
(8)

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи и массовых
коммуникаций
4 марта 2016 г.

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-68612

Журнал издается
с 2016 года
Периодичность 4 раза в год

Учредитель: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

Редакционная коллегия:

А. В. Белова, доктор исторических наук, доцент, Россия
В. А. Веремченко, доктор исторических наук, профессор, Россия (главный редактор)
О. Р. Демидова, доктор философских наук, профессор, Россия
А. Дудек, доктор философии (PhD), Республика Польша
Л. П. Заболотная, доктор исторических наук, доцент, Республика Молдова
С. И. Ковальская, доктор исторических наук, профессор, Республика Казахстан
В. О. Левашко, кандидат исторических наук, доцент, Россия (зам. главного редактора)
С. В. Любичанковский, доктор исторических наук, профессор, Россия
К. Мацузато, доктор юриспруденции (PhD), Япония
С. М. Назария, доктор политических наук, доцент, Республика Молдова
Н. Л. Пушкарева, доктор исторических наук, профессор, Россия
Д. Рансел, доктор истории (PhD), США
М. А. Текуева, доктор исторических наук, Россия
Л. Цзюань, доктор филологии (PhD), Китай
Т. К. Щеглова, доктор исторических наук, профессор, Россия

Рукописи статей в обязательном порядке оформляются в соответствии с требованиями для авторов, установленными редакцией.

Редакция не вступает в переписку с авторами статей, получившими мотивированный отказ в опубликовании.

Статьи, оформленные не по правилам, редакцией не рассматриваются

Адрес учредителя:
196605, Россия,
Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58
<http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Адрес редакции:
196605, Россия,
Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, д. 10
Tel. +7(812) 451-93-83
<http://lengu.ru/>
e-mail: v.veremenko@lengu.ru

SCIENTIFIC JOURNAL
**HISTORY OF
EVERYDAY LIFE**

2018
№ 3
(8)

The journal is registered by
The Federal Service for
Supervision of Communications, Information
Technology, and Mass Media
March 04, 2016

The certificate
of the mass media registration
ПИ № ФС77-68612

The journal is issued
since 2016
Quarterly, 4 issues per year

Founder: Pushkin Leningrad State University

Editorial Board:

A. V. Belova, Doctor of History, Associate Professor, Russia
V. A. Veremenko, Doctor of History, Full Professor, Russia (chief editor)
O. R. Demidova, Doctor of Philosophy, Full Professor, Russia
A. Dudek, Doctor of Philosophy (PhD), Republic of Poland
L. P. Zabolotnaya, Doctor of History, Associate Professor, Republic of Moldova
S. I. Kovalskaia, Doctor of History, Full Professor, Republic of Kazakhstan
V. O. Levashko, Candidate of History, Associate Professor, Russia (deputy editor)
S. V. Liubichankovskii, Doctor of History, Full Professor, Russia
K. Matsuzato, Doctor of Law (PhD), Professor, Japan
S. M. Nazariia, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Republic of Moldova
N. L. Pushkareva, Doctor of History, Full Professor, Russia
D. Ransel, Doctor of History (PhD), Professor, USA
M. A. Tekueva, Doctor of History, Russia
L. Juan, Doctor of Philology (PhD), China
T. Shcheglova, Doctor of History, Full Professor, Russia

The papers assigned for publication are to be prepared in accordance with the requirements for authors established by editorial board.

The editors do not enter into correspondence with the authors of papers fairly rejected. Papers which do not follow the rules are rejected by the editorial board

Founder's address:

196605, Russia,
St. Petersburg, Pushkin,
Peterburgskoe shosse, 10.
Tel. +7(812) 466-65-58
<http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Editorial board's address:

196605, Russia,
St. Petersburg, Pushkin,
Peterburgskoe shosse, 10.
Tel. +7(812) 451-93-83
<http://lengu.ru/>
e-mail: v.veremenko@lengu.ru

Содержание

ВОЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

- А.Н. Варакса*
Англо-бурская война и ее повседневность
глазами русских добровольцев 9
- Е.О. Наумов*
Организация работы в штабных учреждениях армий
Восточного фронта во второй половине 1918 г. 24

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

- О.А. Игнатова*
Должность – «смотритель дома». Из жизни здания
Министерства финансов на Дворцовой площади..... 42
- Е.Н. Крылова*
Главный редактор «Сельского вестника» в структуре
государственной службы России в конце XIX – начале XX в. 53
- О.В. Капустина*
«ВЧК просит...», или Две документальные иллюстрации
повседневных проблем советского социального обеспечения
в начале 1920-х гг. 67

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

- Д.А. Мельникова*
Общества поощрения коневодства Российской империи
во второй четверти XIX – начале XX в. 76

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

- А.В. Крюкова*
Особенности путешествия на курорты Черноморского
побережья Кавказа в конце XIX – начале XX в. 92

ЭТНОГРАФИЯ

- С.Н. Алнаддаф*
Культурная дифференциация в путешествии Ибн Фадлана 103
- С.С. Михайлов*
Чистильщики обуви в советских художественных фильмах
1950–1980-х гг. глазами этнолога 118

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

В.Н. Куприянов, А.В. Лосик

Перелет Юрия Гагарина из Куйбышева в Москву и его триумфальная встреча в столице: в 2 частях. Часть вторая. Триумфальная встреча в Москве	132
---	-----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

В.А. Веретенко

HISTORIA PROVINCIAE или PROVINCIA IN HISTORIAE? (размышления о новом сетевом историческом журнале).....	145
Сведения об авторах	155

Contents

MILITARY EVERYDAY LIFE

- A.N. Varaksa*
The Anglo-Boer War and its everyday life through the eyes
of Russian volunteers 9
- E.O. Naumov*
Organization of work in the headquarters of the Eastern
Front's armies in the second half of 1918 24

DAILY STATE INSTITUTIONS

- O.A. Ignatova*
Position of "building superintendent". From the history of the Ministry
of Finances building on the Palace square 42
- E.N. Krylova*
The chief editor of "Rural Bulletin" in the structure of state service
of Russia in the late XIX – early XX centuries 53
- O.V. Kapustina*
«The Cheka requests...», or two documentary illustrations
of everyday problems of Soviet social security in the early 1920s 67

ECONOMIC DAILY LIFE

- D.A. Melnikova*
Societies for the promotion of horse breeding in the Russian Empire
in the second quarter of the XIX – beginning of the XX century 76

REGIONAL ASPECTS OF HISTORY OF DAILY LIFE

- A.V. Kryukova*
Peculiarities of traveling to resorts of the Black Sea Coast of the
Caucasus at the end of the 19th – beginning of the 20th century 92

ETHNOGRAPHY

- S.N. Alnaddaf*
Cultural differentiations in the journey of Ibn Fadlan 103
- S.S. Mikhailov*
Shoeshiners in Soviet feature films of the 1950s-1980s through
the eyes of ethnologist 118

PERSONALITY IN HISTORY OF EVERYDAY LIFE

<i>V.N. Kupriyanov, A.V. Losik</i> Flight of Yuri Gagarin from Kuibyshev to Moscow and his triumphal meeting in the capital. In 2 parts. Part Two. Triumphal meeting in Moscow	132
---	-----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>V.A. Veremenko</i> HISTORIA PROVINCIAE or PROVINCIA IN HISTORIAE? (reflections on a new online history journal)	145
About authors	156

ВОЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

УДК 94(41)(6-13)"18"

ГРНТИ 03.09.55: Новейшая история (с XX в.)

А.Н. Варакса

Англо-бурская война и ее повседневность глазами русских добровольцев

В представленной статье рассматривается Англо-бурская война и повседневная жизнь ее участников. Исследованы такие вопросы, как отношение к войне воюющих сторон, мотивы участия в войне добровольцев из России, организация бурской армии и ее тыла, особенность театра военных действий, тактика ведения войны ее участниками, психологические портреты участников войны, отношения между людьми на войне, военный быт. Война в Африке стала серьезным испытанием физических, моральных, нравственных сил для ее участников. Как и всякая война, она не могла не затронуть базовых аспектов поведения человека в условиях экстремального существования. При подготовке и написании статьи были использованы документы, находящиеся в архивах РФ, а также литература мемуарного характера.

Ключевые слова: Англо-бурская война, русские добровольцы, человек на войне, повседневная жизнь русских добровольцев на войне.

A.N. Varaksa

The Anglo-Boer War and its everyday life through the eyes of Russian volunteers

The present article examines the Anglo-Boer War and the everyday life of its participants. The author analyzes such questions as the attitude to the war of the warring parties, motives for participation in the war of volunteers from Russia, organization of the Boer army, peculiarities of the theater of military operations, tactics of warfare, psychological portraits of war participants, relations between people in war, military life. As the author shows, the war in Africa became a serious test of physical, emotional, spiritual, and moral forces for its participants. Like any war, it affected the basic aspects of human behavior in extreme conditions. The research was carried out on the basis of documents kept in the archives of the Russian Federation and memoirs.

Key words: the Anglo-Boer War, Russian volunteers, a man at war, everyday life of Russian military volunteers at war.

© Варакса А.Н., 2018

© Varaksa A.N., 2018

Англо-бурская война (1899–1902) стала одной из первых в серии войн конца XIX – начала XX в., получивших в исторической науке название «борьбы за передел мира». Примечательным явлением Англо-бурской войны было еще и то, что помимо двух ее главных фигурантов – бурских республик и Англии – в ней приняло участие немало иностранных добровольцев из самых разных стран Европы, а также России и Северной Америки (США). Такое произойдет только еще один раз, во время Гражданской войны в Испании (1936–1939).

В настоящей статье мы не ставили целью реконструировать историю Англо-бурской войны, она достаточно хорошо изучена в Великобритании, где находится основной массив документов по данной теме. Нашей задачей было восстановить по имеющимся в нашем распоряжении источникам, прежде всего мемуарного характера, военную повседневность, как воспринималась она российскими подданными, побывавшими на той войне. При подготовке статьи мы использовали донесения в военное министерство представителя Российского генерального штаба подполковника В.И. Ромейко-Гурко, репортажи с фронта военного корреспондента А.Е. Едрихина, воспоминания о войне Е.Ф. Августуса, сестры милосердия З. Марии, других очевидцев, оставивших мемуары о войне.

В ходе данной войны Великобритании, великой мировой и колониальной державе того времени, пришлось в течение нескольких лет вести боевые действия с вооруженными формированиями буров, преимущественно иррегулярными. Борьба бурских республик с Великобританией с самого начала для свободолюбивых буров приобрела характер национально-освободительной войны, войны за отстаивание своих политических и гражданских прав, традиций, религии, наконец, образа жизни, которыми буры жили на протяжении нескольких столетий. Этот фактор привлек в ряды буров представителей разных стран, желавших оказать посильную помощь в отстаивании идеалов свободы и человеческого достоинства небольшого народа. Несмотря на отдаленность театра военных действий, несовершенство коммуникаций и прочие трудности, на Англо-бурскую войну ехали добровольцы. По данным, которые приводит А.В. Окороков, на Англо-бурской войне побывало 96 подданных Российской империи [1, с. 59–70]. Однако, скорее всего, эта цифра не окончательная, поскольку специального учета в то время не велось.

Военные действия в основном развернулись на территориях бурских государств – Республики Трансвааль и Оранжевого Свободного государства. Силы воюющих сторон в этой войне, от её начала и до ее завершения, были неравными: Великобритания имела значительный перевес в войсках, английские войска были лучше экипированы, военная организация английской армии стояла гораз-

до выше, чем у буров. Но последние, в отличие от английских войск, были лучше морально мотивированы, хорошо знали местность, на которой им пришлось воевать. К этому следует прибавить еще один важный фактор – это европейское общественное мнение, которое на протяжении всей войны было на стороне буров, а также позиции других великих держав, включая Францию, Германию и Россию, которые пристально следили за войной. Эти факторы морально поддерживали буров, питали надежды на победу в войне, навязанной им из Лондона, но их оказалось недостаточно, и буры в конечном счете проиграли войну, лишившись своей государственности. Но, как сказал один бурский деятель незадолго до окончания той войны, «Надеюсь ли я на счастливый исход борьбы? Не знаю, но в одном я уверен: каков бы ни был теперь исход англо-бурской войны, конечный результат ее несомненен – не пройдет и четверти века, и англичане утратят свое господство в Южной Африке, которая всецело (может быть, за исключением Наталя) будет принадлежать бурам» [2, с. 497].

Основу контингента русских добровольцев составляли военные, правда, были и гражданские, желавшие испытать себя в боевой обстановке: Россия не воевала ни с кем со времен последней Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В архивах сохранились рапорты от русских офицеров, желавших отправиться на войну, так сказать «для ознакомления обстановки». Так, на имя военного министра А.Н. Куропаткина была подана докладная записка от поручика А. Едрихина, который отправился в Трансвааль в качестве военного корреспондента: «Желаю отправиться в Южную Африку, чтобы лично следить за ходом англо-трансваальской войны... о скорейшем зачислении меня в запас армии с предоставлением права по возвращении с военных действий быть зачисленным снова в полк, с зачетом в службу времени, проведенного в отсутствии, и отпуске за это время содержания» [3. Л. 28]. На документе имеется положительная резолюция, сделанная военным министром. Как правило, подобные прошения воспринимались вышестоящим военным начальством с «пониманием». Откомандированные на войну офицеры отправлялись в запас, а после возвращения могли быть восстановлены по прежнему месту службы, но без материальной компенсации за время, проведенное в командировке на войну, за исключением специальных военных агентов, которые были прикомандированы к ставкам воюющих сторон. Военное министерство не несло никакой ответственности за «отпускника», после получения разрешительных документов все дальнейшие хлопоты ложились полностью на плечи волонтера. Дорога на войну была не близкой и занимала от двух и более месяцев и стоила недешево. Большую

помощь в отправке добровольцев оказывали различные «комитеты», которые действовали в различных городах России.

Война, на которую прибывали русские волонтеры, имела отличие от тех, с которыми были знакомы в России. Бурам была чужда воинская дисциплина, они воевали так, как привыкли воевать с кафрами, небольшими отрядами, не имели представления о достижениях военной науки последних десятилетий. Привыкнуть к такому порядку вещей было непросто. В донесении В.И. Ромейко-Гурко не без досады сообщалось, что после начала английского контрнаступления под Ледисмитом, которое, как показали последующие события, оказалось переломным в войне, буры беспорядочно начали отставлять ранее занимаемые позиции. Попытки командующего бурскими силами в этом районе генерала Боты организовать оборону успеха не имели вследствие нежелания предводителей отдельными бурскими отрядами подчиниться требованиям главного военного командования [4, с. 178].

Говоря о тактике ведения войны, русские наблюдатели отмечают, что буры предпочитали оборонительный характер, вследствие чего теряли инициативу, что нередко становилось причиной последующих неудач и поражений. До поры до времени этот недостаток буры компенсировали тем, что, хорошо зная местность, на которой велись военные действия, умело организовывали засады против небольших английских отрядов. Сама по себе эта тактика, как отмечалось, приносила определенные успехи, английское командование было вынуждено держать в тылу значительное количество войск для охраны коммуникаций, но эта тактика, от которой буры так и не смогли отказаться, уже несла в себе зародыш поражения.

Недостаток военной дисциплины, слабость военной организации бурской армии, где каждый бур сам себе командир, перепады в настроениях бурских командиров и рядовых мешали организовать планомерное управление войсками, которые предпочитали действовать, сообразуясь со «своими собственными планами», что подрывало всякие попытки верховного командования наладить необходимое взаимодействие между отдельными подразделениями бурской армии. Неспособность большими силами организованно перейти в наступление, закрепиться, как этого требует военная наука, и снова продолжать наступление до полного разгрома противника, была «ахилесовой пятой» всей бурской армии, а не только ее отдельных частей.

Организация штабной работы у буров, как свидетельствуют воспоминания М.А. Зигерн-Корна о его пребывании при штабе главнокомандующего бурской армии, оставляла желать лучшего. «Штаб главнокомандующего генерала Боты состоял из его секретаря, начальника военного телеграфа и двух-трех телеграфистов. Ника-

ких письменных сведений в этом штабе не имелось, не было и никаких карт. Не имея привычки ими пользоваться, бурские военачальники относятся к ним с большим недоверием; а зная и без того отлично местность, обходятся без всяких карт» [5, с. 34]. Автор не без горечи констатирует: «сознаюсь, многое, что пришлось мне видеть и изучать, на первый взгляд казалось мне малопоучительным. Всюду отсутствие боевой организации, роль начальников ничтожна и низведена почти до одних только хозяйственных обязанностей; дисциплины и простого даже чинопочитания и следов нет. Все те данные, из которых слагается наше понятие о настоящей армии, или отсутствуют у буров, или находятся у них в весьма примитивном и своеобразном виде» [5, с. 39].

Слабость военной организации бурской армии отчасти компенсировалась индивидуальными качествами и психологией буров, которые в этом плане были хорошо подготовлены к испытаниям и лишениям войны и достаточно стойко их переносили. «Вся сила этой импровизированной армии покоится на индивидуализме, на взаимном доверии, на широком проявлении в каждом данном случае инициативы, здравого смысла, личных врожденных качеств, физических и нравственных, выработанных вековой практикой войны и на глубокой религиозности буров» [5, с. 39].

По мнению В. Ромейко-Гурко, к положительным качествам буров следует отнести большую выносливость и неприхотливость, если того требуют обстоятельства; способность совершать большие переходы, не подрывая сил конского состава; знание местности и умение ориентироваться на незнакомой местности; прекрасное владение ручным огнестрельным оружием; внимательное отношение к окружающей обстановке в бою и по большей части правильная, хотя и своеобразная, оценка ее и, как следствие этого, умение обходиться без указаний начальников [2, с. 210].

При общей внешней неорганизованности армии буров снабжение было налажено неплохо. В донесении В.И. Ромейко-Гурко из Трансвааля отмечается, в частности, что «патронов имеется большой запас... Кроме того, ныне выделяются патроны, а равно бездымный порох на месте, для чего были приспособлены фабрики динамита, употреблявшегося в копях и золотых приисках. Орудия различных систем. Снаряды тоже выделяются на месте, и действием их войска довольны. Но выделять орудия на месте здесь не могут» [4, с. 3]. Это же самое касается продовольственного снабжения и медикаментов, последние поступали регулярно из Европы по линии общества Красного Креста, который хорошо наладил здесь свою работу.

Что было привычным для бура с детства, с трудом переносилось жителями Старого Света. По воспоминаниям В. Рубанова: «Ла-

герная жизнь оказалась не особенно приятной. Только побывав на военном поле, начинаешь понимать всю тяжесть этой обстановки. Тысячи людей, оторванных от своих семейств и обычного труда, проводят целые месяцы без дела и коротают время в забавах, еде и сне. Страшно изнуряет убийственный климат – днем нестерпимая жара, а ночью температура падает до нуля, и приходится, не раздеваясь кутаться в три одеяла, чтобы согреться и заснуть» [6, с. 38]. Интересные зарисовки о военном быте буров в период осады ими Ледисмита оставил в своих «Письмах о Трансваале» А.Е. Едрихин. Быт буров на войне был непритязательным, он сохранил в себе общие черты повседневной мирной жизни бура и его семьи. Вот, как пишет о нем автор: «Все лагеря буров походило один на другой, с тем различием, что у буров-фермеров лагерь состоял из повозок с приделанными на задках будками, а у буров-горожан и в иностранных отрядах – из палаток, частью выданных правительством, частью отнятых у англичан. Но порядок был один и тот же: каждый располагался там, где хотел. У каждой палатки или повозки дымились костры, на которых черная прислуга варила кофе, пекла блины, варила мясо. Тут же валялись кости, остатки пищи, на сучьях акации сушилось нарезанное полосками и сплошь покрытое мухами мясо. Известных мест обыкновенно не отводилось». Правда, утверждать, что буры проявляли полную беспечность нельзя, для наблюдения за порядком в лагере и вокруг него «существовала должность интенданта, но обязанности его зависели как от собственного усмотрения, так и от доброй воли бюргеров» [2, с. 219].

Мир и война для буров были понятиями относительными. Война с Англией не изменила уклада жизни бура, хотя и внесла в него некоторые новые штрихи, которые со стороны кому-то могли показаться странными для военного времени, но только не для бура, который принципиально ничего не хотел менять в своей жизни. Нередко буры отправлялись на войну вместе со своими черными слугами, которые готовили для своего хозяина пищу, стирали одежду, кормили лошадей, выполняли другие хозяйственные дела. Даже на войне буры не хотели отказываться от своих привычек, которые принимали весьма причудливый вид для стороннего наблюдателя, незнакомого с жизнью бура до войны. «По дороге из лагеря в лагерь буры разъезжали легким галопом, очень часто под зонтиком в сопровождении кафра, везшего ружье и патронташ своего "бааса" [2, с. 219], нисколько не заботясь о своей безопасности», вспоминал А. Едрихин одно из своих посещений буров [2, с. 219].

Ситуация на войне долго носила неопределенный характер, линии фронта как таковой не было, имели место военные столкновения. Такое положение в принципе устраивало буров, которые могли «уехать в отпуск» домой навестить свою семью, попутно решая хо-

зайственные дела. Но со временем ситуация изменилась, война приняла более менее осязаемый вид. Англичане после первых неудач в начале войны постепенно набирались опыта, приспособившись к ней, начав навязывать бурам свою тактику, которой буры не могли эффективно противостоять. Замена высшего командования в английской армии, успешные действия британских войск под командованием генерала Робертсона, снявшего многомесячную осаду с Ледисмита, полностью расстроило военную организацию в бурских войсках, вызвало сильное брожение, сменившееся паникой, позднее переросшим в беспорядочное бегство.

Причины военных неудач бурской армии следует искать в психологии самих буров. А она осталась психологией крестьянина (само слово «бур» в переводе с голландского означает «крестьянин»). Индустриальная революция на Западе практически не затронула ее, бур по-прежнему жил замкнутым миром своей семьи, его познания о том, что происходило за пределами этого мира, были весьма ограничены. Если цели войны он еще мог осознать, то действовать соответственно с ними ему было очень трудно. Даже находясь на войне, бур жил мыслями о своем доме, своем хозяйстве, которое оставалось без него. Порывы храбрости сменялись тревогой и неуверенностью, это очень мешало воевать. К этому следует добавить, что, как учит история, ни одна крестьянская армия, а армия буров в значительной степени состояла из буров-фермеров, никогда не смогла одержать победу над регулярной армией. Понимание психологии бура нелегко давалась европейцу, особенно тому, кто никогда не имел с ними дел. Как отмечал М. Зигерн-Корн, «буры не только скрытны по натуре, не доверяют иностранцам, но и воспитание их и весь их быт настолько суровы, патриархальны и своеобразны, что подчас трудно добраться до истины» [5, с. 39].

До начала войны с Англией бурам очень долго приходилось воевать с кафрами. Буры не были преисполнены идеями равенства с их чернокожими слугами. «Пока черный слуга служит ему с покорностью и преданностью, он относится к нему спокойно, справедливо и даже добродушно. Но достаточно, чтобы бур почувал в чернокожем малейший оттенок коварства, малейшую искру возмущения, как спокойный и добродушный хозяин превращается в грозного, неумолимого палача и подвергает непокорного жестокому наказанию, не смущаясь никакими последствиями» [5, с. 68]. Отношения между бурами и местным населением были непростыми, и начавшаяся война с Англией их не изменила. «Англичане скоро поняли, что в лице кафров они могут иметь весьма полезных союзников. Достаточно им было сделать несколько платонических обещаний как среди чернокожих с невероятной быстротой распространился слух, что англичане, победив и изгнав буров, даруют всем кафрам полную

свободу, возвратят им их землю, дадут им права гражданства, право самоуправления и т.п., а пока что всякого кафра принимают к себе на службу и платят хорошее жалованье» [5, с. 71].

Среди буров укоренилось мнение, не подтвержденное независимыми источниками, но и не опровергнутое, что англичане вооружают кафров и засылают их к ним в тыл, где те творят всевозможные бесчинства над безоружным бурским населением, включая женщин и детей. Так, Зигерн-Корн обращал внимание на достаточно странную гибель в тылу бурского офицера Ломбарда, ссылаясь на телеграмму, в которой сообщалось, что «Бурский лейтенант Ломбард, безоружный, предательски убит разбойничьей шайкой вооруженных англичанами кафров, предводительствуемой английским офицером...» [5, с. 72].

Политические разногласия существовали не только между бурами и Англией, но и между самими бурами. Из отчета капитана Илошина о его поездке в Южную Африку: «Буры – купцы и золотопромышленники, заинтересованные в сохранении старого режима, являются совершенно негодным боевым элементом, а бурам-фермерам (лучший элемент) будет совершенно безразлично, имеют ли над собою республиканское правительство или Англию». Будущее полностью подтвердило сказанное. Если психологический портрет среднестатистического бура на войне более или менее понятен, то составить психологический портрет английского солдата и офицера сложно, поскольку контакт с ними русских волонтеров был возможен только на поле боя или с пленными. Поэтому, чтобы решить поставленную задачу, приходится сопоставлять отдельные свидетельства русских волонтеров, имевших физический контакт с английскими военными. Сразу отметим, что свидетельства на этот счет достаточно субъективны. Если в отношении буров в целом отмечается благожелательные характеристики, то с англичанами дело обстоит сложнее. Англичанин – враг, поэтому негативное восприятие противника затрудняет поиск в нем положительных сторон. Воспоминания сохранили в памяти подавленные и растерянные лица пленных английских солдат и офицеров. Английская армия в тот период действительно показывала себя в военном и психологическом состоянии не лучшим образом. В этом, по-видимому, сказалась общая растерянность английских войск при неумелом командовании старших командиров, которые не могли должным образом оценить характер навязанной им бурами тактики ведения войны. В оценке английской армии, воевавшей против буров, имеются нередко взаимоисключающие суждения. Истину, по-видимому, следует искать где-то посередине. Как отмечал весьма проницательный в этом вопросе В. Ромейко-Гурко, выделяя причины затягивания войны между бурами и Англией, «Если, таким образом, мы видим, что Англия

все еще не в состоянии подавить вооруженное сопротивление Южно-Африканских Республик, то это отчасти объясняется низкой степенью боевой готовности в английских вооруженных силах и недостатком среди них талантливых начальников, ибо до сих пор на стороне англичан не выдвинулось ни одно действительно выдающегося офицера, отчасти же еще раз подтверждается, поскольку трудно [идти] против народной войны, справиться с которой и более искусные, нежели англичане, оказывались бессильны» [2, с. 262].

Это взгляд военного, а вот взгляд рядового участника войны, медицинской сестры Марии З., которая опубликовала свои воспоминания под названием «Как я была добровольцем в Трансваале». В них она приводит один весьма ценный эпизод, очевидцем которого стала. Английская пехота, записано в ее воспоминаниях, «раз за разом предпринимала безуспешные попытки отбить занимаемые бурами позиции, с которых те вели достаточно эффективный огонь, и раз за разом английские атаки бурских позиций заканчивались спешным отступлением англичан, каждый раз терявших множество убитых и раненых. Но более всего меня поразило один случай, один из офицеров (английский. – А.В.), обезумевший от позора своего войска, лишившись лошади, шел один прямо на бурские позиции [...] Не более пятидесяти шагов оставалось между этим обезумевшим героем и бурами, когда шальная пуля сразила его» [7, с. 18–20].

Случаи героизма и самопожертвования были известны с обеих сторон, лучшие представители воюющих сторон не щадили своей жизни, чтобы добыть победу, поэтому надо отдать должное и тем, и другим. Мотивация буров к сопротивлению понятна и очевидна, но общий непрофессионализм и неумение буров вести войну по всем правилам военного искусства подрывали усилия и волю тех, кто верил в победу. Известно, что война способствует проявлению лучших или худших качеств в человеке, а нередко тех и других одновременно. Философский взгляд на войну дают воспоминания Е. Августуса, сцены войны выписаны в них очень натуралистично. Как военный, сознательно посвятивший себя этому занятию, Августус понимал сущность данного явления, но как нормальному человеку война была ему отвратительна своей бессмысленной жестокостью. «Нужно обладать нервами мясника, чтобы равнодушно взирать на эту картину поля сражения, от которой и теперь еще, при одном воспоминании, у меня холодеет сердце. Кучками нагромождены тела англичан, искавших за валами спасения от убийственного огня буров. Разве эти безжизненные громады каменных гор стоили того, чтобы из-за них погибло столько молодых цветущих жизней, чтобы из-за них пролилось столько крови!» [8, с. 93].

Более всего Е. Августуса поразили один случай, который он сохранил в памяти и передал в своих воспоминаниях о войне. После боя, «наступает небольшая пауза, когда с обеих сторон появляются небольшие группы с белыми флагами», идущие собирать убитых и раненых на поле недавнего сражения. «И буры и англичане, за минуту перед тем убивавшие друг друга с кровожадностью озверевших людоедов, столпились в кучу, почерневшие от копоти, забрызганы кровью и мозгами своих павших товарищей, истомленные, измученные двенадцатичасовых боем; они пьют из общей баклаги воду, делятся по-братски последним сухарем» [8, с. 92–95].

Война есть тяжелое испытание для любого: и для того, кому уже довелось бывать на ней, и для тех, кто на ней впервые. Не все могли выдержать такие испытания и пройти через них. Надо отметить, что несмотря на весь накал борьбы, в которой ценность человеческой жизни измерялась задачей овладеть той или иной высотой или, наоборот, необходимостью ее удерживать до конца, сколько хватит сил и жизней, на человеческом уровне между противниками не было того, что мешало в противнике видеть не только врага, которого необходимо убить любой ценой, принципы гуманного отношения к противнику не отменялись, по крайней мере в отношении к пленным и раненым. Те из русских добровольцев, кто побывал в английском плену, отмечают в целом нормальное к себе отношение со стороны противника, то же было и с англичанами, оказавшимися в плену у буров. Раненым оказывалась медицинская помощь, их содержание было в целом удовлетворительным. В воспоминаниях русского волонтера М. Енгальчева, интервью с которым напечатал «Тифлисский листок», можно прочитать: «Когда я лежал в Йоганнесбурге во французском амбулансе (госпиталь. – А.В.), нас посетил однажды главнокомандующий английской армией Робертс. Он говорил, что остатки русского корпуса храбро сражались под Преторией» [2, с. 472].

После окончания войны англичане довольно быстро освободили большую часть иностранных пленных. Отдельные русские волонтеры вернулись из английского плена еще до полного окончания войны, предоставив необходимые расписки, что в будущем они больше не вернуться на нее. У другой части военнопленных путь домой оказался более длинным, кто-то был отправлен на остров Святой Елены или Цейлон, условия на последнем, с учетом тропического климата, были достаточно тяжелыми. Но военнопленным оказывали помощь различные благотворительные общества, англичане не препятствовали их деятельности. В некоторых из них состояли жены старших офицеров британской армии, проявляя участие в судьбе пленных. По донесению российского консула фон Клемма: «Супруга командующего войсками бомбейского округа леди

Уестмакотт, посетившая недавно вместе со своим мужем Ахмед-Нагарский лагерь, приняла большое участие в господине Шульженко... велела снять с него фотографию, которую она хочет через меня послать его родным» [9. Л. 18–19].

Но война это не только сражения, тяготы и лишения, с ней сопряженные, неизвестность в завтрашнем дне, но и любовь и те чувства, которые она побуждает в человеке, оказавшемся на войне. Е. Августус в своих воспоминаниях сохранил место этому прекрасному чувству, которое помогает человеку хотя бы ненадолго отвлечься от суровых будней войны. Дело было после того же сражения под Спионскопов, когда отдельные бурские подразделения были сняты с передовой и отправлены в тыл на отдых и доукомплектование. Е. Августус оказался в незнакомой ему до этого Претории, одной из двух столиц бурских республик. В одной из гостиниц случай свел молодого подпоручика с французской актрисой местного варьете, если так можно назвать это заведение в прифронтовом городе. После легкого знакомства оба они оказались «на клеенчатом диване станционной комнаты». «Француженка теперь вполне овладела мной и продолжала болтать без умолку. Я глядел на нее не находя силы отвести глаз; я позабыл, что меня ждут товарищи, что через минуту-другую должен тронуться поезд... В звуках ее голоса, в изгибах ее тела, в чарующей улыбке, в задорном блеске ее глаз было что-то опьяняющее, захватывающее всю душу, все помыслы мои... "Мне жалко вас, бросьте эту гадкую войну! Вы точно школьник, начитавшийся Майн Рида"». Я не успел ей ответить. В комнату ворвался запыхавшийся, взволнованный Диатропов» [8, с. 56]. В незамысловатом рассказе об этой встрече прослеживается непростая коллизия чувств человека на войне: с одной стороны, чувство долга, ответственность перед товарищами, с другой стороны, желание забыть хотя бы на время, что идет война, и завтра ты можешь умереть.

Как уже говорилось выше, Англо-бурская война позвала в ряды бурской армии волонтеров из многих стран Европы: голландцев, немцев, французов, поляков, венгров, ирландцев, болгар, русских и даже американцев. Нередко, даже не зная языка друг друга, люди быстро начинали общаться, при помощи жестов и мимики налаживали контакты, проявляя дружеское расположение, хотя, конечно, случались разного рода недопонимания и недоразумения. Война привлекла в Трансвааль людей самых разных, не только по языку и национальности. Было бы неправильно считать всех прибывших на войну идеалистами и романтиками, хотя такие, конечно, были. Как писал Е. Августус, «здесь были люди, собравшиеся со всех концов земного шара. У некоторых из них было темное прошлое; многих из них, вероятно, на родине разыскивало правосудие... Правительство

республики за все время войны никого не приглашало на службу, никого не вербовало, а приехавшим на свой страх и риск волонтерам не платило жалованья; сами буры относились порой к этим современным крестоносцам недоверчиво. А волонтеры между тем шли сотнями и тысячами в Трансвааль, тратя свои последние деньги на дорогу, приезжали уже без копейки в Преторию, и однако ж, мало кто оставался в городах, где при бессилии властей, при царившей тогда анархии рыцарям "без страха, но не без упрека" представлялось более обширное и сравнительно безопасное поле деятельности, а большинство из них отправлялись к фронту, на войну, рвались в бой» [8, с. 13].

В. Ромейко-Гурко в своих донесениях также не обходит этот щекотливый вопрос. «Добровольцев, прибывших из Европы, можно разделить на две категории. Первая состояла из лиц, прибывших на собственный риск и средства. Побуждаемые возвышенной идеей борьбы за свободу безвинно притесненного народа, они чужды были всякой корыстной мысли, но при этом, быть может, надеялись дешевой ценой пробрести орел героя, борца за правое дело, а равно занять видное место среди руководителей военными действиями. Большинство рассчитывало занять офицерские места в бурских войсках, об организации которых они не имели ни малейшего представления. В другой категории были люди, ехавшие не по личному почину, а принявшие предложения от различных комитетов во Франции и Германии, которые вербовали добровольцев по собственной инициативе на средства, собранные добровольными пожертвованиями. Очевидно, что большей части этих добровольцев была чужда идеальная сторона побуждений первой категории...». И далее, «первых можно было видеть в передовых рядах и участниками тех немногих активных действий, которые предпринимали войска союзников, готовыми показать пример храбрости и самопожертвования, не останавливаясь перед необходимостью рисковать жизнью. Вторые, напротив, желали прежде всего извлечь какую-нибудь личную выгоду из своего пребывания в Трансваале и отнюдь не были склонны рисковать жизнью для дела, на которое смотрели как на средство, а не цель. Впрочем, некоторым из них побудительной причиной для активных действий служила надежда на захват военной добычи, каковой они считали все, что не имело или только что от вражеской пули лишилось хозяина» [4, с. 67].

Полковник Стахович в справке о русских офицерах-добровольцах дает такие характеристики на некоторых из них: «8. Лейтенант [военно-морского флота] фон Строльман [Борис Андреевич] прибыл в Трансвааль в мае [1900]. Принимал самое деятельное участие в войне, все о нем отзывались как о выдающемся храбрце. После взятия Претории, когда почти все добровольцы

разъехались, или попали в руки англичан, он принял участие в партизанских действиях буров и в конце июня был убит. 9. Состоявший в запасе штабс-капитан крепостной минной роты Шульженко [Александр Николаевич]. Выдающаяся личность, весьма храбр. В Россию возвращаться не думал». Или другой пример, из той же справки Стаховича: «11. Корнет запаса Бискупский [Василий Викторович]. Совсем мальчик. Алкоголик. В военных действиях почти не участвовал» [10. Л. 41].

Сохранились фрагменты воспоминаний о наших соотечественниках – участниках той далекой войны. К сожалению, они носят отрывочный характер и вкраплены в канву общих воспоминаний. Признанным героем Англо-бурской войны из числа русских добровольцев был Евгений Яковлевич Максимов, он командовал Иностранным легионом (сборным отрядом иностранных добровольцев), участвовал во нескольких сражениях, был ранен, после окончания войны вернулся в Россию. 24 мая 1900 г. был провозглашен бурами «фехтгенералом» (боевым генералом. – А.В.) и стал вторым иностранцем (после француза графа Виллебуа-Марейль, первого командира Иностранного легиона), кто был удостоен этого звания в бурской армии. Наиболее полный портрет этого человека сохранили мемуары Е. Августуса, который лично знал Е.Я. Максимова и встречался с ним несколько раз. По его воспоминаниям, «Максимову, видно, тогда перевалило уже за сорок лет, но глаза его загорались юношеским блеском, ноздри расширялись и трепетали, когда ему приходилось говорить о своем прошлом или о тех планах, которые он надеялся осуществить в Трансваале. Невысокого роста, сухой, жилистый, с резкими характерными чертами лица, в поношенной куртке австрийского покроя, в высоких сапогах – нельзя сказать, чтобы он с первого взгляда, с первой встречи производил чарующее впечатление». Как заключает свой короткий рассказ об этом человеке автор, «такие люди не могут ужиться в тесной рамке мирной, обыденной жизни, они рвутся на простор, на волю. Люди его склада или оставляют след в истории как бесстрашные путешественники, открывающие новые неизвестные земли, как мореплаватели, как воины, как вожди народные во времена великих переворотов и катастроф, наравне с именами Дежнева, Пржевальского, Стенька Разина, или делаются жертвами людской тупости, равнодушия и с обрезанными крыльями задыхаются где-нибудь в глуши в чине отставного капитана» [8, с. 24–25].

Читая эти слова из воспоминаний Е. Августуса о Е. Максимове, невольно вспоминается Сильвио из замечательного рассказа А.С. Пушкина «Выстрел». Еще одной легендой той войны был штабс-капитан Александр Николаевич Шульженко, он приехал в Трансвааль одним из первых русских добровольцев. Рыцарь «без

страха и упрека», так можно было бы его охарактеризовать. По воспоминаниям М. Енгальчева: «Был у нас офицер, некто штабс-капитан Шульженко, поражавший всех своей феноменальной отвагой. По целым дням бродил он у английского лагеря... часто подходил шагов на 150 к неприятельским траншеям, натыкался на их разьезды и один завязывал с последними перестрелку, при этом всегда оставался целым» [2, с. 473]. К сказанному добавим, что А.Н. Шульженко, как и Е. Максимов, снискал себе славу не только у своих соотечественников, по праву гордившихся ими. Знали и восхищались их смелостью и отвагой и иностранные добровольцы. А.Н. Шульженко, воевавший в отряде прославленного бурского генерала Девета, пережил падение двух бурских столиц: Иоганнесбурга и Претории, раненым попал в плен к англичанам, затем был отправлен в лагерь военнопленных на Цейлон, откуда позднее был вызволен усилиями российского МИДа, вернулся в Россию, позднее принимал участие в Русско-японской войне 1904–1905 гг., где, по некоторым данным, как и Е.Я. Максимов, погиб. Многие из русских волонтеров, участников той войны, исчезли в бурных водоворотах Первой мировой и Гражданской войн, но память о них хранят для потомков воспоминания, оставленные ими или их соотечественниками. После смены политического режима в ЮАР в начале 1990-х, культивировавшего героическое прошлое буров в литературе, фильмах, изобразительном искусстве, названиях улиц и площадей, для современной ЮАР события той войны стали окончательно перевернутой страницей истории.

Список литературы

1. Огороков А.В. Русские добровольцы. – М.: Яуза, Эксмо, 2007. – 368 с.
2. Англо-бурская война. 1899–1902 гг. По архивным материалам и воспоминаниям очевидцев. – М.: Восточная литература РАН, 2001. – 528 с.
3. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 488. Д. 1451.
4. Ромейко-Гурко В.И. Война Англии с Южно-Африканскими Республиками. Отчет командированного по Высочайшему повелению Генерального штаба полковника В.И. Ромейко-Гурко. – СПб., 1901.
5. Рубанов В. От Петербурга до Претории. – СПб., 1900. – 112 с.
6. Зигерн-Корн М.А. Англо-бурская война. От сдачи Претории до отъезда президента Крюгера в Европу. – Б.г., б.м. – 64 с.
7. Мария З. Как я была добровольцем в Трансваале. – Киев, 1901. – 110 с.
8. Августус Ев. Воспоминания участника англо-бурской войны. – Варшава, 1901. – 180 с.
9. РГВИА. Ф. 401. Д. 5.
10. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 151. Д. 2123.

References

1. Okorokov A.V. *Ruskiye dobrovol'tsy* [Russian volunteers]. – Moscow: Yauza, Eksmo, 2007. – 368 s.
2. *Anglo-burskaya voyna. 1899–1902 gg. Po arkhivnym materialam i vospominaniyam ochevidtsev* [The Anglo-Boer War. 1899–1902. According to archival materials and eyewitness recollections]. – Moscow: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN [Publishing Company “Eastern literature” RAN], 2001. – 528 s.
3. *Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv (RGVIA)*. F. 488. D. 1451.
4. *Romeyko-Gurko V.I. Voyna Anglii s Yuzhno-Afrikanskimi Respublikami. Otchet komandirovannogo po Vysochayshemu povelenu General'nogo shtaba polkovnika V.I. Romeyko-Gurko* [War of England with the Republic of South Africa. The report of Colonel V.I. Romeyko-Gurko]. – St. Petersburg, 1901.
5. *Rubanov V. Ot Peterburga do Pretorii* [From Saint-Petersburg to Pretoria]. – St. Petersburg, 1900. – 112 s.
6. *Zigern-Korn M.A. Anglo-burskaya voyna. Ot sdachi Pretorii do ot'yezda prezidenta Kryugera v Yevropu* [The Anglo-Boer War. From the surrender of Pretoria to the departure of President Kruger to Europe]. – B.g., b.m. – 64 s.
7. *Mariya Z. Kak ya byla dobrovol'tsem v Transvaale* [As I was a volunteer in the Transvaal]. – Kiev, 1901. – 110 s.
8. *Avgustus Yev. Vospominaniya uchastnika anglo-burskoy voyny* [Memoirs of a participant in the Anglo-Boer War]. – Warsaw, 1901. – 180 s.
9. RGVIA. F. 401. D. 5.
10. *Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii (AVPRI)*. F. 151. D. 2123.

Е.О. Наумов

Организация работы в штабных учреждениях армий Восточного фронта во второй половине 1918 г.

В статье на основе архивных материалов и воспоминаний участников событий раскрываются объективные и субъективные факторы, препятствующие планомерному налаживанию функционирования штабов армий и дивизий Восточного фронта в экстремальных условиях начала ширококомасштабной Гражданской войны в Среднем Поволжье. Особое внимание уделяется качественной характеристике кадрового состава штабов как квалифицированных военных специалистов, так и технического персонала, в частности их опытности, уровню дисциплины, внешним условиям проживания штабных сотрудников, также игравшим большую роль в качестве их деятельности.

Делается вывод о неудовлетворительной организации деятельности штабов, которая проявлялась в неспособности их сотрудников быстро и качественно выполнять огромное количество штабной работы из-за необеспеченности вооруженных сил квалифицированными специалистами.

Ключевые слова: Гражданская война, Красная армия, Восточный фронт, штабные учреждения, военные специалисты, дисциплина, организация работы.

Е.О. Naumov

Organization of work in the headquarters of the Eastern Front's armies in the second half of 1918

The article, based on archival materials and memoirs of the participants of the events, reveals the objective and subjective factors preventing systematic establishment of the functioning of the headquarters of the armies and divisions of the Eastern Front in the extreme conditions of a large-scale Civil War in the Middle Volga region. Special attention is paid to the qualitative characteristics of the staff, both qualified military specialists and technical personnel, in particular their experience, the level of discipline, as well as the external living conditions of staff officers, which also played a major role in the quality of their activities.

The author concludes about the unsatisfactory organization of the staffs' work, which manifested itself in the inability of their employees to perform a huge amount of staff work quickly and qualitatively due to the lack of supply of armed forces by qualified specialists.

Key words: the Civil War, the Red Army, the Eastern Front, staff institutions, military specialists, discipline, experience, organization of work.

Успех управления войсками в боевых условиях в значительной степени зависит от организации работы армейских, дивизионных и полковых штабов, которая, в свою очередь, обуславливается уровнем профессиональной подготовки кадрового состава и целым рядом других факторов. Однако в экстремальных условиях глубокого экономического и социально-политического кризиса, к которым можно отнести период Гражданской войны в России 1917–1922 гг., обеспечить планомерную деятельность штабных учреждений Красной армии удавалось далеко не всегда. Это было связано с тем, что процесс создания штабов, формирования воинских частей и соединений, а также руководство боевыми действиями происходили параллельно. Данная особенность была характерна для начального этапа образования Красной армии на Восточном фронте во второй половине 1918 г. Так, антибольшевистское выступление Чехословацкого корпуса и начало создания в Самаре 8 июня 1918 г. Народной армии Комитета членов Учредительного собрания потребовали сосредоточения в регионе частей и отрядов Красной армии, а также формирования штабов армий, дивизий и полков с разветвленной системой отделов и управлений, и организации командования ими. Однако из-за множества факторов данный процесс проходил достаточно медленно, что отрицательным образом сказывалось на организации Красной армии и ее боеспособности.

Одной из наиболее важных проблем являлся недостаток квалифицированных военных специалистов. Например, согласно докладу начальника оперативного отдела штаба 1-й армии Восточного фронта, подразделение первоначально состояло из него самого и одного адъютанта [1. Л. 165]. Отдел снабжения также включал только начальника и четырех служащих [2, с. 76]. Подобные сложности испытывала и 4-я армия. Так, в приказе № 2 от 2 августа 1918 г., в котором объявлялись штаты штаба объединения, из 27 должностей семь были вакантными [3. Л. 3].

По словам канцелярского служащего штаба Симбирской дивизии 1-й армии А.М. Уральцева, в августе 1918 г., сразу после формирования соединения, технический персонал главного органа управления также «был небольшим» – начальник штаба, делопроизводитель, телеграфист, две машинистки и два переписчика [4, с. 254]. Полковые штабы ввиду длительного процесса переформирования небольших отрядов в части также не представляли собой полноценной организационной системы. Командир 2-го Симбирского полка Симбирской дивизии 1-й армии П.Ф. Устинов вспоминал, что в начале сентября 1918 г. «весь штаб полка состоял из адъютанта Воронова, ординарца Башаева да полевой сумки, в которой хранилась единственная на весь полк карта-десятиверстка» [5, с. 227].

Поэтому командующие армиями в первые дни после вступления на должность вынуждены были заниматься комплектованием штабов объединений и дивизий путем отправки вышестоящему начальству многочисленных просьб о присылке сотрудников. Например, командующий 1-й армией А.И. Харченко 23 июня 1918 г. телеграфировал командующему Восточным фронтом М.А. Муравьеву: «Вышлите людей опытных для Штаба армии» [6. Л. 154]. Аналогичную телеграмму 29 июня 1918 г. отправил командарм М.Н. Тухачевский, сменивший А.И. Харченко 26 июня: «Вступил в командование. Штаба армии нет. Штабов групп нет... Грамотных людей нет. Если будут специалисты можно поставить дело блестяще. Передайте все что можно» [7. Л. 28]. Согласно телеграмме начальника штаба армии Р. Шимунича в штаб фронта в Казани от 2 июля 1918 г. для органов управления объединением требовались пять «адъютантов бывших офицеров, работавших в штабах», четыре начальника связи и множество других специалистов. Телеграмма заканчивалась примечательной фразой: «В общем присылайте все, что есть в вашем распоряжении» [8. Л. 90–91]. Однако из-за длительной неорганизованности центральных и фронтовых органов военного управления прибытие нужных специалистов очень часто задерживалось, что не способствовало планомерному налаживанию функционирования штабов.

Совершенно очевидно, что недостаток сотрудников тормозил создание и функционирование главных органов управления войсками, в результате чего заведующие отделами не только выполняли все основную работу, но и зачастую брали на себя обязанности других, еще несформированных подразделений. Так, начальник оперативного отдела штаба 1-й армии докладывал, что круг его полномочий был чрезвычайно широк и не ограничивался только разработкой воинских операций: «Подчас из дивизий обращались в отдел с просьбой отпустить сапоги, крупу, мясо и т. д. Начальнику оперативного отдела, а также его адъютанту приходилось нередко производить разведку в районе штаба или лично отправлять на автомобилях или повозках команды» [1. Л. 165]. Например, согласно приказу по 1-й армии № 22 от 23 июля 1918 г., 21 июля призванный по мобилизации военный инженер М.А. Толстой вместе с несколькими добровольцами согласился провести на паровозе разведку по железнодорожной линии станция Инза – Симбирск. Сообщалось, что офицер «блестяще выполнил добровольно взятую на себя разведывательную задачу и с пути телеграфно дал много ценных результатов своей разведки» [9, с. 38]. Начальник отдела снабжения И.М. Штейнгауз не только обеспечивал одиночных красноармейцев продовольствием и обмундированием, но и занимался санитарным делом [2, с. 76; 10, с. 82].

Отсутствие или нехватка на первых порах канцелярских служащих также отвлекали руководящий персонал от основной работы. Так, сотрудники мобилизационного отдела сами переписывали бумаги и телеграммы и даже относили их на телеграф [11, с. 179]. Однако имели место и обратные случаи, когда малоквалифицированные работники заменяли начальников отделов. Переписчик штаба Симбирской дивизии 1-й армии А.М. Уральцев, назначенный на указанную должность в августе 1918 г., вспоминал, что из-за недостатка оперативных карт и отсутствия начальников оперативного и разведывательного отделов ему приходилось самостоятельно заниматься выкопировкой отдельных боевых участков, а также группировать и сводить в один документ получаемые из полков донесения и разведывательные сводки [4, с. 254].

Так как штабная деятельность предполагала выполнение большого количества бумажной работы, состав главных органов управления предполагалось комплектовать малоквалифицированным персоналом. В цитируемой выше телеграмме начальника штаба 1-й армии Р. Шимунича от 2 июля 1918 г. сообщалось о необходимости присылки четырех делопроизводителей и десяти писарей [8. Л. 90–91]. Нужно отметить, что некомплект штабных работников сохранялся постоянно, в результате чего он восполнялся за счет местных органов власти. Например, 9 августа 1918 г. начальник административного управления штаба 1-й армии И.Н. Устичев телеграфировал в Пензенский губернский военный комиссариат: «Вышлите немедленно 2-х опытных писарей [в] Штаб армии» [12. Л. 24]. Начальник штаба армии Н.И. Корицкий в телеграмме от 17 августа 1918 г. также требовал прислать из числа мобилизованных в Пензе военных чиновников пять делопроизводителей, пять казначеев и поместить в бирже труда объявление о поиске трех машинисток или машинистов для штаба дивизии с окладом в 375 р. [13. Л. 12].

Аналогичная ситуация сложилась в деле снабжения штабов канцелярскими принадлежностями, которых также не хватало. Согласно телеграммам командующего 1-й армией М.Н. Тухачевского в Казанский окружной военный комиссариат от 28 июня 1918 г. и в военно-топографическое училище от 5 июля 1918 г., для штаба объединения требовались карты, уставы полевой службы, наставления, штативы, карандаши, резинки, перочинные ножи, линейки, бинокли, краски, тушь, треугольники, компасы, рулетки, полевые книги, ватманская бумага [7. Л. 46; 14. Л. 1].

При условии, что канцелярская работа являлась неотъемлемой частью штабной деятельности, недостаток всего вышеперечисленного мог парализовать формирование и функционирование целых отделов. Так, мобилизационный отдел штаба 1-й армии сразу после

образования не имел канцелярских сотрудников и принадлежностей, которых долгое время невозможно было найти [11, с. 179].

Однако основным техническим приспособлением штаба, его отличительным признаком как учреждения, где сосредоточивалась власть, являлась пишущая машинка, которая в несколько раз ускорила процесс делопроизводства [15, с. 494]. Поэтому в воспоминаниях военнослужащих момент ее приобретения и оказываемый этим положительный эффект упоминался достаточно часто. Например, в штабе Сенгилеевского отряда Симбирской группы войск 1-й армии приказы первоначально «писались на лоскутках бумаги карандашом и скреплялись печатью одной из дружин». И только в «конце июня в штабе была получена пишущая машинка, на которой печатались приказы по фронту» [16, с. 85]. Впоследствии первое, на что обратил внимание прибывший 2 августа 1918 г. во вновь организованный штаб Симбирской дивизии 1-й армии врач Д. Самарский, это стук клавиш двух пишущих машинок [17, с. 121]. В мобилизационном отделе 1-й армии «работа наладилась» также только после того как «благодаря энергичным мерам, через 3 дня было уже реквизировано подходящее помещение для отдела с обстановкой и с одной пишущей машинкой» [11, с. 179].

С целью регламентации деятельности штабных сотрудников центральное командование стремилось установить единый распорядок рабочего дня. Так, согласно приказу № 279 народного комиссара по военным делам Л.Д. Троцкого от 18 июня 1918 г., занятия в военных ведомствах должны были производиться в будние дни с 10 до 17 часов. «В воскресные дни на занятиях должны присутствовать с 12 до 15 часов обязательно. В каждом из отделов учреждений особо назначаются дежурные. Неисполнение этого распоряжения влечет за собой немедленное увольнение со службы» [18. Л. 4].

Однако наличие огромного количества разнообразной работы в штабах, от быстрого и качественного выполнения которой зависел исход воинской операции, нарушало установленный распорядок дня. Например, в приказе по Пензенской дивизии 1-й армии № 10 от 24 июля 1918 г. сообщалось: «Ввиду срочности работы со временем не считаться» [19. Л. 10]. Начальник штаба 1-й армии Н.И. Корицкий в приказе № 64 от 30 августа 1918 г. также предписывал «срочные дела исполнять в любое время суток» [20. Л. 176]. Пример подобной круглосуточной работы продемонстрировал начальник штаба 5-й армии Андерсен, который приказом № 4 от 26 августа 1918 г. требовал, чтобы «все срочные донесения, поступающие ночью» обязательно докладывались ему дежурным «во всякое время ночи – тотчас же по получении донесения» [21. Л. 4].

О невероятно быстром ритме штабной деятельности свидетельствуют слова переписчика Симбирской дивизии 1-й армии

А.М. Уральцева: «Работали в штабе мы много, с раннего утра до поздней ночи» [4, с. 254]. В отчете мобилизационного отдела штаба 1-й армии также сообщалось, что секретарский подотдел, состоящий из секретаря, делопроизводителя, письмоводителя, машинистки и двух журналистов «временами ... был загружен работой» [11, с. 171].

Совершенно очевидно, что ограниченные человеческие ресурсы не могли выдержать столь интенсивный график работы, что приводило к быстрому утомлению сотрудников. Упомянутый выше А.М. Уральцев в воспоминаниях жаловался: «От тревожных дней и бессонных ночей мы сильно уставали физически, похудели, но духом не падали... Круглосуточно, почти без отдыха и сна мы помогали своим начальникам в том, чтобы быстро и четко отрабатывать их распоряжения» [44, с. 255–256].

В итоге штабные сотрудники не всегда были готовы исполнять те или иные поручения круглосуточно. Командующий Восточным фронтом И.И. Вацетис в приказе № 16, подписанном в конце июля 1918 г., сообщал о случаях отказа штабов «немедленно выполнять отдаваемые экстренные распоряжения со ссылкой на служебные часы», в то время как «для экстренных боевых распоряжений нет служебных часов «от и до», – все 24 часа в сутки служебные» [3. Л. 8 об.].

В связи с этим возникали определенные трудности с назначением ночных дежурств. Например, согласно приказу № 9, подписанному в сентябре 1918 г., сотрудники штаба 5-й армии отказывались идти на дежурства, ссылаясь на невыполнение из-за этого своей основной работы. Однако начальник штаба посчитал подобные высказывания неуместными, обвинив своих коллег в недобросовестном отношении к службе [21. Л. 11]. Многие заведующие отделами вообще не назначали дежурных, чем вызывали недоумение вышестоящего руководства. Например, начальник штаба 4-й армии в приказе № 40 от 4 сентября 1918 г. писал, что, посетив накануне вечером канцелярию санитарного отдела, он не обнаружил там дежурного писаря [18. Л. 47 об.].

Кроме того, значительная группа сотрудников даже днем достаточно безответственно относилась к соблюдению установленного графика. Например, работники штаба 5-й армии в начале октября 1918 г. «неаккуратно» посещали занятия, в результате чего им предлагалось сверять свои часы по телеграфу и «являться вовремя к установленному времени» [21. Л. 23]. О систематических опозданиях военнослужащих как на дневные, так и на вечерние занятия сообщалось в приказе по штабу 4-й армии № 91 от 29 октября 1918 г. [18. Л. 148]. Некоторые сотрудники либо не посещали рабочее место, либо не приходили на место службы, не предупреждая при этом

вышестоящее начальство. Так, долгое отсутствие телефониста в штабе 5-й армии, согласно приказу № 5 от 4 сентября 1918 г., приводило к тому, что служба связи, «не зная о причинах долгого молчания», вынуждена была отправлять специального надсмотрщика для проверки линии. В итоге выяснялось, что линия исправна, а причиной молчания являлось отсутствие телефониста. Поэтому с целью избегания подобных случаев начальник штаба приказывал «установить постоянное дежурство при телефонных аппаратах». За длительное отсутствие на рабочем месте приказом по штабу 5-й армии № 60 от 3 декабря 1918 г. служащий Александров был даже подвергнут аресту на 2 суток [21. Л. 6, 76 об.].

Из-за нехватки сотрудников вакантные места зачастую занимали люди, не обладавшие необходимым опытом, из-за чего упорядочение деятельности штабов происходило достаточно медленно. Например, инспектор снабжения 1-й армии А. Позднышев прямо сообщал о неопытности работников отдела снабжения в конце июня 1918 г. [2, с. 76]. Переписчик штаба Симбирской дивизии 1-й армии А.М. Уральцев также вспоминал: «Дело было для нас новое, совершенно незнакомое» [4, с. 254]. Многие штабные работники не знали о необходимости соблюдения «военной тайны». Например, согласно приказу по 4-й армии № 56 от 20 сентября 1918 г., находившиеся на службе в штабе женщины делились с жителями города Покровска Саратовской губернии, где находился главный орган управления объединением, всеми распоряжениями, переменами и назначениями, происходившими в войсках. В конце приказа сообщалось, что все замеченные в указанных действиях «будут уволены и отданы под суд, а остальные предупреждены, что к ним будут применены более строгие меры до расстрела включительно» [18. Л. 83].

Неопытность была характерна даже для военных специалистов, занимавших крупные должности. Например, начальник штаба 1-й армии Н.И. Корицкий так писал о своем назначении: «С большим внутренним волнением вступил я на столь высокий пост. Строевой офицер в прошлом, я только в общих чертах представлял себе работу такого крупного штаба, как штаб армии» [22, с. 53]. При этом опасения Н.И. Корицкого относительно невысокого уровня своих способностей впоследствии частично оправдались. Начальник передвижения войск объединения И.А. Морозов, который работал на армейскую контрразведку с целью «выяснить личности в штабе армии», в своем докладе писал: «Корицкий дает плохо распоряжения и манкирует службой, так как о всяком назначении и отправлении воинских частей Корицкий давал распоряжения спустя [некоторое время] по прибытии эшелона или через сутки ... Благодаря халатности Корицкого приходилось отрываться от работы и убивать время для вызова по телефону, а телефон был и есть ненадежная

связь» [23. Л. 96 об. – 98 об.]. Учитывая требование Н.И. Корицкого по отношению к своим сотрудникам решать срочные дела в любое время суток и принимая во внимание вышеприведенную характеристику, можно сделать вывод о достаточно безответственном стиле его руководства, который распространялся и на нижестоящих работников.

Совершенно очевидно, что неспособность вышестоящих начальников наладить работу своих подчиненных пагубным образом сказывалась на функционировании главных органов управления войсками. В приказе по Пензенской дивизии 1-й армии № 94 от 15 октября 1918 г. начальник соединения сообщал о растерянности и небрежности руководителей и об их неспособности наладить канцелярскую работу, которую в итоге пришлось организовывать самому начальнику дивизии [24. Л. 14].

Политический комиссар Пензенской дивизии 1-й армии также писал, что обилие работы требовало от сотрудников опыта и энергии. Однако все делалось «довольно примитивно» и медленно, «как бы для того лишь, чтобы провести время». Причиной сложившегося положения называлась неспособность заведующих отделами подобрать квалифицированных сотрудников [25, с. 95–96].

Похожая ситуация, когда начальник штаба из-за халатности своих подчиненных не мог полноценно руководить работой подведомственных отделов и управлений, сложилась в 4-й армии. В приказе № 27 от 22 августа 1918 г. начальник штаба объединения писал, что по итогам приемов должностных лиц с докладами выяснилась «неосведомленность моих сотрудников товарищей начальников отделов штаба о нуждах армии и тех средств снабжения, которыми он располагает, таким образом, вышло, что только я один мог разбираться в этих вопросах и естественно, что такая ненормальность вызвала много путаницы» [18. Л. 29].

В документах содержится масса примеров недобросовестного отношения штабных сотрудников к своей работе. Так, приказом по штабу 5-й армии № 17 от 7 октября 1918 г. письмоводитель Островский за задержку служебной телеграммы срочного характера был уволен, а письмоводителю Дятлову «за невнимательное отношение к своим обязанностям» было объявлено замечание [21. Л. 22]. Как правило, за несвоевременную доставку телеграмм сотрудники штабов наказывались путем объявления замечаний и выговоров [26. Л. 31 об. – 32]. Так, 18 октября 1918 г. «за небрежное составление приказа по армии» делопроизводитель канцелярии начальника дежурств 4-й армии Титов был помещен под домашний арест на трое суток с исполнением служебных обязанностей [18. Л. 132].

Большое количество случаев халатного отношения к службе, а также частые наказания за малейшие проступки способствовали

формированию даже у порядочных и дисциплинированных штабных работников страха быть уволенными. Так, в середине сентября 1918 г. в связи с приездом в расположение 4-й армии штаба Орловской дивизии было замечено «некоторое замешательство и расстройство чинов Штаба армии». В результате начальник штаба объединения сообщал, что «все честные и добросовестные сотрудники останутся на службе, а потому должны спокойно продолжать свою работу» [18. Л. 74].

Тем не менее, в документах содержатся и прямо противоположные сведения о качестве работы штабных сотрудников. Например, штат мобилизационного отдела штаба 1-й армии «успевал исполнять все возлагаемые на него работы, благодаря, главным образом, тому, что были хорошие работники» [11, с. 171]. Высокой оценки, как правило, удостоивались выпускники Академии Генштаба (АГШ), обладавшие высокой работоспособностью. Так, приказом по 1-й армии № 15 от 11 июля 1918 г. вместо заболевшего Р. Шимунича начальником штаба объединения был назначен бывший начальник оперативного отдела И.Н. Захаров. При этом обязанности начальника оперода должен был исполнять начальник разведывательного отдела В.В. Скворцов «с исполнением своих прямых обязанностей» [27. Л. 14]. Подобная тенденция сохранялась и впоследствии. Например, в упоминавшейся выше характеристике Н.И. Корицкого сообщалось, что очень часто вместо начальника штаба армии распоряжения отдавали начальник оперативного управления И.Н. Захаров и начальник разведывательного управления В.В. Скворцов [23. Л. 96 об. – 98 об.]. В телеграмме Л.Д. Троцкому от 11 августа 1918 г. председатель Всероссийского бюро военных комиссаров К.К. Юренев писал: «Был [в] штабе Первой армии. Чины Генштаба произвели хорошее впечатление, оперод работает хорошо» [28. Л. 33].

Большое влияние на работу армейских и дивизионных штабов оказывало фронтовое, а также центральное начальство. Так, на начальном этапе организации вооруженных сил летом 1918 г. из-за отсутствия каких-либо директив и распоряжений со стороны высшего начальства их подчиненные слабо представляли характерные особенности своей работы на новой должности. Начальник мобилизационного отдела 1-й армии Ш.Н. Ибрагимов вспоминал, что приступил к выполнению своих обязанностей «без всяких инструкций, без указаний, не имея ни канцелярии и даже никаких руководящих указаний Центра...» [11, с. 167]. Поэтому способность к инициативе, самостоятельному принятию решений, без оглядки на руководство, являлась очень важным качеством штабного работника на начальном этапе формирования Красной армии. Командующий 1-й армии М.Н. Тухачевский впоследствии объяснял боевые

успехи объединения «счастливым подбором командного и комиссарского состава», которых назначали «по обнаруженной способности к самодеятельности, к инициативе» [29, с. 9].

Однако спустя несколько месяцев после налаживания функционирования центрального и фронтового военного аппарата возникла обратная ситуация, в частности излишнее вмешательство вышестоящего начальства в работу армейского командования, а также формализм, препятствующие планомерности в действиях штабного организма, что вызывало отчаяние у сотрудников последнего. В докладе командующему фронтом С.С. Каменеву, составленном в конце 1918 г., командующий 1-й армией М.Н. Тухачевский жаловался, что фронтовое руководство использует армейские пополнения, укомплектованные самостоятельно, без согласования с последним: «Формирования, еще не законченные, растаскиваются и все наши планы разрушаются. При такой постановке дела у всех работников опускаются руки, и пропадает всякое желание работать...» [30. Л. 537 об.].

Нельзя не отметить влияние политических комиссаров, одна из задач которых заключалась в осуществлении контроля над деятельностью военных специалистов. Однако очень часто партийные работники не ограничивались только наблюдательными функциями, вмешиваясь в должностные обязанности штабных сотрудников, что вызывало ропот со стороны последних и многочисленные конфликты. В данной связи необходимо остановиться на примечательном противостоянии между командующим 1-й армией М.Н. Тухачевским и политическим комиссаром О.Ю. Калниным. Так, 9 июля 1918 г. полком отправил командарму телеграмму с требованием проведения кадровых перестановок в Симбирской, Пензенской и Инзенской дивизиях [31. Л. 59–60]. Однако М.Н. Тухачевский посчитал данное предложение неприемлемым для политического комиссара и в этот же день телеграфировал в Революционный военный совет Восточного фронта с просьбой «немедленно убрать из вверенной мне армии комиссара Калнина», который вмешивался в оперативные дела и «своими бестолковыми требованиями» вносил беспорядок в работу штаба [32. Л. 61–61 об.].

Реакция О.Ю. Калнина на угрозы М.Н. Тухачевского не заставила себя долго ждать. 9 июля 1918 г. он сообщал командарму, что подчиняется только РВС Восточного фронта и выполнять его предписания и «разыгрывать из себя командующего» не намерен [31. Л. 73–74]. Неизвестно, чем бы закончилось противостояние между командармом и политическим комиссаром, однако уже 10 июля 1918 г. необходимость объединения командования дивизиями отпала по причине захвата Сызрани противником.

Не удалось М.Н. Тухачевскому наладить отношения и со вторым политическим комиссаром – С.П. Медведевым, конфликт с которым даже привел к отстранению командарма от должности. В конце декабря 1918 г. С.П. Медведев отменил распоряжение М.Н. Тухачевского о закупке продовольствия для празднования Нового года. В ответ командарм обвинил комиссара в «провокаторстве» и подрыве своего авторитета. В итоге народный комиссар по военным делам и председатель Революционного военного совета Республики Л.Д. Троцкий принял решение о назначении М.Н. Тухачевского помощником командующего Южного фронта [33, с. 44].

Особую роль в организации управления вооруженными силами сыграли условия, при которых штабам армий и дивизий приходилось осуществлять руководство войсками, а именно наличие или отсутствие специального помещения. Так, из-за нехватки подходящих зданий на станции Инза Симбирской губернии, где происходило создание штаба 1-й армии, его сотрудники некоторое время вынуждены были работать в одном вагоне, «который представлял собою как жилище, так и канцелярию» [28. Л. 11; 34, с. 36]. Так, оперативный отдел располагался в двухместном купе, а мобилизационный подотдел – в одном купе вагона 2-го класса [1. Л. 165; 11, с. 167]. Начальник штаба 1-й армии Н.И. Корицкий впоследствии вспоминал, что «оперативный и разведывательный отделы размещались в зеленом "пульмане" 3-го класса. Перегородки, разделявшие вагон на купе, были сняты, и посередине стоял большущий стол, покрытый громадной 10-верстной картой» [35, с. 74]. Командование Сенгилеевского сводного отряда Симбирской группы войск 1-й армии, который в июне–июле 1918 г. дислоцировался на правом берегу Волги, «для удобства передвижения и связи» вынуждено было поместить свой штаб в рубке 1-го класса парохода «Нижегородец» [16, с. 85]. Поэтому для последующего размещения штабных отделов командующий 1-й армией М.Н. Тухачевский телеграммой от 30 июня 1918 г. просил командующего Восточным фронтом М.А. Муравьева «спешно выслать один вагон салон, один вагон ресторан, два вагона 1-го класса для штаба армии и один вагон 1-го и один 2-го класса для [Инзенской] дивизии. Без них нельзя работать» [32. Л. 60].

Из-за неналаженности связи между войсками и штабами последние вынуждены были находиться довольно близко к линии фронта, которая на начальном этапе развертывания боевых действий летом 1918 г. была достаточно нестабильной. Поэтому очень часто главные органы управления оставались без заслона при отступлении основной части вооруженных сил в тыл. Так, в середине июля 1918 г. начальник штаба Пензенской дивизии докладывал в штаб 1-й армии, что «в Кузнецке один только штаб и санитарный поезд; впереди нас, в Евлашеве, находится бронированный поезд

Брянского отряда – единственная единица, сохранившая боеспособность; все отступление прикрывает штаб...» [36, с. 57]. Политический комиссар 1-й армии В.В. Куйбышев также вспоминал, что в конце июля 1918 г. «между штабом армии, помещавшимся в то время в Инзе, и противником на путях к Сызрани был лишь бронепоезд и 21 боец, причем в это число входил и начальник Инзенской «дивизии» со своим штабом» [37, с. 11]. Поэтому, согласно воспоминаниям Н.И. Корицкого, «противнику достаточно было подбросить сюда один усиленный батальон, чтобы разгромить армейский штаб и захватить всех нас во главе с командармом в плен» [38, с. 59].

Указанное обстоятельство крайне негативно влияло на внутреннюю обстановку в штабах, которая колебалась от проявления волнений среди работников до настоящей паники. Начальник мобилизационного отдела штаба 1-й армии Ш.Н. Ибрагимов писал, что среди командного состава «чувствовалась неуверенность», в результате чего «поезд, в котором размещался на станции Инза штаб армии, стоял под парами и готов был ежеминутно переехать в Рузаевку» [11, с. 165]. Кроме того, приказом по штабу 1-й армии от 25 июля 1918 г. Н.И. Корицкий предписывал коменданту, который назначался начальником обороны района штаба, «принять имеющиеся в распоряжении штабного поезда силы» [39. Л. 38]. Были и другие причины, дестабилизирующие работу в штабах. Так, многие офицеры находились в унынии из-за потери связи с семьями, которые в момент наступления противника на Симбирск оставались в городе [22, с. 53].

Тем не менее, расположение штабов в воинских эшелонах, которые могли в любой момент отправиться в тыл, сдерживало панические настроения, чего нельзя сказать об органах управления, размещенных вблизи линии фронта в обычных помещениях, эвакуация которых значительно затруднялась из-за отсутствия транспортных средств. Врач Сенгилеевского сводного отряда Д. Самарский, оказавшийся по делам службы в штабе Симбирской группы войск 1-й армии накануне захвата Симбирска Народной армией Комуча, следующими словами охарактеризовал представшую перед его глазами обстановку, которая с каждым часом все ухудшалась – сутолока, беспорядок, растерянность, паника, анархия, хаос [17, с. 120].

Процесс высадки солдат из вагонов, начало которому было положено приказом командующего Восточным фронтом М.А. Муравьева от 24 июня 1918 г., затронул также главный орган управления войсками, что должно было значительно улучшить положение штабных работников [40, с. 390]. Если в конце июня 1918 г. штаб 1-й армии разрешалось размещать на линии железной дороги, то уже в середине августа 1918 г. из-за нехватки в стране подвижного состава

ва и в рамках кампании по разгрузке узловых станций центральное командование потребовало немедленной высадки из поездов всех управлений и отделов, занимавших к тому времени три эшелона [41. Л. 221]. Корреспондент газеты «Ополчение бедноты» в номере от 19 августа 1918 г. писал о размещении штаба армии «в монастыре, весьма удобном для штаба» [28. Л. 11]. Поэтому в проекте приказа по 1-й армии № 45 от 22 августа 1918 г. сообщалось о необходимости «приготовить место для штаба армии в помещениях Пайгармского монастыря вблизи Рузаевки». Так, коменданту предписывалось привести здания в надлежащий вид, а начальнику инженеров армии «озаботиться включением Пайгармы в общую линию связи» [20. Л. 167]. В итоге 27 августа 1918 г. штаб переехал в Пайгармский монастырь [42. Л. 122].

Перемещение основных отделов штаба армии в здания монастыря позволило решить сразу несколько проблем, остро стоявших перед сотрудниками главного органа управления объединением. Во-первых, за счет значительного увеличения площади, на которой можно было разместить те или иные штабные подразделения, удалось улучшить бытовые условия работников. Так, каждый отдел предполагалось расположить в собственном флигеле. Приказом № 64 от 30 августа 1918 г. коменданту штаба армии необходимо было «принять самые строгие меры, чтобы район штаба содержался в должном санитарном порядке. Двор и помещения должны убираться». Во-вторых, дислокация штаба в ближайшем армейском тылу значительно снижала возможность захвата его сотрудников в плен неприятелем, а также позволяла сохранять тесную связь с фронтом. В то же время ужесточались режим работы в штабе и внутренняя дисциплина. В цитированном выше приказе коменданту предписывалось учредить заставу при шлагбауме у въезда в штаб, а также пост на разъезде «Пишля» недалеко от Пайгармы. «Ходить в районе Штаба после 22 часов не имея на то пропуска воспрещается. Пребывание посторонних лиц в районе штаба, неявившихся немедленно по своему прибытию к коменданту штаба, воспрещается и будет преследоваться по закону военного времени» [20. Л. 176–177]. Примечательно, что именно в этот период, т. е. в конце августа – начале сентября 1918 г., штабная работа, по словам М.Н. Тухачевского, «наладилась отлично» [43, с. 81].

После захвата войсками объединения Самары 7 октября 1918 г. штаб 1-й армии по приказу М.Н. Тухачевского был переведен в Сызрань в здание банка. Как отмечал Н.И. Корицкий, «Сызрань была первым городом, в котором штабу армии после эшелонного житья в Инзе и квартирно-бивуачного в Пайгарме удалось разместиться с комфортом...» [38, с. 78]. Аналогичным образом, согласно приказу

по Инзенской дивизии от 14 октября 1918 г. штаб соединения был размещен в номерах гостиницы «Ницца» в Самаре [44, с. 133].

Однако не в каждом воинском объединении армейскому командованию удавалось обеспечить штабных работников относительно комфортными бытовыми условиями. Например, в приказе по 5-й армии № 161 от 8 ноября 1918 г. сообщалось, что письмоводитель оперативного отделения В. Мудрович, находясь «в состоянии раздражения и вспыльчивости, под влиянием распоряжения своего начальника штаба, отведшего для подчиненных холодное помещение, высказался в отсутствии начальника штаба группы нецензурным выражением по адресу его. Обвинение в призыве к избиению начальства не признано» [26. Л. 240].

Подобные обстоятельства приводили к тому, что коллективы штабных учреждений пытались самостоятельно найти подходящие помещения, о чем свидетельствует приказ по штабу 4-й армии № 18 от 13 августа 1918 г. В нем говорилось, что «служащие штабной части, а также целые отделы штабной части часто переходят из одного помещения в другое, занимают квартиры и отдельные комнаты без ведома его и при перемещении некоторыми лицами переносят вещи» [18. Л. 20].

Таким образом, исходя из имеющихся фактов можно сделать вывод о неудовлетворительной организации функционирования армейских и дивизионных штабов на Восточном фронте во второй половине 1918 г., которая проявлялась в неспособности их сотрудников быстро и качественно выполнять огромное количество штабной работы. Это было в значительной степени обусловлено длительной нерешенностью кадрового вопроса, а именно необеспеченностью вооруженных сил по вине центральных и фронтовых военных ведомств квалифицированными специалистами, опытными рядовыми работниками, а также подходящими условиями – техническим аппаратом и помещениями. В результате вышестоящее начальство зачастую не могло правильно наладить работу в ведомственных управлениях и отделах, в особенности в технической составляющей штабного организма, который играл одну из ключевых ролей в выполнении принятых решений, но допускал при этом значительное число дисциплинарных и служебных нарушений. Не исключено, что одной из причин этого являлось непонимание работниками экстремальной обстановки военного времени. Поэтому с целью быстрой организации деятельности штабов армейское командование вынуждено было не обращать внимание на специализацию большинства сотрудников, которым приходилось работать на нескольких должностях сразу, а также осуществлять целый ряд карательных мероприятий по отношению к военнослужащим, проявившим халатность.

Список литературы

1. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 157. Оп. 3. Д. 27.
2. Позднышев А.Н. Год работы отдела снабжения // Годовщина Первой революционной армии. – М.: Лит.-изд. отдел Полит. управления РВС Республики, 1920. – С. 76–80.
3. РГВА. Ф. 184. Оп. 3. Д. 887.
4. Уральцев А.М. В боях и в пороховом дыму рожденная // Симбирская губерния в 1918–1920 гг.: сб. воспоминаний. – Ульяновск: Ульян. кн. изд-во, 1958. – С. 247–261.
5. Устинов П.Ф. Даешь Самару // Юность боевая. Воспоминания участников гражданской войны. – Л.: Лениздат, 1961. – С. 154–232.
6. РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Д. 25.
7. РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 1079.
8. РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Д. 28.
9. Боевой путь первой революционной армии Восточного и Туркестанского фронтов. Июнь 1918 – Февраль 1921 гг.: сб. док. и материалов. – Ашхабад: Ылым, 1972. – 285 с.
10. Алексеев В. Год работы в санитарном управлении 1-й армии // Годовщина Первой революционной армии. – М.: Лит.-изд. отдел Полит. управления РВС Республики, 1920. – С. 82–83.
11. Отчёт Мобилизационного Отдела 1-й Революционной армии Восточного фронта о деятельности по проведению мобилизации за время с 15-го августа 1918 г. по 1-е мая 1919 г. // Российское крестьянство в эпоху революций и гражданской войны: регионально-национальный аспект. – Саранск: НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия, 2016. – С. 164–281.
12. РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 132.
13. РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 42.
14. РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 26.
15. Морозова О.М. Антропология гражданской войны. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРЦ РАН, 2012. – 560 с.
16. Клементьев А. От Сенгилея – Инзы до Оренбурга – Орска (Очерки и воспоминания о борьбе железной дивизии на чехо-словацком фронте) // Годовщина Первой революционной армии. – М.: Лит.-изд. отдел Политического управления РВС Республики, 1920. – С. 83–95.
17. Самарский Д. Партизаны Волги // Годовщина Первой революционной армии. – М.: Лит.-изд. отдел Политического управления РВС Республики, 1920. – С. 106–122.
18. РГВА. Ф. 184. Оп. 3. Д. 900.
19. РГВА. Ф. 1284. Оп. 1. Д. 480.
20. РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 629.
21. РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1560.
22. Корицкий Н.И. Создание I армии и освобождение Симбирска // Симбирская губерния в 1918–1920 гг.: сб. воспоминаний. – Ульяновск: Ульян. книжн. изд-во, 1958. – С. 49–69.
23. РГВА. Ф. 157. Оп. 1. Д. 6.
24. РГВА. Ф. 1284. Оп. 1. Д. 1078.
25. Самсонович [Ф.И.] О работе в Пензенской дивизии // Годовщина Первой революционной армии. – М.: Лит.-изд. отдел Политического управления РВС Республики, 1920. – С. 95–98.
26. РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1436.

27. РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 609.
28. РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 139.
29. Тухачевский М.Н. К юбилею 1-й армии // Годовщина Первой революционной армии. – М.: Лит.-изд. отдел Политического управления РВС Республики, 1920. – С. 9–11.
30. РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 1055.
31. РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 53.
32. РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 50.
33. Дайнес В.О. Михаил Николаевич Тухачевский // Вопросы истории. – 1989. – №10. – С. 38–61.
34. Калнин О.Ю. Борьба на Восточном фронте // Симбирская губерния в 1918–1920 гг.: сб. воспоминаний. – Ульяновск: Ульян. книжн. изд-во, 1958. – С. 69–76.
35. Корицкий Н.И. В штабе армии // Незабываемое. – М.: Воениздат, 1961. – С. 67–97.
36. Гавронский А. Очерки гражданской войны на фронте 1-й армии // Годовщина Первой революционной армии. – М.: Лит.-изд. отдел Политического управления РВС Республики, 1920. – С. 56–63.
37. Куйбышев В.В. Первая революционная армия // Годовщина Первой революционной армии. – М.: Лит.-изд. отдел Политического управления РВС Республики, 1920. – С. 11–12.
38. Корицкий Н.И. В дни войны и в дни мира // Маршал Тухачевский: Воспоминания друзей и соратников. – М.: Воениздат, 1965. – С. 51–102.
39. РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 25.
40. Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922): в 4 т. – М.: Воениздат, 1971. – Т. 1. – 788 с.
41. РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 673.
42. РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 628.
43. Тухачевский М.Н. Первая армия в 1918 году // Избр. произведения (1919–1927): в 2 т. – М.: Воениздат, 1964. – Т. 1. – С. 73–93.
44. Самарская губерния в годы гражданской войны (1918–1920 гг.). – Куйбышев: Куйб. кн. изд-во, 1958. – 576 с.

References

1. *Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv* [The Russian State Military Archive] (dalee – RGVA). RGVA. F. 157. Op. 3. D. 27.
2. *Pozdnyshhev A.N. God raboty otdela snabzheniya* [Year of the Supply Department] // *Godovshchina Pervoj revolyucionnoj armii* [Anniversary of the First Revolutionary Army]. – М.: Literaturno-izdatelskij otdel Politicheskogo Upravleniya Revolyucionnogo Voennogo Soveta Respubliki, 1920. – S. 76–80.
3. RGVA. F. 184. Op. 3. D. 887.
4. *Ural'cev A.M. V boyah i v porohovom dymu rozhdennaya* [Was born in battles and in powder smoke] // *Simbirskaya guberniya v 1918–1920 gg. Sbornik vospominanij* [Simbirsk province in 1918–1920 gg. Collection of memories]. – Ul'yanovsk: Ulyanovskoe knizhnoe izdatelstvo, 1958. – S. 247–261.
5. *Ustinov P.F. Daesh' Samaru* [Give Samara] // *Yunost' boevaya. Vospominaniya uchastnikov grazhdanskoj vojny* [Youth fighting. Memories of participants in the Civil War]. – L.: Lenizdat, 1961. – S. 154–232.
6. RGVA. F. 106. Op. 7. D. 25.
7. RGVA. F. 106. Op. 3. D. 1079.
8. RGVA. F. 106. Op. 7. D. 28.

9. *Boevoj put' pervoj revolyucionnoj armii Vostochnogo i Turkestanskogo frontov. Iyun' 1918–Fevral' 1921 gg.: Sbornik dokumentov i materialov* [Combat way of the first revolutionary army of the Eastern and Turkestan fronts. June 1918-February 1921: Collection of documents and materials]. – Ashkhabad: Ylym, 1972. – 285 s.

10. *Alekseev V. God raboty v sanitarnom upravlenii 1-j armii* [Year of work in the sanitary department of the First Army] // *Godovshchina Pervoj revolyucionnoj armii* [Anniversary of the First Revolutionary Army]. – M.: Literaturno-izdatelskij otdel Politicheskogo Upravleniya Revolyucionnogo Voennogo Soveta Respubliki, 1920. – S. 82–83.

11. *Otchyt Mobilizacionnogo Otdela 1-j Revolyucionnoj armii Vostochnogo fronta o deyatelnosti po provedeniyu mobilizacii za vremya s 15-go avgusta 1918 g. po 1-e maya 1919 g.* [Report of the Mobilization Department of the First Revolutionary Army of the Eastern Front on the mobilization activities during the period from August 15, 1918 to May 1, 1919] // *Rossijskoe krest'yanstvo v ehpochu revolyucij i grazhdanskoj vojny: regional'no-nacional'nyj aspekt* [Russian peasantry in the era of revolutions and civil war: the regional-national aspect]. – Saransk: NII gumanitarnykh nauk pri Pravitelstve Respubliki Mordoviya, 2016. – S. 164–281.

12. RGVA. F. 157. Op. 3. D. 132.

13. RGVA. F. 157. Op. 3. D. 42.

14. RGVA. F. 157. Op. 3. D. 26.

15. *Morozova O.M. Antropologiya grazhdanskoj vojny* [Anthropology of the Civil War]. – Rostov n/D: Izdatelstvo YURC RAN, 2012. – 560 s.

16. *Klement'ev A. Ot Sengileya – Inzy do Orenburga – Orska (Ocherki i vospominaniya o bor'be zheleznoj divizii na chekho – slovackom fronte)* [From Sengilei - Inza to Orenburg - Orsk (Essays and memories of the struggle of the Iron division on the Czech-Slovak front)] // *Godovshchina Pervoj revolyucionnoj armii* [Anniversary of the First Revolutionary Army]. – M.: Literaturno-izdatelskij otdel Politicheskogo Upravleniya Revolyucionnogo Voennogo Soveta Respubliki, 1920. – S. 83–95.

17. *Samarskij D. Partizany Volgi* [Partisans of the Volga] // *Godovshchina Pervoj revolyucionnoj armii* [Anniversary of the First Revolutionary Army]. – M.: Literaturno-izdatelskij otdel Politicheskogo Upravleniya Revolyucionnogo Voennogo Soveta Respubliki, 1920. – S. 106–122.

18. RGVA. F. 184. Op. 3. D. 900.

19. RGVA. F. 1284. Op. 1. D. 480.

20. RGVA. F. 157. Op. 3. D. 629.

21. RGVA. F. 185. Op. 3. D. 1560.

22. *Korickij N.I. Sozdanie I armii i osvobozhdenie Simbirsk* [Creation of the First Army and liberation of Simbirsk] // *Simbirskaya guberniya v 1918–1920 gg. Sbornik vospominanij* [Simbirsk Province in 1918-1920. Collection of memories]. – Ul'yanovsk: Ulyanovskoe knizhnoe izdatelstvo, 1958. – S. 49–69.

23. RGVA. F. 157. Op. 1. D. 6.

24. RGVA. F. 1284. Op. 1. D. 1078.

25. *Samsonovich [F.I.] O rabote v Penzenskoj divizii* [About the work in the Penza Division] // *Godovshchina Pervoj revolyucionnoj armii* [Anniversary of the First Revolutionary Army]. – M.: Literaturno-izdatelskij otdel Politicheskogo Upravleniya Revolyucionnogo Voennogo Soveta Respubliki, 1920. – S. 95–98.

26. RGVA. F. 185. Op. 3. D. 1436.

27. RGVA. F. 157. Op. 3. D. 609.

28. RGVA. F. 157. Op. 3. D. 139.

29. *Tuhachevskij M.N. K yubileyu 1-j armii* [To the anniversary of the First Army] // *Godovshchina Pervoj revolyucionnoj armii* [Anniversary of the First Revolutionary

- Army]. – M.: Literaturno-izdatelskij otdel Politicheskogo Upravleniya Revolyucionnogo Voennogo Soveta Respubliki, 1920. – S. 9–11.
30. RGVA. F. 106. Op. 3. D. 1055.
31. RGVA. F. 157. Op. 3. D. 53.
32. RGVA. F. 157. Op. 3. D. 50.
33. *Dajnes V.O. Mihail Nikolaevich Tuhachevskij // Voprosy istorii [Questions of history].* – 1989. – №10. – S. 38–61.
34. *Kalnin O.YU. Bor'ba na Vostochnom fronte [Struggle on the Eastern Front] // Simbirskaya guberniya v 1918–1920 gg. Sbornik vospominanij [Simbirsk Province in 1918-1920. Collection of memories].* – Ul'yanovsk: Ulyanovskoe knizhnoe izdatelstvo, 1958. – S. 69–76.
35. *Korickij N.I. V shtabe armii [At the headquarters of the army] // Nezabyvaemoe [Unforgettable].* – M.: Voenizdat, 1961. – S. 67–97.
36. *Gavronskij A. Ocherki grazhdanskoj vojny na fronte 1-j armii [Essays of civil war on the front of the First Army] // Godovshchina Pervoj revolyucionnoj armii [Anniversary of the First Revolutionary Army].* – M.: Literaturno-izdatelskij otdel Politicheskogo Upravleniya Revolyucionnogo Voennogo Soveta Respubliki, 1920. – S. 56–63.
37. *Kujbyshev V.V. Pervaya revolyucionnaya armiya [The First Revolutionary Army] // Godovshchina Pervoj revolyucionnoj armii [Anniversary of the First Revolutionary Army].* – M.: Literaturno-izdatelskij otdel Politicheskogo Upravleniya Revolyucionnogo Voennogo Soveta Respubliki, 1920. – S. 11–12.
38. *Korickij N.I. V dni vojny i v dni mira [In days of war and in days of peace] // Marshal Tuhachevskij: Vospominaniya druzej i soratnikov [Marshal Tukhachevsky: Memoirs of friends and associates].* – M.: Voenizdat, 1965. – S. 51–102.
39. RGVA. F. 157. Op. 3. D. 25.
40. *Direktivny komandovaniya frontov Krasnoj Armii (1917–1922) [Directives of the Red Army's fronts command (1917-1922)]: v 4 t.* – M.: Voenizdat, 1971. – T. 1. – 788 s.
41. RGVA. F. 157. Op. 3. D. 673.
42. RGVA. F. 157. Op. 3. D. 628.
43. *Tuhachevskij M.N. Pervaya armiya v 1918 godu [The first army in 1918] // Tuhachevskij M.N. Izbrannye proizvedeniya (1919–1927) [Favorites works (1919–1927)]: v 2 t.* – M.: Voenizdat, 1964. – T. 1. – S. 73–93.
44. *Samarskaya guberniya v gody grazhdanskoj vojny (1918–1920 gg.) [Samarra province in the years of civil war (1918-1920)].* – Kujbyshev: Kujbyshevskoe knizhnoe izdatelstvo, 1958. – 576 s.

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

УДК 94(470.23-25):336

ГРНТИ 03.23.31: История России нового времени (XVII–XIX вв.)

О.А. Игнатова

Должность – «смотритель дома». Из жизни здания Министерства финансов на Дворцовой площади

В статье рассматриваются не освещавшиеся ранее в литературе аспекты истории повседневной жизни и быта в здании Министерства финансов на Дворцовой площади в Санкт-Петербурге. Исследование базируется на материалах, которые относятся к первым двум десятилетиям существования архитектурного памятника (1830–50-е гг.). Основное внимание уделено двум документам, которые были составлены министрами финансов Российской империи Е.Ф. Канкриным и П.Ф. Броком, – «Наставлениям» по содержанию дома Министерства финансов. Эти документы представляют собой должностные инструкции для особых чиновников, ведавших хозяйственной частью, – смотрителя дома и департаментских эзекуторов. С помощью обзора «Наставлений», анализа поэтажных планов здания и описей помещений Министерства финансов в статье ведется рассказ об особенностях повседневной жизни служащих в министерском корпусе Главного штаба. Затрагиваются вопросы освещения, отопления, охраны и удобств в доме; рассмотрены типы помещений и некоторые особенности их планировки.

Восточное крыло здания Главного штаба, построенное архитектором К.И. Росси в 1820-х гг. для работы и жизни министерских служащих, является сегодня одним из экспозиционных комплексов Государственного Эрмитажа. Многие помещения, о которых идёт речь в статье, доступны для посещения.

Ключевые слова: Главный штаб, Министерство финансов, чиновник, смотритель дома, эзекутор, служебная квартира, кабинет.

О.А. Ignatova

Position of “building superintendent”. From the history of the Ministry of Finances building on the Palace square

Article is devoted to different aspects of everyday life in the building of Ministry of Finances on the Palace square in Saint-Petersburg. It is based on the previously unpublished materials that refer to first two decades of the history of this architectural monument (1830th-1850th). Main attention is given to two documents signed by ministers of finances of Russian Empire E.F. Cancrin and P.F. Brock – “Guidelines” for

maintenance of the house for Ministry of Finances. These documents were job descriptions for special officials – building superintendents and departments' administrators. With the help of the "Guidelines", analysis of floor plans of the building and inventories of rooms in the Ministry of Finances, the article tells the story of everyday life of officials in the ministries' wing of the General Staff building. Among the discussed topics are lightning, heating, security service, conveniences in the building, types of rooms and some particularities in their plans.

The eastern wing of the building that was constructed by architect K.I. Rossi in 1820th for work and life of ministries' officials, serves today as one of the exhibition complexes of the State Hermitage. Many rooms and spaces that are discussed in this article are open for the public.

Key words: General Staff building, Ministry of Finances, official, building superintendent, administrator, service flat, office.

К 1830 г. на Дворцовой площади Санкт-Петербурга было завершено строительство здания Главного штаба и гражданских министерств по проекту архитектора К.И. Росси. В тот же год департаменты Министерства иностранных дел и Министерства финансов заселили подготовленные для них квартиры и кабинеты в восточном корпусе постройки.

Подробности быта и повседневной жизни первых десятилетий восточного, или «министерского», крыла раскрывают документы, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве. Эта тема вызывает особый интерес при более пристальном изучении истории архитектурного памятника, который с открытием в нем отдела Государственного Эрмитажа «Главный штаб» приобрел новые функции и новое значение в контексте жизни города.

В данной статье мы обратимся к истории повседневности здания Министерства финансов во второй четверти XIX в. Это ведомство занимало большую часть площади восточного корпуса, будучи расположенным на территории вокруг трех внутренних дворов – в анфиладах по реке Мойке, Дворцовой площади и по Морской улице. Все помещения Минфина можно разделить на четыре группы по их назначению: рабочие (кабинеты, приёмные, комнаты общего присутствия, комнаты типографии и др.), жилые (комнаты служебных квартир), общие (госпиталь, прачечная, пекарня) и подсобные (кладовые, чуланы, сараи и проч.). На содержание в должном порядке помещений, лестниц и внутренних дворов Общей канцелярией Министерства финансов отпускались годовые штатные суммы. Деньги распределялись по департаментам министерства и шли на выплаты сторожам, дворникам, прислуге; на покупку дров, освещение, на ремонт и прочие подобные нужды.

В РГИА хранятся своего рода должностные инструкции для чиновников, отвечавших за хорошее состояние дома. Эти люди контролировали деятельность «работников обслуживающего труда»,

относившихся к самой многочисленной части населения Петербурга [1, с. 6]. Одна такая инструкция, составленная министром финансов Е.Ф. Канкриным, относится к 1830 г., другая, подписанная министром П.Ф. Броком, – к 1853 г. [2; 3]. Документы дают понять, как изменились обязанности служащих за двадцать лет и какие новшества появились в быту. А это, в свою очередь, позволяет вести рассказ об особенностях повседневной жизни в Главном штабе – здании, построенном для представителей центрального чиновного аппарата Российской империи.

В рассматриваемый период в корпусе Министерства финансов находилось большинство его департаментов: государственных имуществ, внешней торговли, мануфактур и внутренней торговли, податей и сборов, горных и соляных дел, Особенная канцелярия по кредитной части. Служебная квартира министра финансов и Общая канцелярия, а также ряд ведомств, входивших в структуру Минфина, располагались по другим адресам. Судя по планам 1828 г., хранящимся в Научно-исследовательском Музее Академии художеств¹, распределение помещений происходило по административному принципу: каждому департаменту отводился в здании свой сектор. За порядком в доме наблюдали особые чиновники – департаментские экзекуторы. Ответственным за соблюдение всех правил был чиновник по Общей канцелярии министерства – «смотритель дома».

Служебные и подсобные помещения были расположены на всех четырех этажах. Квартиры для жительства чиновников – на 1, 2, 4 и 5-м, большинство – в корпусе по Мойке. Поэтажные планы из Музея Академии художеств и описи помещений из РГИА 1830 г. [4; 5], показывают, насколько по-разному были организованы жилые пространства в одном здании. Среди них встречались «большие квартиры» для крупных чиновников по восемь комнат, с кухнями, детскими, библиотеками, гостиными, спальнями, людскими, девичьими и проч. Планы с подписанными комнатами позволяют проследить общие закономерности их размещения в «больших квартирах»: кухни (как правило, они устраивались в поперечных флигелях) и детские первого этажа выходили окнами во внутренние дворы, передние располагались у главных лестниц.

В корпусе Министерства финансов имелись две квартиры в шесть комнат. В описи они названы «квартирами большого размера, для Начальника Отделения или Правителя Канцелярии, также для вице-директора, неимеющего большого семейства» [5. Л. 9]. «Квартира малая», предназначенная для лекаря, состояла из шести небольших комнат [5. Л. 9, 13 об.]. Двухкомнатные квартиры

¹ МАХ, А № 327-331.

отводились чиновникам, не имеющим семейства, и назывались «малые квартиры для холостых» [5. Л. 9, 10].

На четвертом этаже проживали вахтеры, курьеры и сторожа; они делили общие кухни и коридоры. В то же время, на четвертом этаже была квартира и для директора канцелярии министерства со многими комнатами, квартиры для смотрителя, архитектора, доктора и священника¹.

Пятый этаж в здании Минфина имелся только по Мойке. Здесь были унтер-офицерские казармы для военного караула с комнатами на 4, 5, 8, 9, 11, 10 и 12 постелей. Комнаты эти, расположенные прямо под чердаками, не имели окон с видом на реку, однако здесь были устроены фонари с верхним светом². Если в квартирах большинства чиновников и низших служащих казенными были лишь «нужные предметы для кухонь и передних» [6. Л. 74], то в казармах на пятом этаже уже были приготовлены кровати, прикроватные столики, столы, шкафы, посуда, «обмывальники» и прочие предметы мебели и домашней утвари [5. Л. 15]. Квартиры смотрителя дома и экзекуторов получали казенную меблировку, что было связано с той особой ролью, которую они играли в судьбе министерского корпуса.

На первом этаже по Дворцовой площади и Морской улице были расположены покои для сторожей, кучеров, дворников, пожарных «и подобного рода людей» [5. Л. 9]. Здесь также могла проживать прислуга живших в доме чиновников. Эти комнаты считались одними из самых неудобных: служащие доносили о постоянной сырости в них и растрескивающейся штукатурке [4. Л. 99]. Многие низшие служащие заселялись сюда целыми семьями. Так, весной 1830 г. от департамента внешней торговли собирались переехать: вахмистр с женой и тремя детьми, курьер с женой и сыном, курьер с женой, пятью детьми и братом, швейцар с женой и четырьмя детьми... [6. Л. 100]. В общей сложности к переезду готовилось 49 человек низших служащих и членов их семей, и это только при одном департаменте. «Желательно, чтобы все сии служители были помещены в новом здании, но это будет зависеть от воли Г. министра финансов», – писал директор департамента внешней торговли Д.Г. Бибииков директору Общей канцелярии Я.А. Дружинину [6. Л. 101].

¹ Церковь св. Александра Невского была расположена на территории МИДа и являлась домовою церковью этого ведомства. Туда также приходили чиновники соседнего Минфина и простые городские жители, не связанные по службе с этими двумя учреждениями.

² Эта задумка К.И. Росси была повторена решением современных архитекторов, работавших над созданием «Галереи памяти С.И. Щукина и братьев Морозовых» в Главном штабе. В анфиладе по реке Мойке архитекторами «Студии 44» были спроектированы светорассеивающие пирамиды с верхним светом, перекрытия между четвертым и пятым этажами – разобраны.

Отделка квартир в Министерстве финансов предполагала окраску стен «разными дешевыми колерами с дешевой живописью» [5. Л. 14]¹.

Среди общих помещений были комнаты госпиталя, или лазарета. Он располагался на втором этаже поперечного корпуса между третьим и четвертым двором и служил для первоначального приема больных до отправления их в военные или гражданские больницы². Госпиталь состоял из офицерской (два покоя с передней), двух покоев для нижних чинов, двух кладовых и кухни, а также арестантской [6. Л. 89].

На первом этаже, в поперечных корпусах, были конюшни и сараи (сегодня на этих территориях – музейные магазины, кассы), в которых «по неимению особых сенников» [5. Л. 9 об.] были устроены антресоли для сена. Во дворах отводились специальные места для курьерских повозок. В торце пятого двора помещались ледники, набиваемые льдом для хранения продуктов в теплое время года. На первом этаже четвертого двора имелась общая прачечная. В том же дворе под навесом стояли столбы с веревками для сушки белья.

Отхожие места для прислуги обоих полов находились на улице, во внутренних дворах. В поперечных флигелях и во флигелях, выходящих во внутренние дворы (в пятом и третьем дворах), на всех этажах дома имелись «ватерклосы» для сотрудников министерства и жильцов. Прислуге пользоваться ими воспрещалось. На чердаках были отведены места для сушки белья, провианта и прочих вещей, требовавших сухого помещения.

Любая «переделка» в каком-либо помещении была невозможна без разрешения министра [2. Л. 8 об.]. Это правило хорошо характеризует авторитарный стиль управления графа Егора Францевича Канкрин, министра финансов с 1823 по 1844 г. К слову сказать, в одном из документов, составленном в связи с переездом департаментов в новое здание на Дворцовой площади, Е.Ф. Канкрин подробно прописывал то, каким должны быть убранство рабочих кабинетов и мебель в них [5].

28 марта 1830 г. министр Канкрин подписал приложенные к Штату общего содержания «Наставления о содержании дома на Дворцовой площади, предназначенного для помещения департаментов Министерства финансов». Фактически этот документ представляет собой должностные инструкции, позволяющие понять, как распределялись бытовые обязанности. Смотритель дома был клю-

¹ Вероятно, под «дешевой живописью» подразумевалось украшение комнат орнаментом, наносимым на стены и потолок по трафарету. О сохранившихся росписях в Министерстве финансов см. [7].

² Сейчас на месте госпиталя – один из «залов-трансформеров» в выставочной галерее Новой большой анфилады музея.

чевой фигурой в этом отношении. В его задачи входил «надзор за домом», он «имел в своем ведении все хозяйственные и письменные дела» [2. Л. 6]. Смотритель должен был следить за «соблюдением тишины и благочиния на дворах дома и вообще вне Департаментских помещений» и за «сохранением полицейского порядка касательно приезжающих и отъезжающих» [2. Л. 7 об.]. От смотрителя зависело все, что «принадлежит до наружного содержания дома»: поправка штукатурки и ремонт крыш, чистка дворов, тротуаров, улиц, труб и нужных мест, а также надзор за чистотой на лестницах, чердаках и в общих помещениях, своз снега, соблюдение мер предосторожности от пожаров [2. Л. 6]. Для содержания комнат в надлежащей чистоте по штату ведомства полагалось «до 24 человек», получавших в месяц по 50 р. Смотрителю отводилось 2 тыс. р. в год жалования, 300 р. на канцелярские расходы в домовой конторе и казенная квартира [8. Л. 8].

Только смотритель обладал правом свободного входа «во все помещения вообще в доме», в том числе и в квартиры [2. Л. 8]. В его ведении состояли арестантская, госпиталь, а также самые главные помещения ведомства – кабинеты министра на втором этаже в анфиладе по Дворцовой площади¹.

Отопление министерского крыла было дровяным. Всего в доме Минфина в 1830 г. было 520 отопительных приборов, в числе которых: голландских печей – 442, русских – 42, очагов – 27, пекарных – 2, насадочных – 7 [8. Л. 9 об.]. Дрова состояли «в полном ведении и на ответственности Смотрителя дома». Их планировалось заготавливать для всего дома единовременно посредством торгов, которые должны были проходить в «присутственной каморе Совета Министра финансов» или в одном из департаментов [2. Л. 6 об.]. В действительности все три торга, проведенные Министерством финансов в июне 1830 г., не принесли ровным счетом никаких результатов, так как ни один поставщик дров на торги не явился [9. Л. 1–7]. Тогда смотрителю дома было поручено самостоятельно организовать заготовку дров «по сообразным ценам как в других местах» [9. Л. 8]. Первые торги на очистку дымовых труб, отхожих мест, помойных ям и отвозку нечистот с дворов прошли успешно [10. Л. 4 об.].

Зимой дрова должны были подвозиться к дому лошадьми, а летом – на лодках по реке Мойке и поставляться на особо отведенный или нанятый дровяной двор. «Ежедневно, или по временам» смотритель отпускал для каждого департамента назначенную ему пор-

¹ Облик кабинета министра был восстановлен в 2014 г. в результате масштабной реставрации интерьеров Главного штаба. Сегодня он является частью постоянной экспозиции «Министерство финансов Российской империи».

цию дров. Сторожи департаментов с помощью разнорабочих разносили дрова по помещениям [2. Л. 7–8].

Именно смотритель сдавал квартиры жильцам и принимал их обратно по описям. Вместе с этим он должен был следить, чтобы «отнюдь никто не смел ни воды проливать, ни дров рубить в покоях, и чтобы все повреждения, от небрежения происшедшие, были исправляемы или взыскиваемы с квартирующих» [2. Л. 8]. «Держащим квартиры не чисто или допускающим колоть дрова или проливать воду отказывается от квартиры» – особо подчеркивалось в «Наставлениях» [2. Л. 8 об.]. Квартирующие не могли приступить к ремонту без ведома смотрителя, который, судя по сказанному выше, должен был в таком случае испрашивать разрешение у самого министра.

Смотрителю дома подчинялись экзекуторы департаментов: «Требования его [смотрителя] по сим предметам исполняются со стороны Департаментских экзекуторов и живущих в доме чинов беспрекословно» [2. Л. 6]. На них возлагалась ответственность за пожарную безопасность, за порядок, чистоту и опрятность в помещениях и квартирах.

Один раз в год, в конце зимы, смотритель, экзекуторы и особо назначенный чиновник от министерства вместе с архитектором дома осматривали все помещения, составляли «опись и сметы нужным починкам и переделкам» и передавали её в Общую канцелярию Министерства финансов [2. Л. 8 об.].

Архитектор принимал активное участие в жизни здания Главного штаба. Он контролировал его состояние, вел ремонтные работы. Архитектором дома Министерства финансов с 1828 г. был ученик О.И. Шарлеманя А.М. Куци [11. Л. 7]. Свои архитекторы были и при каждом департаменте. С 1838 г. сверхштатным архитектором самого «престижного» в Министерстве департамента внешней торговли был сам К.И. Росси (конечно же, совмещая это со службой в других местах), за что получал 2 700 р. в год. В эту сумму входили деньги на разъезды и канцелярские расходы [12].

С 1844 г. Минфин возглавил Федор Петрович Вронченко, а с 1852 г. – Петр Федорович Брок. В годы работы последнего были выпущены новые правила по уходу за строением. «Наставления для управления домом, занимаемым Департаментами министерства финансов, на Дворцовой площади» были составлены в Общей канцелярии министерства и подписаны министром П.Ф. Броком 24 декабря 1853 г. Отмечалось, что инструкции 1830 г., «за разными сделанными, в течение более двадцати лет, во управлении тем домом переменами, оказывается совершенно недостаточно» [3. Л. 1 об.]. Этот документ вдвойне интересен тем, что в нем учитыва-

лись реальные потребности – в отличие от «Наставлений» 1830 г., носивших характер проекта.

По-прежнему «ближайшим хозяином и распорядителем по управлению домом» являлся смотритель, который был обязан «наблюдать за всем, что относится к исправному по наружности содержанию дома, как то: за чисткою дворов, тротуаров, улиц, труб, отхожих мест, за чистотой и опрятным содержанием принадлежащих к общим помещениям лестниц, чердаков, сараев, конюшен и проч., за свозом со дворов и принадлежащих к ним улиц снега и своевременным скидыванием оного с кровель дома, не допуская сих последних, сколько возможно, до какого-либо повреждения» [З. Л. 3 об.].

Смотритель наблюдал за тем, «чтобы не проживало там ни постоянно, ни временно людей неизвестных и без письменных видов, а также подозрительных и безнравственных» [З. Л. 8 об.]. Ему было поручено вести домовую книгу «согласно полицейским правилам» и исполнять все законные требования полицейских властей [З. Л. 9 об.]. О каждом прибывающем и выселяющемся лице смотритель получал письменные извещения от экзекуторов. Извещения передавались в контору дома и отдавались обратно под расписку смотрителя или состоящего при конторе «особого писца» (домовая контора была расположена на втором этаже в пятом дворе и состояла из двух покоев и кладовой).

Среди обязанностей смотрителя, отразившихся в «Наставлениях» 1853 г., был «надзор за содержанием в исправности и всегдашней чистоте всех находящихся в доме ватерклозетов и устроенного для оных водопровода» [З. Л. 5 об.], о котором ничего не было сказано в проекте 1830 г. «Наставления» 1853 г. раскрывают и другие санитарно-технические новшества. Смотритель контролировал, чтобы «как в ватерклозетах, так и в прилегающих к оным лестницах и коридорах воздух постоянно был очищаем в летнее время чрез находящиеся в ватерклозетах вентиляторы, а зимою посредством нарочно установленных для того по нижнему этажу печей». Топка этих печей производилась по назначению смотрителя людьми, состоящими при доме, под ближайшим надзором определенного к ватерклозету «особого вахмистра» [З. Л. 5 об.].

Отдельное место в документе уделено повышенным требованиям пожаробезопасности, что могло быть вызвано неким печальным прецедентом. Смотритель должен был следить за исправным состоянием печей, каминов и очагов. До прибытия пожарной команды ему следовало отдавать распоряжения по тушению пожара, для чего на каждом этаже было устроено «по несколько кранов, вделанных в водопроводные к ватерклозетам трубы, посредством коих можно во всякое время иметь воду под рукою» [З. Л. 6 об.]. Смотри-

тель заботился о том, чтобы на чердаках не складывали вещи (практика, отразившаяся в предыдущих «Наставлениях») и чтобы туда «с огнем, хотя бы даже в фонарях, не ходили». Белье, которое сушилось на чердаках, дозволялось развешивать и убирать только днем [3. Л. 11 об.].

Курить в ватерклозетах, на лестницах и в коридорах было строго запрещено. По нормам пожаробезопасности не разрешалось топить печи в вечернее и ночное время, когда за огнем было труднее уследить. Комнатные печи в помещениях департаментов начинали топить не ранее 6 часов утра.

Немалое значение в «Наставлениях» П.Ф. Брока придавалось вопросам экономии средств, и в частности, наблюдению за расходом дров. Смотрителю полагалось следить, дабы никто из жильцов не брал в сушку белья от посторонних лиц. Топка комнатных печей во всех помещениях должна была начинаться осенью «не прежде как по постановке в окна зимних рам» и производиться «во все продолжение холодного времени без всякого излишка» [3. Л. 7 об.], за чем наблюдали экзекуторы департаментов. Требования экономии были столь строги, что смотрителю вменялось в обязанность проверять температуру комнат «сколь можно чаще» посредством переносных термометров... Температура в комнатах не должна была превышать 14 градусов по Реомюру, т.е. 17,5 градусов по Цельсию (!) [3. Л. 8].

Наконец, в «Наставлениях» П.Ф. Брока отразилось важнейшее новшество середины XIX в., вводившееся в столичных административных зданиях с большой осторожностью, – газовое освещение. В первые годы освещение здания было преимущественно свечным, использовались также масляные лампы. В ходу были стеариновые свечи, не коптившие и горевшие дольше, и более дешевые сальные свечи – для освещения в квартирах нижних чинов, топки печей и «для обхода по строению». В общей сложности в месяц по Министерству финансов уходило до четырех пудов сальных свечей [13. Л. 19].

Газовое освещение в здании Минфина было введено в 1846 г. министром финансов Ф.П. Вронченко. Во дворах, коридорах, на лестницах и под воротами было установлено 109 газовых рожков. Для каждого места определялся свой временной интервал горения. В документах сохранились названия разных типов газовых рожков. Для наружных фонарей – по три в каждом дворе – использовали рожок «Батсвин», горевший от сумерек и до рассвета. На парадных лестницах, в сенях и под воротами горели «Гроссдрилли большие», в кладовых, на черных лестницах и в коридорах – «Гроссдрилли малые» [14. Л. 42–43].

Смотрителю полагалось наблюдать за целостным и исправным состоянием аппарата для газового освещения, для чего он должен был «сколь можно чаще» лично осматривать устройство [З. Л. 4]. Механик, состоявший при доме, оперативно исправлял все возникавшие повреждения. Экзекуторы на подвластной им территории также наблюдали за работой газового аппарата и своевременным зажиганием и гашением газовых рожков специально назначенными для этого служителями [З. Л. 4 об.]. Трижды в год, в ноябре, феврале и мае, смотритель приглашал всех экзекуторов, механика и доверенного от Газового общества и составлял с ними с акт о количестве газа, употребленного на освещение. Акты передавались затем в Общую канцелярию для уплаты Газовому обществу.

Документы, подобные рассмотренным «Наставлениям», помогают нам по крупицам собирать и уточнять знания о прошлом здания Главного штаба – знаменитого архитектурного памятника в самом сердце Петербурга, дома с необычной и сложной судьбой. Такие материалы позволяют дополнить представления о повседневной жизни минувшей эпохи, они служат важным подспорьем в создании и усовершенствовании музейных экспозиций и придают необходимый контекст археологическим находкам в ходе ремонтно-реставрационных работ.

Список литературы

1. Юхнёва Н. В. Этнография Петербурга: программа курса лекций – СПб., 2006. – 63 с.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 379. Оп. 8 Д. 18.
3. РГИА. Ф. 560. Оп. 15. Д. 208.
4. РГИА. Ф. 468. Оп. 35. Д. 100.
5. РГИА. Ф. 560. Оп. 14. Д. 48.
6. РГИА. Ф. 19. Оп. 3. Д. 10.
7. Игнатова О. А. Кем и когда были расписаны служебные помещения Министерства финансов? // Сообщения Государственного Эрмитажа. – СПб.: Изд-во Гос. Эрм., 2018. – Вып. 76. – С. 121–126.
8. РГИА. Ф. 19. Оп. 3. Д. 17.
9. РГИА. Ф. 560. Оп. 15. Д. 9.
10. РГИА. Ф. 560. Оп. 15. Д. 6.
11. РГИА. Ф. 798. Оп. 14. Д. 160-К.
12. РГИА. Ф. 19. Оп. 2. Д. 1651.
13. РГИА. Ф. 560. Оп. 14. Д. 50.
14. РГИА. Ф. 560. Оп. 15. Д. 175.

References

1. Yukhnëva N.V. *Programma kursa lektsiy "EtnografiyaPeterburga"* [Program of the lecture course "Ethnography of Saint-Petersburg"]. – SPb., 2006. – 63 p.
2. *Rossiiskij gosudarstvenny`j istoricheskij arxiv (RGIA)*. F. 379. Op. 8 D. 18.
3. *RGIA*. F. 560. Op. 15 D. 208.
4. *RGIA*. F. 468. Op. 35. D. 100.

5. *RGIA*. F. 560. Op. 14. D. 48.
6. *RGIA*. F. 19. Op. 3 D. 10.
7. Ignatova O. A. *Kem i kogda byli raspisany sluzhebnyye pomeshcheniya Ministerstva finansov?* [Who and when decorated the cabinets in the Ministry of Finances?] // *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha*. – SPb.: Izd-voGos. Erm., 2018. – Vyp. 76. – P. 121–126.
8. *RGIA*. F. 19. Op. 3 D. 17.
9. *RGIA*. F. 560. Op. 15 D. 9.
10. *RGIA*. F. 560. Op. 15 D. 6.
11. *RGIA*. F. 798. Op. 14. D. 160-K.
12. *RGIA*. F. 19. Op. 2. D. 1651.
13. *RGIA*. F. 560. Op. 14. D. 50.
14. *RGIA*. F. 560. Op. 15. D. 175.

Е.Н. Крылова

**Главный редактор «Сельского вестника»
в структуре государственной службы России
в конце XIX – начале XX в.**

В статье исследуется деятельность редакторов правительственной газеты «Сельский вестник», являвшейся первые двадцать пять лет приложением к «Правительственному вестнику». Обе газеты находились в ведении Министерства внутренних дел и печатались в типографии министерства. На главного редактора «Сельского вестника» была возложена одна из важнейших функций создания благоприятного образа власти среди основной массы населения страны. Являясь структурным звеном в системе государственного информирования, главный редактор «Сельского вестника» подчинялся непосредственно главному редактору «Правительственного вестника» и, не имея личного доклада у министра внутренних дел, был ограничен в самостоятельных действиях и в редакционном, и финансовом смысле. Постепенное увеличение подписчиков на газету, ориентированную на крестьянское население Российской империи, а следовательно, и увеличение тиража «Сельского вестника», давало основание редакторам газеты искать способы не только улучшения своего материального положения, но и возможности выделения «Сельского вестника» в самостоятельную газету. Статья написана на основе материалов Российского государственного исторического архива и документов, хранящихся в рукописном отделе Института русской литературы Российской академии наук (Пушкинский Дом).

Ключевые слова: Ю.М. Богушевич, А.А. Александров, Н.А. Майков, М.М. Тебенков, общественное мнение, средства массовой информации, печать, правительственная пресса, редактор газеты, «Правительственный вестник», «Сельский вестник».

Е.Н. Krylova

**The chief editor of "Rural Bulletin" in the structure of state service
of Russia in the late XIX – early XX centuries**

The article is dedicated to editors' work in the governmental newspaper "The Rural Bulletin" that was a supplement to the governmental newspaper "The Governmental Bulletin" for the first 25 years of its existence. The Ministry of internal affairs owned both newspapers and they were printed in typography of the Ministry. The chief editor of "The Rural Bulletin" fulfilled an important responsibility to shape a positive image of the government among peasant population. The chief editor of "The Ru-

ral Bulletin” was in a system of governmental awareness and as an official he was subordinated to the chief editor of “The Governmental Bulletin” in editing and financing ways. Using the gradual increase in subscribers and increase in number of copies of “The Rural Bulletin” chief editors tried to find ways to improve their own financial situation and sought opportunities to make “The Rural Bulletin” an independent newspaper. The article is based on the materials of the Russian state historical archive and Institute of Russian Literature of Russian Academy of Sciences (the Pushkin House).

Key words: YU. Bogushevich, A. Alexandrov, N. Maykov, V. Teben'kov, public opinion, the press, the media, the governmental press, the editor of the newspaper, “The Governmental Bulletin”, “The Rural Bulletin”.

В конце XIX в. возникла потребность в создании правительственной газеты, ориентированной на крестьянское население, с целью разъяснения основных направлений государственной политики самому многочисленному сословию Российской империи. Стать таким изданием должна была газета «Сельский вестник». Решение об издании «Сельского вестника» было принято 25 августа 1881 г. «Сельский вестник» издавался при редакции «Правительственного вестника» в Санкт-Петербурге и печатался в типографии Министерства внутренних дел как еженедельное издание, бесплатное для волостных правлений. И «Правительственный вестник» и «Сельский вестник» являлись официальными органами печати Министерства внутренних дел [1. Л. 3].

Характеризуя правительственную прессу рубежа XIX–XX вв., А.В. Лихоманов указывает, что «накануне первой русской революции правительство располагало лишь тремя ежедневными газетами: «Правительственный вестник», «Русский инвалид» и «Торгово-промышленная газета», ни одна из которых не имела ни широкого распространения, ни интересного для читателя содержания» [2, с. 14]. Газета «Сельский вестник» на тот момент выходила еженедельным приложением к «Правительственному вестнику».

С 1897 г. по приказу министра внутренних дел И.Л. Горемыкина, под наблюдением редактора газеты «Правительственный вестник», к газете «Сельский вестник» стали выходить ежемесячные бесплатные приложения, книжки для народного чтения «Бог–Помочь». Содержание книжек включало статьи на религиозные, исторические, сельскохозяйственные, научные темы и стихотворения. За первый год издания книжек подписка на «Сельский вестник» увеличилась с 50 тыс. до 85 тыс. экземпляров [3. Л. 8 об.], эти книжки также были одобрены для школ и библиотек Министерства народного просвещения. Отдельной подписки на издание «Бог–Помочь» не принималось и розничной продажи не было.

До конца 1905 г. для издания газеты «Сельский вестник» использовалась редакция «Правительственного вестника». Данное

обстоятельство позволяло экономить на издержках, не требовалось дополнительное помещение для редакции и типографии.

Издателем-редактором официально разрешенного частного издания мог стать проситель, имеющий опыт литературной и публицистической деятельности, надежный в политическом отношении и обладающий необходимым капиталом для самостоятельной организации издательского дела. Именно такой издатель-редактор, по мнению правительства, мог освещать события общественной жизни страны начала XX в. в правильном идеологическом направлении [4].

Редактор правительственного периодического издания должен был быть не только человеком умным и опытным в литературном отношении, знакомым с внутренними распорядками издания, но и хорошо знающим целевую аудиторию газеты. В случае с крестьянской газетой «Сельский вестник» «совершенно необходимо знакомство редактора с крестьянским бытом, с его юридическим устройством и особенно с тем складом печатной речи, который понятен крестьянам и обыкновенным литературным навыком не приобретается» [5. Л. 26 об.].

Первым редактором «Сельского вестника» стал Юрий Михайлович Богушевич, занимавший этот пост с 1881 по 1899 гг. В рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук хранится записка о службе Ю.М. Богушевича, в которой указывается, что «5 мая 1859 г. коллежский секретарь Богушевич, по причислении к министерству народного просвещения, был назначен состоять в комитете по делам книгопечатания, из которого производилось ему содержания 1 400 р. в год» [6. Л. 1]. После упразднения комитета, в начале 1860 г., Ю.М. Богушевич, чиновник 10 класса, был переведен в Главное управление цензуры на должность помощника секретаря. При этом была дана характеристика службы Ю.М. Богушевича: «он постоянно и ревностно старался добросовестно выполнять свое назначение, по мере сил и способностей» [6. Л. 2 об.].

До утверждения в должности редактора «Сельского вестника» Ю.М. Богушевич уже имел опыт издательской деятельности. Так, в 1859 г. им было получено разрешение издавать журнал «Книжный вестник» [7. Л. 1–2]. Таким образом, первым редактором правительственной газеты «Сельский вестник» был назначен чиновник, состоящий при Министерстве народного просвещения, имевший непосредственный опыт и знакомый по долгу службы с цензурным делом Российской империи, при котором «названная газета возникла, окрепла, приобрела обширный круг читателей и вполне удовлетворяла поставленным при ее основании целям» [5. Л. 26 об.].

27 апреля 1899 г. А.А. Александров, чиновник особых поручений 8 класса, кандидат историко-филологических наук, был назначен

редактором газеты «Сельский вестник» с жалованием в три тысячи рублей в год из сумм, ассигнованных на содержание личного состава редакции этой газеты и с назначением ему единовременно шестисот рублей на переезд из Москвы в Санкт-Петербург. Должность редактора «Сельского вестника» А.А. Александров занимал десять месяцев.

8 июня 1899 г. редакция «Бог–Помочь» была передана А.А. Александрову [3. Л. 9], а уже 15 июля Анатолий Александрович Александров заключил договор с товариществом И.Д. Сытина по изданию книг для народа [5. Л. 6]. Договор включал семь пунктов, согласно которым товарищество И.Д. Сытина брало на себя все расходы по изданию этих книг и всю коммерческую часть по продаже. Редакция «Сельского вестника» со своей стороны обязалась просматривать материалы для печати народных книг и после одобрения на каждой книжке ставить девиз «Бог–Помочь» со штемпелем редакции «Сельского вестника» и содействовать сбыту этих книг, размещая рекламу о них в «Сельском вестнике» и храня экземпляры на складе.

Товарищество И.Д. Сытина предоставляло счет по расходам издания, определяло цену, а чистая прибыль согласно договору распределялась поровну между товариществом И.Д. Сытина и редакцией «Сельского вестника». При этом особо оговаривалось, что редакция «Сельского вестника» ни в каких убытках по изданию не участвует. По истечении каждого года товарищество И.Д. Сытина обязалось предоставлять отчет об имеющихся у него на складах книгах для расчета и уплаты денег, а редакция «Сельского вестника» – сообщать о наличии книг на своем складе и результатах продажи. Последний пункт гласил, что «условие это может быть нарушаемо, если предприятие окажется безвыгодным или почему-либо неудобным для той или другой стороны» [1. Л. 6].

На самом контракте стояла резолюция министра внутренних дел И.Л. Горемыкина, написанная карандашом: «Одобрив эти условия, просил бы окончить незамедлительно, в виду предстоящего перерыва моих докладов. 6 июля» [3. Л. 5 об.]. В ноябре 1899 г. редактор «Правительственного вестника» получил книжку «Бог–Помочь» от А.А. Александрова, изданную в типографии И.Д. Сытина. Номер был отпечатан в соответствии с договором, и, по мнению К.К. Случевского, был убыточным для правительственных изданий, связывая обязательства московскую торговую фирму с официальным периодическим изданием Министерства внутренних дел.

Беспокойство К.К. Случевского вызывал факт, что книги для народа, «Незабвенное прошлое» (19 февраля 1861 г.) и «Крестьянские знаменитости (Самородки)» были изданы товариществом И.Д. Сытина без указания цены. Ввиду широкого распространения

книг товариществом среди крестьянского населения и данного редактором «Сельского вестника» товариществу обязательства рекламировать книжки товарищества в «Сельском вестнике», отсутствие на книжках определенной цены, по мнению К.К. Случевского, легко могло вызвать на книжных рынках спекуляцию изданием «под эгидой правительственной редакции». Еще одним важным аспектом отсутствия цены была невозможность проверки правильности отчисления чистой прибыли от издания в пользу «Сельского вестника». Невыгодным был пункт и о хранении книжек в редакции «Сельского вестника». В ходе беседы с А.А. Александровым выяснилось, что все это было приведено в исполнение по личным распоряжениям министра внутренних дел. Смущал К.К. Случевского и последний, седьмой пункт о возможности расторжения контракта [З. Л. 6 об.].

В результате служебного расследования оказалось, что А.А. Александров самостоятельно, не ставя редактора «Правительственного вестника» в известность, занимался приемом объявлений, что «шло в прямой ущерб доходности «Правительственного вестника»» [З. Л. 7], в составе которого находилась газета «Сельский вестник». (До 1905 г. «Сельский вестник» входил в «Правительственный вестник», прибыль которого часто шла на различные субсидии, дотации и компенсации служащим редакций и официозным изданиям) [8]. Так, выяснилось, например, что 10 ноября 1899 г. конторой «Сельского вестника» было принято для рассылки при Календаре 1900 г. объявление от издательства П. Сойкина. За рассылку этого объявления, в количестве 75 тыс. экземпляров, было получено по 5 р. с тысячи, всего 375 р. За это объявление, в 2144 строки по таксе «Сельского вестника» должно было быть заплачено 857 р. 60 к. При исключении из этой суммы расходов на набор (18 р.), печатание (109 р. 50 к.), брошюровку (75 р.) и на бумагу (133 р. 26 к.), (всего 333 р. 76 к.), чистая прибыль от этого объявления составила бы 521 р. 84 к., т. е. «на 146 руб. 84 коп. более чем получено от П. Сойкина» [З. Л. 7 об.].

Таким образом, вследствие вклейки объявления, редакция «Правительственного вестника» потерпела убыток в 146 р. 84 к., а Санкт-Петербургский Почтамт лишился поступления в 187 р. 50 к., положенные за приложение объявления к Календарю [З. Л. 7 об.].

По данным, имеющимся в Российском государственном историческом архиве, прибыль по «Сельскому вестнику» за 1899 г. составила: от подписки по «Сельскому вестнику» – 73 тыс. р., от розничной продажи номеров газеты и книжек «Бог–Помочь» – 10 р., доходы от объявлений в газете – 6 тыс. р., в приложении к «Сельскому вестнику» «Бог–Помочь» – 500 р., плата за объявления, рассылаемые при газете, – 1 466 р., доходы от продажи Календаря –

170 р. [9. Л. 16–19] Таким образом, основными источниками дохода газеты были подписка и размещение объявлений в газете.

Беспокойство главного редактора «Правительственного вестника» финансовым положением газет было вполне оправданно. По материалам того же дела о смете «Правительственного» и «Сельского вестников» видно, что в результате реализации номеров доходов ожидалось получить по «Правительственному вестнику» в 1900 г. – 276 770 р. 40 к., по «Сельскому вестнику» – 83 539 р., израсходовать по «Правительственному вестнику» – 196 171 р. 50 к. и экстраординарных расходов – 31 500 р., т.е. 227 671 р. 50 к., по «Сельскому вестнику» с Календарем – 106 094 р. 60 к. и на приложение «Бог-Помочь» – 21 072 р. – т.е. 127 166 р. Всего расходы по изданию обеих газет должны были составить 354 838 р. 10 к. Ожидаемый остаток – 5 471 р. 30 к. [9. Л. 4]. Как видно из приведенных цифр, расходы на издание «Сельского вестника» превышали доходы от его реализации и прибыль, хоть и незначительная приходилась на издание «Правительственного вестника», главным редактором которого являлся К.К. Случевский.

В беседе с А.А. Александровым выяснилось также, что «помимо вышеприведенного условия с Сытиным имеется еще и другое, обеспечивающее ему, Александрову, плату по 10 рублей с каждого печатного листа» [5. Л. 10 об.]. На заключение этого условия разрешения от министра внутренних дел он не получал.

Объясняя причины финансовых махинаций с приемом объявлений, К.К. Случевский писал, что А.А. Александров «находится, по видимому, стесненным долговыми обязательствами, так как, 17 ноября 1899 года, в редакцию поступили от судебного пристава Санкт-Петербургского окружного суда два исполнительных листа о взыскании с него 2 057 руб. 10 к. за печатную бумагу, и 20 ноября 1899 года, по требованию того же судебного пристава, исполнительные листы были возвращены» [5. Л. 15].

Ссылаясь на этот пример, К.К. Случевский просил в докладной записке на имя начальника Главного управления по делам печати восстановить прежний порядок приема объявлений, передав ему все полномочия по данному вопросу. Помимо финансовых махинаций, Случевский выражал недовольство редакторской деятельностью А.А. Александрова. По его мнению, Александров и «с точки зрения литературной являлся редактором нежелательным» [3. Л. 8 об.].

Сохранилась записка редактора «Правительственного вестника» К.К. Случевского начальнику Главного управления по делам печати, в которой он следующим образом характеризовал деятельность А.А. Александрова: «За девять месяцев редактирования названным лицом "Сельского вестника" главные основания ре-

дакции, как в литературном так и в хозяйственных отношениях настолько изменились к худшему, что к будущему редактору должны быть предъявлены совершенно особые требования» [5. Л. 26].

В качестве примера непонимания главным редактором «Сельского вестника» целей и задач правительственной политики в информационной сфере К.К. Случевский ссылался на публикацию в «Бог–Помочь» статьи, посвященной жизни Н.А. Варгунина, владельца бумажной фабрики (тогда как раньше отводилось место только биографиям великих исторических личностей), что не соответствовало «основным началам издания».

Невнимательность редактора и непонимание прямых задач редактируемого им издания, по мнению К.К. Случевского, сказались и в статье о «Святогорском монастыре», где «вместо ожидаемого рассказа о святынях и подвигах (что могло бы оказать известное нравственное воздействие на читателя), приводились сухие статистические данные о постройках, о скотном дворе и о количестве земли (в десятинах и сажнях), имеющиеся у монастыря. «Вместо классических образцов поэзии, помещавшихся раньше, стали находить место "стихи" – в роде "В день Рождества Христова" (некоего С. Пономарева), даже мало знакомого с правилами стихотворения» [5. Л. 14].

Резолюция редактора была следующей: «исходатайствовать перед г. управляющим министерством внутренних дел» расторжение контракта «Сельского вестника» с фирмой И.Д. Сытина, снять с изданных И.Д. Сытиным книжек обложки с обозначением на них «Бог–Помочь» и «под редакцию «Сельского вестника», отменить все распоряжения, предоставлявшие редактору «Сельского вестника» право принятия самостоятельных решений по редакторской и хозяйственной части, передать редактирование «Бог–Помочь» в редакцию «Правительственного вестника», так как это издание «чисто литературного характера, а литературных сил в редакции "Сельского вестника" не имеется, и г. Александрова отстранить от редактирования "Сельского вестника" и передать, временно, редактирование его коллежскому асессору Полферову» [3. Л. 10] под непосредственным наблюдением редактора «Правительственного вестника».

К записке были приложены копия с контракта, заключенного редакцией «Сельского вестника» с товариществом И.Д. Сытина, представленный Александровым проект его частного условия с товариществом, Календарь, справочная книжка «Сельского вестника» на 1900 год и «Бог–Помочь» – «Незабвенное прошлое» (19 февраля 1861 г.), «Крестьянские знаменитости (Самородки)» в двух экземплярах в различных обложках, изданные товариществом И.Д. Сытина.

14 января 1900 г. начальнику Главного управления по делам печати Н.В. Шаховскому была представлена докладная записка редактора «Сельского вестника» А.А. Александрова о плане или способе составления книжек «Бог–Помочь» и номеров «Сельского вестника», «которые подверглись совершенно неожиданным ... и непонятным инсинуациям г. редактора "Правительственного вестника"» [1. Л. 16].

К докладной записке были приложены: 1) книжки «Бог-Помочь», которые подверглись упрекам «в удивительном и очень обидном» для редактора «Сельского вестника» освещении; 2) два номера «Сельского вестника» 1899 г. № 51,52, и 1900 г. № 2 с отзывами подписчиков о «Сельском вестнике»; 3) письмо С.А. Рачинского с отзывом его о редактировании «Бог–Помочь», к которому «случайно попала как раз та книжка «Бог–Помочь», которая подверглась особенно сильным и ядовитым нападкам и 4. две расписки пом.прис.поверен. Герцфельда, кратко, но красноречиво объясняющие почему снят крест» [1. Л. 16], наложенный было на жалование Александрова.

После рассмотрения докладной записки приложения были возвращены Александрову и в материалах архивного дела отсутствуют [1].

Раскрывая свою позицию по поводу заключенного контракта, А.А. Александров указывал, что был приглашен бывшим министром с правом личного доклада. В частности, Александров просил в записке, чтобы «ему не мешали работать в редакционном отношении как это было до самого последнего времени (с самого основания "Сельского вестника"» [1. Л. 16]. сетовал он и на редактора «Правительственного вестника», что Случевский мешает ему работать. «Вот уже половина января, готов у меня уже 3 номер, а он запретил их рассылать. ... Тут очевидно что-то против меня, какое-то раздраженное, больное самолюбие» [1. Л. 16]. Выражая верноподданнические чувства, Александров отмечал, что не желает навредить чем-либо г. Случевскому, но и уходить, не договаривая, не желает. Однако если Случевский хочет вернуть себе «Бог–Помочь», то он против этого ничего не имеет.

В качестве положительных отзывов о работе редакции «Сельского вестника» под руководством Александрова были приведены два отзыва, первый – из Старой Руссы, автором являлся кожевенный заводчик Н.М. Кошков. В отзыве указывалось, что он только третий месяц состоит подписчиком «Сельского вестника», но за такое сравнительно короткое время он вполне оценил достоинство этой газеты. «Польза, которую принес "Сельский вестник" для моих рабочих (у меня кожевенный завод), неоценима. ... Да и как не быть благодарным когда в каждой строке этой газеты видна любовь к

простому народу. Изложено все так толково, понятно для них; много наставлений, советов полезных» [10]. Второй отзыв был напечатан от имени владимировского сельского писаря Евстафия Гладченко из Екатеринославской губернии. Описывая в целом положение деревни и трудности в просвещении крестьян, автор высказывал слова благодарности «правительству и всем трудящимся и участвующим в этой газете» [11].

Докладные записки К.К. Случевского и А.А. Александрова были рассмотрены. В результате 16 января 1900 г. последовало распоряжение о расторжении договора по изданию народных книг, заключенного 15 июля 1899 г. редактором «Сельского вестника» Александровым и товариществом И.Д. Сытина и подчинении редактора «Сельского вестника» как в хозяйственном отношении, так и по отношению к редактированию этого издания главному редактору «Правительственного вестника» [3. Л. 11].

28 января 1900 г. в правление товарищества издательства и книжной торговли И.Д. Сытина была направлена копия распоряжения о прекращении издания книжек «Бог–Помочь» и возвращении копии договора [3. Л. 13].

А.А. Александров получил указание не обращаться непосредственно к министру внутренних дел с докладами, а о каждом получаемом от министра поручении по редакции «Сельского вестника» немедленно доводить до сведения редактора «Правительственного вестника» [1. Л. 3].

Итак, данный инцидент показал полную зависимость редактора газеты «Сельский вестник» от редактора «Правительственного вестника». Чиновники, осуществлявшие координацию внутренней политики Российской империи в информационной сфере, не рассматривали газету, направленную на многочисленное крестьянское население, как самостоятельный орган, решающий вопросы коммуникации власти с сельским населением.

Таким образом, находясь в подчинении у главного редактора «Правительственного вестника», редактор «Сельского вестника» был практически лишен самостоятельности, а любые попытки принимать самостоятельные решения встречали решительное сопротивление. У главного редактора «Правительственного вестника» был достаточно широкий круг обязанностей и вникать в особенности работы «подведомственного» издания для крестьянского населения часто объективно не было времени. Возможно, это одна из причин, по которой следующий редактор «Сельского вестника» Н.А. Майков предложил идею отделения газеты «Сельский вестник» от «Правительственного вестника».

Издание «Сельского вестника» при «Правительственном вестнике» ставило его в зависимость и по отношению подбора статей.

Контроль со стороны главного редактора «Правительственного вестника» по отношению к «Сельскому вестнику» приводил к тому, что в еженедельной газете печатались дословно телеграммы или официальные списки убитых и раненых солдат из «Русского инвалида» в военное время.

4 марта 1900 г. А.А. Александров был освобожден от редактирования газеты «Сельский вестник», с прекращением производства ему содержания [1. Л. 29]. На должность редактора «Сельского вестника» был назначен Н.А. Майков, возглавлявший издание до его реорганизации в 1905 г. и освобожденный от обязанностей редактора с 1 июня 1905 г. [12. Л. 16]. 8 марта 1900 г. состоялась беседа Н.А. Майкова с Н.В. Шаховским, исполняющим обязанности начальника Главного управления по делам печати, в результате которой 10 марта последовал приказ министра внутренних дел Д.С. Сипягина о назначении редактором «Сельского вестника» статского советника Н.А. Майкова с производством ему вознаграждения по 3 тыс. р. в год из сумм, ассигнуемых на содержание личного состава редакции этой газеты в 1900 г. [12. Л. 2].

За время работы редактором «Сельского вестника» Н.А. Майков составил записку о реорганизации издания. Представленная им программа газеты, по словам начальника Главного управления по делам печати Н.В. Шаховского, была одобрена императором, и Майков, по мере сил и материальных средств, которыми располагала газета в отношении гонорара сотрудникам, старался «выполнить возложенную на него обязанность, и число подписчиков на газету к 1905 году достигло с 80-ти до 120 тысяч» [12. Л. 12].

Заготовленная черновая докладная записка по поводу придания «Сельскому вестнику» менее официального характера была в итоге доведена до сведения министра внутренних дел А.Г. Булыгина [12. Л. 12 об.]. В личном деле Н.А. Майкова хранится копия с черновой докладной записки о преобразовании газеты «Сельский вестник». В ней в общих чертах говорится о необходимости реорганизации газеты и отделении ее от «Правительственного вестника» [12. Л. 14–15 об.]. В частности, Н.А. Майков указывал, что «сельское население вполне знакомо с настоящим положением вещей и что оно нуждается в руководстве, ... чтобы его беззаветная преданность обожаемому самодержавному монарху получила настоящее значение» [12. Л. 15].

Результатом стало образование особой комиссии, в которую, однако, не были приглашены сотрудники «Сельского вестника». В связи с его реорганизацией, прежний его редакционный состав во главе с редактором были распущены почти в канун 25-летнего юбилея существования газеты, без компенсации и предварительного об «отказе от места» предупреждения. Как писал сам Н.А. Майков в

докладной записке на имя министра внутренних дел: «Я лично не только лишился возможности служить тому делу, которым в высшей степени интересовался, но лишился и главного и существенного моего заработка» [12. Л. 13]. После обращения с ходатайством ему было предоставлено продолжение выплаты содержания по «Сельскому вестнику» в течение года, до приискания других занятий, однако через шесть месяцев, 20 января 1906 г., начальник Главного управления по делам печати А.В. Бельгард объяснил, что ввиду расширения программы «Правительственного вестника» и необходимости привлечения к тому всех средств этого издания, министром внутренних дел были исключены из сметы все выдачи лицам, не состоящим в редакции этой газеты [12. Л. 13].

Н.А. Майков обратился с просьбой к министру внутренних дел не отказать в распоряжении о продолжении в течение последующих шести месяцев, т. е. с 1 января по 1 июля того содержания, которое причислялось бы по его занятиям заведующего редакцией «Сельского вестника», приняв во внимание, что подобная выдача есть не более, как компенсация за передачу редакционных занятий по «Сельскому вестнику» в другие руки, по причинам, от него не зависящим, а не постоянное, на неопределенное число лет установленное содержание [12. Л. 13 об.].

8 февраля 1906 г. Майкову было лично объяснено, что министр внутренних дел по докладу начальника Главного управления по делам печати назначил пособие 750 р. из сумм редакции газеты «Правительственный вестник» [12. Л. 19]. При этом было сообщено, что «согласно распоряжению его высокопревосходительства, никаких дальнейших пособий за службу в звании заведывающего редакцией "Сельского вестника" выдаваемо быть не может» [12. Л. 19].

Редактором реорганизованного «Сельского вестника» стал Михаил Михайлович Тебенков, чиновник особых поручений 6 класса при Министерстве финансов, почетный мировой судья тифлисского округа окружного суда, надворный советник [См. подробнее: 8, с. 26]. К исполнению своих служебных обязанностей он приступил 8 июня 1905 г. [13. Л. 1]. Пробыв в должности два года, он был освобожден 26 июня 1907 г., согласно его ходатайству, от обязанностей по званию главного редактора газеты «Сельский вестник», с откомандированием для занятий в Главное управление по делам печати с производством ему содержания в размере трех тысяч рублей в год [13. Л. 4].

27 июня последовало распоряжение начальника Главного управления по делам печати А.В. Бельгарда «сдать на законном основании редакцию газеты "Сельский вестник" назначенному главным редактором помянутой газеты тайному советнику Савичу» [13. Л. 5].

17 сентября 1908 г. в Главное управление по делам печати поступил исполнительный лист Санкт-Петербургского мирового судьи от 26 марта 1908 г. с определением о взыскании с Тебенькова в пользу В. Павлова 220 р. 6 к. [13. Л. 13].

На этом отношения с Главным управлением по делам печати у М.М. Тебенькова не закончились. Он несколько раз обращался с ходатайствами в Министерство внутренних дел. Первое прошение было о назначении ему пособия на воспитание сына Дмитрия, однако оно было отклонено 19 сентября 1908 г. по причине «ограниченности состоящего в распоряжении министерства кредита на воспитание детей недостаточных чиновников в настоящее время не представляется возможным удовлетворить ходатайство» [13. Л. 16], о чем было лично объявлено Тебенькову. Помимо этого, в Главное управление по делам печати неоднократно поступали извещения о том, что за Тебеньковым числятся недоимки по квартирному налогу и из его содержания необходимо удержать определенную сумму и сдать в казначейство [13. Л. 20, 22, 23, 31]. В марте 1909 г. Тебенькову было выдано 150 р. на лечение болезни [13. Л. 29].

6 июня 1911 г. Тебеньков был направлен в распоряжение его величества на Кавказ, где получал содержание в три тысячи в год [13. Л. 30]. Находясь на Кавказе, М.М. Тебеньков числился в Главном управлении по делам печати и получал жалование, не выполняя свои прямые обязанности, поэтому с 1 января 1912 г. его хотели отчислить, но в Министерство внутренних дел было сообщено, что 10 января 1912 г. Тебеньков выехал в Санкт-Петербург, закончив порученную ему работу. 1 сентября 1912 г. М.М. Тебеньков был уволен со службы согласно прошению по болезни [13. Л. 54].

Таким образом, на главного редактора «Сельского вестника» была возложена одна из важнейших функций формирования положительного мнения о власти среди самого численно большого слоя населения Российской империи – крестьянства. На должность главного редактора назначался чиновник, имевший опыт административной и публицистической деятельности и понимавший не только интересы государства, но и потребности крестьянства. В структуру личного состава редакции «Сельского вестника» входило шесть человек: сам редактор, его старший и младший помощники, конторщик и его помощник, и постоянный сотрудник.

Являясь структурным звеном в системе государственного информирования, главный редактор «Сельского вестника» подчинялся непосредственно главному редактору «Правительственного вестника» и не имел личного доклада у министра внутренних дел, был ограничен в самостоятельных действиях и в редакционном, и финансовом смысле. Финансирование «Сельского вестника» осуществлялось за счет средств «Правительственного вестника» и в

большинстве случаев деятельность газеты была убыточной. Несмотря на отсутствие стабильной прибыли по «Сельскому вестнику», газета выполняла важную пропагандистскую задачу, а постепенное увеличение подписчиков на газету и тиража издания давало основание редакторам газеты искать способы не только улучшения своего материального положения, но и возможности выделения «Сельского вестника» в самостоятельную газету.

На примере трех редакторов правительственной газеты «Сельский вестник», последовательно сменявших друг друга, можно говорить об определенном отношении чиновников к государственной службе и власти. Выражая верноподданнические чувства и стремление работать на благо государства, они считали естественным использовать свое служебное положение в личных целях и обращаться за содержанием по месту прошлой работы. При этом государство, как правило, шло им навстречу если не полностью, то частично. Чиновники просили финансовой помощи у государства, не состоя на службе или числясь при министерстве, и не выполняя, по существу, свои функциональные обязанности.

Список литературы

1. Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф. 776. Оп. 22. Д. 22.
2. Лихоманов А.В. Борьба самодержавия за общественное мнение в 1905–1907 гг. – СПб.: Изд-во РНБ, 1997. – 134 с.
3. РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 49.
4. Крылова Е.Н. Требования к должности издателя-редактора периодического издания начала XX в. // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина: науч. журн. – СПб., 2015. – №2. – Т. 4. История. – С. 141–148.
5. РГИА. Ф. 776. Оп. 22. Д. 55.
6. Институт русской литературы Российской академии наук (ИРЛИ РАН). (Пушкинский Дом). 19337.
7. ИРЛИ РАН. 19317.
8. Крылова Е.Н. Правительственная печать в начале XX в. (на примере газеты «Сельский вестник») // Клио. – СПб., 2018. – №4 (136). – С. 22–29.
9. РГИА. Ф. 776. Оп. 22. Д. 38.
10. Сельский вестник. – 1899. – 26 дек. – № 52–53.
11. Сельский вестник. – 1900. – 9 янв. – № 2.
12. РГИА Ф. 776. Оп. 22. Д. 47.
13. РГИА Ф. 776. Оп. 22. Д. 42.

References

1. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA)* [The Russian state historical archive]. F. 776. Op. 22. D. 22.
2. . *Likhomanov A.V. Bor'ba samoderzhaviya za obshchestvennoe mnenie v 1905–1907 gg.* [The struggle of monarchy for public opinion in 1905–1907]. – St. Petersburg, izdatel'stvo RNB, 1997. 134 p.
3. RGIA. F. 785. Op.1. D.49.

4. Krylova E.N. *Trebovaniya k dolzhnosti izdatelya – redaktora periodicheskogo izdaniya nachala XX v.* [The requirements for the position of the publisher – editor of the periodical at the beginning of XX century] // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina* [Vestnik Pushkin Leningrad State University] Nauchnyi zhurnal. – St. Petersburg: LGU im. A.S. Pushkina, 2015. – №2. Tom 4. Istoriya. – Pp. 141–148.
5. RGIA. F. 776. Op.22. D. 55.
6. *Institut russkoi literatury Rossijskoi Akademii nauk* (IRLI RAN). (Pushkinskii Dom). [Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences] 19337.
7. IRLI RAN. 19317.
8. Krylova E.N. *Pravitel'stvennaya pechat' v nachale XX v. (na primere gazety «Sel'skij vestnik»)* [The governmental press at the beginning of the XX century (on the example of “The Rural Bulletin”)] // *Klio*. SPb., 2018. №4 (136). – Pp. 22–29.
9. RGIA F. 776. Op. 22. D. 38.
10. *Sel'skij vestnik* [The Rural Bulletin]. – 1899. – 26 dekabrya. – № 52–53.
11. *Sel'skij vestnik* [The Rural Bulletin]. – 1900. – 9 yanvarya. – № 2.
12. RGIA. F. 776. Op. 22. D. 47.
13. RGIA. F. 776. Op. 22. D. 42.

О.В. Капустина

«ВЧК просит...», или Две документальные иллюстрации повседневных проблем советского социального обеспечения в начале 1920-х гг.

В статье проанализированы два деловых письма, поступившие в Народный комиссариат социального обеспечения РСФСР в 1921 г. Первое рассказывает о недостаточности социального пособия для поддержания жизни нетрудоспособной матери погибшего чекиста. Второе содержит информацию о работе органов социального обеспечения в условиях голода в Поволжье. Документы свидетельствуют об отсутствии у государства денежных средств на выплату пенсий и пособий, так как законодательство о пенсионном обеспечении в заявленный период значительно опережало экономические возможности молодого советского государства. Сделан вывод, что события начала 1920-х гг. поставили под угрозу факт существования института социального обеспечения в РСФСР.

Ключевые слова: народный комиссариат социального обеспечения, особые заслуги перед советской властью, военный коммунизм, переписка, голод, инфляция, нетрудоспособность, пенсия, пособие, бандитские нападения.

O.V. Kapustina

«The Cheka requests...», or two documentary illustrations of everyday problems of Soviet social security in the early 1920s.

The article analyzes two business letters, arrived in the People's Commissariat of social security of the RSFSR in 1921. The first tells about the insufficiency of social benefits to maintain the life of disabled mother of a dead chekist. The second contains information about the work of social security bodies in the conditions of famine in the Volga region. The documents show that the state had no money to pay pensions and benefits, as the legislation on pension provision in the stated period was much ahead of the economic opportunities of the young Soviet state. The author concludes that the events of the early 1920s threatened the existence of the Institute of social security in the RSFSR.

Key words: People's Commissariat of social security, special merits to the Soviet power, military communism, correspondence, famine, inflation, disablement incapacity, pension, benefits, gang attacks.

В первый год советской власти в РСФСР был принят ряд документов, гарантировавших трудовому народу от имени правительства рабочих и крестьян значительный пакет социальных благ. Особое место среди них занимает «Положение о социальном обеспечении трудящихся», введенное в действие Декретом СНК РСФСР от 31 октября 1918 [1], согласно которому все без исключения лица, источниками существования которых являлся только собственный труд без эксплуатации чужого, могли рассчитывать на социальное обеспечение в случае постоянной утраты (всех или части) средств к существованию вследствие нетрудоспособности, вызванной увечьем, болезнью, старостью. Средства для выплат нуждающимся должны были складываться из взносов предприятий (как частных, так и государственных, в том числе национализированных), из пеней по просроченным платежам на социальное обеспечение и штрафов, налагаемых за нарушение настоящего положения, а также из доходов с имущества и капитала учреждений социального обеспечения. Нельзя забывать и о Декрете СНК РСФСР от 7 августа 1918 г. «О пенсионном обеспечении солдат Рабоче-Крестьянской Красной Армии и их семейств» [2], обещавшем государственную поддержку инвалидам-красноармейцам, а в случае их гибели, смерти от ран или пропажи без вести – их женам и детям. В 1919 г. этот декрет был распространен на моряков, пограничников, солдат прежней (старой императорской) армии и красных командиров [3]. Для решения задач социального обеспечения на базе Министерства государственного призрения Временного правительства уже в ноябре 1917 г. был создан Народный комиссариат государственного призрения (НКГП), в апреле 1918 г. переименованный в Наркомат социального обеспечения (НКСО) [4], который, впрочем, в период военного коммунизма несколько раз реорганизовывался, то объединяясь с Народным комиссариатом труда (НКТ), то вновь становясь самостоятельным.

В 1918–1920 гг. контингент обеспечиваемых постоянно возрастал: в 1918 г. на учете в органах СО состояло 105 тыс. получателей пенсий или, как тогда говорили, пенсионных единиц, в 1919 г. – 232 758 и в 1920 г. – уже 500 тыс. Кроме самостоятельных получателей, в 1919 г. пенсиями и пособиями обеспечивались 1 млн 431 тыс. потерявших кормильца семей военнослужащих, в декабре 1920 г. их числилось уже 8 млн 757 тыс. [5]. Однако в продекларированном объеме социальные обязательства правительством выполнены не были. Особенно тягостным положение стало в начале 1920-х гг. и, пожалуй, самым печальным годом оказался 1921-й: послевоенная разруха, сокращение промышленного производства и посевных площадей, инфляция, голод в Поволжье и т.д. Несмотря на то что решение о переходе к новой экономической политике бы-

ло принято еще в марте этого года, практически все происходящие в Российской Федерации в 1921 г. процессы были обусловлены сохранением многих норм «военного коммунизма».

В марте 1928г., выступая с докладом на II Сессии ВЦИК XIII созыва, нарком социального обеспечения РСФСР И.А. Наговицын, вспоминая первые годы советской власти, подчеркивал, что тогда «не было возможности в полной мере развить программу, намеченную правительством в области социального обеспечения» [5]. Современники соглашались, что «законодательство о социальном обеспечении значительно опережало экономические возможности молодого Советского государства и не было достаточно увязано с народнохозяйственной жизнью» [6, с. 199].

Сегодня ученые также признают «упадок дела социального обеспечения в ситуации острого дефицита финансовых ресурсов страны, наблюдавшийся в конце «военного коммунизма» [7]. Историки и социологи Н.Б. Лебина, П.В. Романов, Е.Р. Ярская-Смирнова первый этап советской социальной политики с 1917 по 1921 гг. вслед за В. Джорджем и Н. Мэннингом называют утопическим [8, с. 22]. При этом некоторые исследователи обвиняют СНК в открытом популизме [9, с. 7] и даже подозревают советское правительство в злом умысле по отношению к жителям РСФСР: «реальная действительность была такова, что государство советского периода не только не смогло обеспечить социальные потребности своих граждан, но и, действуя в угоду своим социалистическим интересам, наоборот, значительно ограничивало социальные права и свободы граждан» [10].

По нашему мнению, максимализм первых декретов советской власти был обусловлен не столько желанием привлечь на свою сторону как можно больше сторонников, сколько революционной эйфорией, которая к началу 1920-х гг. в условиях послевоенной разрухи и соответствующего народно-хозяйственного кризиса сменилась глубоким пессимизмом. Вот как об этом времени писал председатель ВЦИК М.И. Калинин: «Мне ясно вспоминается случай, кажется, в 1921 году, когда Совнарком в отсутствие Ленина решил закрыть Комиссариат социального обеспечения, – дескать, все равно, не говоря уже о настоящей, но и мало-мальскую помощь мы не можем проводить, так не лучше ли его совершенно закрыть, чтобы не производить лишние расходы на холостой аппарат. По протесту Ленина вопрос был перенесен в Политбюро, после чего Совнарком пересмотрел свое решение. Ленин мотивировал, что наша партия не может отказаться от этой задачи, что если помощь мала, то в этом не наша вина, а наша беда, и во что бы то ни стало надо сохранить принцип необходимости социального обеспечения» [11, с. 14].

Трудности, с которыми в начале 1920-х гг. на бытовом уровне сталкивались нетрудоспособные советские граждане, с одной стороны, и работники социального обеспечения (собеса) – с другой, нам проиллюстрируют два поступивших в Наркомсобез (*сокращение первых лет существования наркомата – ОК.*) деловых письма, датированных сентябрем 1921 г. Документы подшиты в папке с названием «Переписка с Всероссийской Чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией, Народным комиссариатом внутренних дел и другими учреждениями о назначении пенсий и пособий лицам, имеющим заслуги перед Советской властью и их семьям», хранящейся в фондах Министерства социального обеспечения РСФСР Государственного архива Российской Федерации. Исследуемые документы по объему невелики, но весьма информативны, в частности содержат сведения о структуре государственных учреждений, о деятельности ВЧК и проведении партийных чисток. Однако наше внимание будет уделено только проблемам социального обеспечения советских граждан.

Первое письмо, поступившее в Наркомат социального обеспечения из ВЧК (исх. № 47324 от 21 сентября 1921 г. [12. Л. 87]), напечатано на соответствующем бланке (Москва. Большая Лубянка, 2) и сообщает следующее: «В 1919 году в селе Архангельском Вятской губ. при исполнении служебных обязанностей, дезертирами был зверски убит сотрудник Котельнической Уездной Чрезвычайной Комиссии т. Целищев Григорий Петрович, единственный сын и кормилец своей 67 летней не трудоспособной матери Аграфены Ивановны. Орловский Уездный Отдел Социального обеспечения рассмотрев вопрос о выдаче пособия утерявшей на 65% трудоспособности Аграфене Ивановне Целищевой определил ей месячное пособие в 720 руб. Так как такая мизерная сумма при настоящей дороговизне почти ничего не значит /**стоимость одной коробки спичек/ ВЧК просит** пересмотреть вопрос о выдаче пособия Аграфене Ивановне ЦЕЛИЩЕВОЙ и увеличить его до размеров мало мальски обеспечивающих ее существование» (*орфография и пунктуация источника сохранены – О.К.*). Обращение красными чернилами подписал зампредвечека (*так в документе – О.К.*) Уншлихт.

Факт нахождения цитируемого документа в вышеназванной папке говорит о том, что Аграфена Ивановна получала пособие за погибшего сына в рамках действия Декрета СНК РСФСР от 16 июля 1920 г. «О пенсиях лицам, имеющим особые заслуги перед рабоче-крестьянской революцией» [13] в борьбе с мировым империализмом и буржуазно-помещичьей контрреволюцией, а также в деле социалистического строительства и партийной работы. В декабре 1921 г. подобные пенсии станут называться усиленными [14], а с февраля 1923 г. – персональными [15]. Установление особых заслуг перед

революцией декретом 1920 г. было возложено на соответствующие центральные органы советской власти, т.е. ВЧК, подтвердившая право А.И. Целищевой на пособие за погибшего сына-кормильца, становилась посредником между ней и НКСО.

Сегодня просьба, исходящая из такого авторитетного ведомства, как Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией, поражает воображение и колеблет миф о его тогдашнем абсолютном всемогуществе, однако по своей сути подписанное И.С. Уншлихтом ходатайство является обычным документом в системе советского делопроизводства.

Пенсии и пособия, назначаемые по случаю потери кормильца за особые заслуги погибших, были несколько выше тех, что полагались иждивенцам красноармейцев, погибших на фронтах Гражданской войны вне категории «советского подвига». Однако даже льготные выплаты в молодом государстве рабочих и крестьян не были достаточными для жизни. Страшную дороговизну и ужасающую инфляцию в этот период подтверждает профессор Московского университета, историк Ю.В. Готье, который в своих заметках аккуратно фиксировал изменения цен на продукты питания. 14 ноября 1921 г. он записал: «Хлеб – 4000; масло – 40 000; молока кружка (*мера объема, равная 1,23 л – О.К.*) – 5000... в Петрограде дороговизна еще большая». 23 ноября этого же года названный автор сокрушался: «рубль летит катастрофически: 10-рублевый золотой стоит больше 700 000 рублей, масло 60 000, хлеб 4 800» [16, с. 479]. По данным академика С.Г. Струмилина, «бумажный рубль уже к началу революции стоил не более 46 коп. золотом, к октябрю 1917 г. он упал до 19 коп., через год... он стоил уже только 1,4 коп., а еще через три года, к октябрю 1921 г. приходится уже тысячу рублей бумажных оценивать в 2 коп. золотом» [17, с. 314].

Второй документ, позволяющий взглянуть на проблемы социального обеспечения со стороны именно работников системы, это небольшой по объему доклад А. Сарфинович, командированной ЦК партии через НКСО в Самарский губернский отдел соцобеспечения для борьбы с голодом, датированный 22 сентября 1921 г. [12. Л. 83]. Текст документа напечатан на бумаге низкого качества и также подписан красными чернилами. Вот что вновь назначенный сотрудник сообщает московскому руководству: «Прибыв в Самарский Губсобез 2/ IX-с/г я не имела возможности тотчас же приступить к работе, в виду того, что заведующий Губсобезом был командирован Партией в Уезд по очистке партии – 8/IX – был уездный съезд и из докладов зав Усобезов (*уездных отделов социального обеспечения – О.К.*) выяснилось, что почти везде организованы Комитеты взаимопомощи, но к большой работе они не могут приступить *за неимением как денежных, так и канцелярских ресурсов, а главное в некоторых*

уездах мешают работе частые набеги банд. По приезде Зав. Губсобезом было заседание Коллегии, на котором я была назначена Зав П/отделом пенсий и пособий и членом Коллегии. 10/IX я приняла подотдел» [12. Л. 83]. Осень 1921 г. это практически пик поволжского голода, в этом же году в Самарской губернии отметились банды Серова, Пятакова, Вакулина и т. д.

Итак, часть мероприятий по борьбе с голодом проводилась через систему социального обеспечения, в том числе комитеты взаимопомощи организовывались при уездных отделах. Интересно, что прибывшей для борьбы с голодом А. Сарфинович была поручена работа непосредственно с получателями пенсий и пособий. Скорее всего, пенсионеры, т. е. по определению нетрудоспособные люди, действительно требовали особого внимания. Несмотря на тяжелые обстоятельства, она сразу приступила к делу: приняла подотдел (в структуре губернских и уездных отделов социального обеспечения в начале 1920-х гг. создавались пять подотделов: управления делами, организационный, материально-финансовый, учреждений социального обеспечения, пенсий и пособий [18. Л.25]), провела его реорганизацию, начала пересматривать назначенные пенсионные дела, обещая при этом приложить все свои силы и знания для того, чтобы поставить работу на должную высоту. О каких-либо результатах работы нового руководителя пенсионного подотдела в докладе не сообщается, однако сегодня трудно представить перерыв в работе социальных учреждений по причине голода или бандитского нападения. Этот небольшой документ свидетельствует не только о катастрофически недостаточном финансировании деятельности органов собеса, не позволяющем в принципе проводить определенные социальные мероприятия, но и о повседневном мужестве их сотрудников.

Таким образом, отсутствие у государства средств как на выплату пенсий и пособий, так и на содержание аппарата социального обеспечения, а в некоторых случаях и наличие опасности для жизни работников, в начале 1920-х гг. поставили под угрозу сам факт существования в РСФСР института социального обеспечения. Однако завершение Гражданской войны, последовательное проведение новой экономической политики и, что нельзя сбрасывать со счетов, политическая воля В.И. Ленина, позволили Советскому государству этот институт сохранить. Несмотря на ужасающую картину разрухи 1921 г., именно в этом году декретами об электрификации [19], о новых денежных знаках [20], о замене продразверстки продналогом [21] и т. д., были заложены основы будущего выхода из народно-хозяйственного кризиса. В этом же году были приняты нормативные документы, обновившие систему собеса [22–23], которые позволили

в будущем предоставлять нетрудоспособным советским гражданам более реальное материальное обеспечение.

Список литературы

1. Положение о социальном обеспечении трудящихся: декрет СНК РСФСР от 31 октября 1918 // СУ РСФСР. – 1918. – № 89. – Ст. 906.
2. О пенсионном обеспечении солдат Рабоче-Крестьянской Красной Армии и их семейств: декрет СНК РСФСР от 7 авг. 1918 // СУ РСФСР. – 1918. – № 58. – Ст. 637.
3. О распространении действия декретов о пенсионном обеспечении красноармейцев и их семейств на некоторые категории военнослужащих: декрет СНК РСФСР от 21 янв. 1919 // СУ РСФСР. – 1919. – № 2. – Ст. 20.
4. О переименовании Народного Комиссариата Государственного Призрения в Народный комиссариат Социального Обеспечения: постановление СНК РСФСР от 30 апр. 1918 // СУ РСФСР. – 1918. – № 34. – Ст. 453.
5. Наговицын И. Социальное обеспечение в РСФСР // Известия. – 1928. – 31 марта.
6. Вишневецкий А. Развитие советского законодательства о социальном страховании // Лушникова М.В., Лушников А.М. Курс права социального обеспечения. – М.: Юстицинформ, 2009. – 656 с.
7. Сивакова И.В. Пенсионное законодательство России в советский период (октябрь 1917 г. – 1928 г.): моногр. – М.: Проспект, 2015. – URL: <http://biznes-knigi.com/avtor-irina-sivakova/6562-pensionnoe-zakonodatelstvo-rossii-v-sovetskiy-period-oktyabr-1917-g-1928-g-monografiya-irina-sivakova/read/page-1.html> (дата обращения: 14.08.2018).
8. Лебина Н.Б., Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Забота и контроль: социальная политика в советской действительности, 1917–1930-е годы // Сов. социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность / под ред. П. Романова и Е. Ярской-Смирновой. – М.: ООО Вариант, 2007. – С. 21–68.
9. Братановская М.С. Правовая организация управления социальным обеспечением в СССР в довоенный период (1918–1941 гг.) // История гос-ва и права. – 2010. – № 19. – С. 5–9.
10. Игольникова В.А. Реализация элементов социального государства в Советской России (1917–1920 гг.) // История гос-ва и права. – 2011. – № 6. – С. 166–173 // СПС КонсультантПлюс.
11. Калинин М.И. К сессии ВЦИК // Социальное обеспечение. – 1958. – № 10. – С. 13–14.
12. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 413-А. Оп. 2. Д. 1000.
13. О пенсиях лицам, имеющим особые заслуги перед рабоче-крестьянской революцией: декрет СНК РСФСР от 16 июля 1920 // СУ РСФСР. – 1920. – N 66. – Ст. 300.
14. Об усиленных пенсиях: Декрет СНК РСФСР от 5 декабря 1921 // СУ РСФСР. – 1921. – № 80. – С. 697.
15. О персональных пенсиях лицам, имеющим исключительные заслуги перед республикой: декрет СНК РСФСР от 16 февраля 1923 г. // СУ РСФСР. – 1923. – № 15. – С. 198.
16. Готье Ю.В. Мои заметки. – М. Терра, 1997. – 592 с.
17. Струмилин С.Г. Динамика цен за 1918–1922 гг. // Статистико-экономические очерки. – М.: Гос. статист. изд-во, 1958. – 728 с.
18. ГАРФ. Ф. 413А. Оп. 2. Д. 1318.

19. Об электрификации: декрет СНК РСФСР от 21 дек. 1921 г. – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1279.htm (дата обращения: 26.08.2018).
20. О денежных знаках образца 1922 года: декрет СНК РСФСР от 3 нояб. 1921 // СУ РСФСР. – 1921. – № 77. – Ст. 643.
21. О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом: Декрет ВЦИК от 21 марта 1921 // СУ РСФСР. – 1921. – № 26. – Ст. 147.
22. О социальном страховании лиц, занятых наемным трудом: декрет СНК СССР от 15 нояб. 1921 // СУ РСФСР. – 1921. – № 76. – С. 627.
23. Об обеспечении семей лиц, призванных в ряды Красной Армии и Флота: декрет СНК РСФСР от 9 дек. 1921 // СУ РСФСР. – 1921. – № 79. – Ст. 680.

References

1. *Polozhenie o sotsial'nom obespechenii trudyashchikhsya: Dekret SNK RSFSR ot 31 oktyabrya 1918* [The regulation on social security of workers: Decree of the SNK RSFSR from October 31, 1918] // SU RSFSR. – 1918. – N 89. – St. 906.
2. *O pensionnom obespechenii soldat Raboche-Krest'yanskoi Krasnoi Armii i ikh semeistv: Dekret SNK RSFSR ot 7 avgusta 1918* [About pension provision of soldiers of the Worker-Peasant red Army and their families: the decree of SNK of RSFSR of August 7, 1918] // SU RSFSR. – 1918. – N 58. – St. 637.
3. *O rasprostraneni deistviya dekretov o pensionnom obespechenii krasnoarmeitsev i ikh semeistv na nekotorye kategorii voennosluzhashchikh: Dekret SNK RSFSR ot 21 yanvarya 1919* [About distribution of action of decrees on pension provision of red army men and their families on some categories of the military personnel: the decree of SNK of RSFSR of January 21, 1919] // SU RSFSR. – 1919. – N 2. – St. 20.
4. *O pereimenovanii Narodnogo Komissariata Gosudarstvennogo Prizreniya v Narodnyi komissariat Sotsial'nogo Obespecheniya: Postanovlenie SNK RSFSR ot 30 aprelya 1918* [About renaming of the People's Commissariat Of the state Charity in people's Commissariat of Social Security: the resolution of SNK of RSFSR of April 30, 1918] // SU RSFSR. – 1918. – N 34. – St. 453.
5. *Nagovitsyn I. Sotsial'noe obespechenie v RSFSR* [Social security in the Russian Federation] // *Izvestiya* [Proceedings]. – 1928. – 31 marta.
6. *Vishnevetskii A. Razvitie sovetskogo zakonodatel'stva o sotsial'nom strakhovanii* [Development of Soviet legislation on social insurance] // *Lushnikova M.V., Lushnikov A.M. Kurs prava sotsial'nogo obespecheniya* [Course of social security law]. – M.: Yustitsinform, 2009. – 656 s.
7. *Sivakova I.V. Pensionnoe zakonodatel'stvo Rossii v sovetskii period (oktyabr' 1917g. – 1928g.). Monografiya* [Pension legislation of Russia in the Soviet period (October 1917–1928). Monograph] – M. Prospekt, 2015 // URL: <http://biznes-knigi.com/avtor-irina-sivakova/6562-pensionnoe-zakonodatelstvo-rossii-v-sovetskiy-period-oktyabr-1917-g-1928-g-monografiya-irina-sivakova/read/page-1.html> (data obrashcheniya 14.08.2018).
8. *Lebina N.B., Romanov P.V., Yarskaya-Smirnova E.R. Zabota i kontrol': sotsial'naya politika v sovetskoi deistvitel'nosti, 1917–1930-e gody* [Care and control: social policy in the Soviet reality, 1917–1930-ies] // *Sovetskaya sotsial'naya politika 1920-1930-kh godov: ideologiya i povsednevnost'* [Soviet social policy 1920–1930-ies: ideology and everyday life] / pod red. P. Romanova i E. Yarskoi-Smirnovoi. – M.: OOO Variant, 2007. – S. 21–68.
9. *Bratanovskaya M.S. Pravovaya organizatsiya upravleniya sotsial'nym obespecheniem v SSSR v dovoennyi period (1918–1941 gg.)* [Legal organization of

social security management in the USSR in the pre-war period (1918–1941)] // *Istoriya gosudarstva i prava* [History of state and law]. – 2010. – № 19. – S. 5–9.

10. *Igol'nikova V.A. Realizatsiya elementov sotsial'nogo gosudarstva v Sovetskoj Rossii (1917–1920 gg.)* [Implementation of social state elements in Soviet Russia (1917–1920)] // *Istoriya gosudarstva i prava* [History of state and law]. – 2011. – № 6. – S. 166–173 // SPS Konsul'tantPlyus.

11. *Kalinin M.I. K sessii VTsIK* [By the session of the CEC] // *Sotsial'noe obespechenie* [Social security]. – 1958. – №10. – S. 13–14.

12. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* [State archive of the Russian Federation] (GARF). – F. 413-A. Op. 2. D. 1000.

13. *O pensiyakh litsam, imeyushchim osobyje zaslugi pered rabochee-krest'yanskoj revolyutsiei: Dekret SNK RSFSR ot 16 iyulya 1920* [On pensions of persons who have special merits before the worker-peasant revolution: the Decree of SNK of the RSFSR of July 16, 1920] // SU RSFSR. – 1920. – N 66. – St. 300.

14. *Ob usilennykh pensiyakh: Dekret SNK RSFSR ot 5 dekabrya 1921* [About the strengthened pensions: the decree of SNK of RSFSR of December 5, 1921] // SU RSFSR. – 1921. – № 80. – S. 697.

15. *O personal'nykh pensiyakh litsam, imeyushchim isklyuchitel'nye zaslugi pered respublikoi: Dekret SNK RSFSR ot 16 fevralya 1923 g.* [On personal pensions to persons who have provided exceptional services to the Republic: the Decree of SNK of the RSFSR of 16 February 1923] // SU RSFSR. – 1923. – № 15. – S. 198.

16. *Got'e Yu.V. Moizametki* [My note]. – M. Terra, 1997. – 592 s.

17. *Strumilin S.G. Dinamika tsenza 1918–1922gg.* [Dynamics of prices for 1918–1922] // *Statistiko-ekonomicheskie ocherki* [Statistical and economic essays]. – M.: Gosudarstvennoe statisticheskoe izdatel'stvo, 1958. – 728 s.

18. GARF. – F. 413A. Op.2. D. 1318.

19. *Ob elektrifikatsii: dekret SNK RSFSR ot 21 dekabrya 1921 goda* [About electrification: the decree of SNK of RSFSR of December 21, 1921]. – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1279.htm (data obrashcheniya 26.08.2018).

20. *O denezhnykh znakakh obraztsa 1922 goda: Dekret SNK RSFSR ot 3 noyabrya 1921* [About banknotes of the sample of 1922: the decree of SNK of RSFSR of November 3, 1921] // SU RSFSR. – 1921. – № 77. – St. 643.

21. *O zamene prodovol'stvennoi i syr'evoi razverstki na tural'nykh nalogom: Dekret VTsIKot 21 marta 1921* [The replacement of the food and commodity surplus natural tax: Decree of the Central Executive Committee of March 21, 1921] // SU RSFSR. – 1921. – № 26. – St. 147.

22. *O sotsial'nom strakhovanii lits, zanyatykh naemnym trudom: Dekret SNK SSSR ot 15 noyabrya 1921* [About social insurance of the persons engaged in hired work: the Decree of SNK of the USSR of November 15, 1921] // SU RSFSR – 1921. – № 76. – S. 627.

23. *Ob obespechenii semei lits, prizvannykh v ryady Krasnoi Armii i Flota: Dekret SNK RSFSR ot 9 dekabrya 1921* [About providing families of the persons called in ranks of red Army And Fleet: the decree of SNK of RSFSR of December 9, 1921] // SU RSFSR. – 1921. – N 79. – St. 680.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

УДК 94(47)"19":636.1

ГРНТИ 03.23: История России

Д.А. Мельникова

Общества поощрения коневодства Российской империи во второй четверти XIX – начале XX в.

В статье на основе комплекса архивных, законодательных, делопроизводственных и публицистических источников анализируется положение обществ поощрения частного коннозаводства Российской империи. Рассматриваются этапы развития данных обществ. Выделены основные типы коннозаводских обществ – скаковые и рысистые. Приводится статистика обществ поощрения скакового и рысистого коннозаводства России во второй половине XIX – начале XX в. На основе главных документов каждого общества – уставов – проанализировано внутреннее устройство данного типа организаций. Рассматриваются особенности развития и организации Московского скакового общества и Санкт-Петербургского общества поощрения рысистого коннозаводства. Выделяются особенности проведения испытаний в каждом типе обществ. На примере Московского общества рассматриваются вопросы вознаграждений по результатам скаковых испытаний.

Ключевые слова: коневодство, Управление государственного коннозаводства, общества, Российская империя, рысистое коннозаводство, лошади, скачки, конные соревнования.

D.A. Melnikova

Societies for the promotion of horse breeding in the Russian Empire in the second quarter of the XIX – beginning of the XX century

The article on the base of archival, legislative, clerical and publicist sources analyses the position of societies of promotion of private horse-breeding in the Russian Empire. The stages of development of these societies are considered. In the article the author highlights main types of these societies – race and trotting, exemplifies statistics in the second half of XIX – beginning of XX century. The analysis of internal structure of this type of organization is based on the main document of each society – the charter. The author examines the peculiarities of the development and organization of Moscow racing Society and St. Petersburg Society for the Encouragement of the Trotting Horse Breeding. In every type of these societies the author notes features of carrying out of equestrian competitions. On the example of the Moscow society, questions of reward for the results of race tests are considered.

© Мельникова Д.А., 2018

© Melnikova D.A., 2016

Key words: horse breeding, the Department of state horse breeding, societies, the Russian Empire, trotting horse breeding, horses, races, equestrian competitions.

К середине XIX в. коневодство Российской империи подразделялось на несколько направлений. Одним из них являлось коннозаводство, функцией которого было разведение породистых лошадей для различных целей: сельского хозяйства, транспортной системы, промышленности, армии и спорта. Коннозаводство Российской империи включало в себя государственное и частное. Первое из них сосредоточивалось в коннозаводских учреждениях Управления государственного коннозаводства, главными из которых были заводы и конюшни. В свою очередь, частное коннозаводство находилось в руках лиц самых разных сословий – дворян, крестьян, казаков. Данное направление коннозаводства существовало в двух формах: культурной и табунной.

Для поддержания всех вышеперечисленных типов коневодства проводились различные мероприятия, инициаторами и организаторами которых были органы центрального управления, например, Министерство государственных имуществ, Ветеринарный департамент МВД, а также Управление государственного коннозаводства, одним из направлений деятельности которого было создание обществ по улучшению частного коннозаводства.

Первые работы по истории обществ поощрения коннозаводства в Российской империи стали появляться в XIX в. К ним мы можем отнести очерки Л.А. Велихова [1] по истории Санкт-Петербургского общества поощрения рысистого коннозаводства и И.М. Каминьского по истории деятельности скакового общества в Царстве Польском [2]. Отдельные аспекты деятельности обществ рассматривались в работах П.Н. Лодыгина [3], М.М. Чичагова [4], В.М. Трилицкого [5], А.Ю. Леша [6]. В советский период история коннозаводских обществ затрагивалась в работе Е.В. Кожевникова и Д.Я. Гуревича как важный элемент системы конских испытаний в Российской империи [7]. На современном этапе интерес к истории данных организаций проявился в региональных и общих исследованиях М.А. Смирнова [8], Е.Н. Самойловой [9], А.А. Шахова [10], А.В. Ильиной [11], А.Ю. Сорочинской [12]. Несмотря на многочисленность работ, внимание авторов было обращено к истории отдельных коннозаводских обществ или аспектов их деятельности при организации испытаний лошадей. Цель нашего исследования – проанализировать особенности работы коннозаводских обществ на основе комплекса источников.

Первые коннозаводские общества были основаны в 1820-е гг. в Лебедяни, Екатеринославле, Кишиневе, Симферополе и Херсоне [13, с. XXI]. В 1833 г. было учреждено скаковое общество в Москве [14. Л. 59], а в 1834 г. там же было создано общество поощрения

рысистого коннозаводства [14. Л. 58]. Первое время количество обществ было незначительным, так как занятие коннозаводским делом требовало больших затрат. Поэтому частные коннозаводчики нуждались «в известной поддержке и поощрении для себя при занятии этим делом» [15, с. 23]. Ежегодно Управление государственного коннозаводства стало выделять из коннозаводских доходов суммы на призы обществ поощрения коннозаводства, подробнее о которых будет сказано ниже. Например, в 1853 г. из доходов Управления было выделено 26 360 р.¹ С этой целью было составлено «расписание», в котором указывались суммы призов по каждому направлению испытаний (табл. 1). Такое расписание ежегодно готовилось Управлением государственного коннозаводства до конца его существования.

Таблица 1

Расписание призов для рысистых и скаковых испытаний лошадей в России в 1853 г. [16. Л. 12]

Рысистые испытания	
Санкт-Петербург	2200 руб.
Царское Село	2900 руб.
Москва	2200 руб.
Тула, Тамбов, Козлов, Воронеж	2000 руб.
Полтава, Рязань, Орел	750 руб.
Харьков	300 руб.
Лебединь	260 руб.
Скаковые испытания	
Царское Село	6000 руб.
Москва	4000 руб.
Тула	2800 руб.
Лебединь	1400 руб.
Екатеринославль	1000 руб.
Полтава	250 руб.
Урюпинская станица	300 руб.

Несмотря на мероприятия управления, образование новых обществ происходило нерегулярно. После реформы отмены крепостного права сократилось количество частных заводов, и угас интерес коннозаводчиков к проведению конских испытаний. Все это отразилось на обществах поощрения коннозаводства. Однако во второй половине 1870-х гг. ситуация улучшилась. По данным 1875 г. скаковые общества были учреждены в Царском Селе, Москве, Вильно, Варшаве, Киеве, Полтаве, Гжатске и на Дону [17, с. 23–26]. Рыси-

¹ Подсчитано автором по: РГИА. Ф. 412. Оп. 10. Д. 40. Л. 11

стые общества функционировали в Санкт-Петербурге, Москве, Козлове, Моршанске, Тамбове, Воронеже, Симбирске, Ельце, Смоленске, Казани, Саратове, Орле, Пензе и Рыбинске [17, с. 26–32]. На протяжении 1830–1907 гг. на территории России было открыто около 70 различных обществ (табл. 2).

Таблица 2

Общества, открытые на территории Российской империи с 1830 по 1907 гг. [14. Л. 58–59 об.]

Общество	Год создания
<i>Императорские Общества поощрения рысистого коннозаводства</i>	
Московское общество поощрения рысистого коннозаводства	1834
Санкт-Петербургское Общество поощрения рысистого коннозаводства	1859
<i>Провинциальные общества поощрения рысистого коннозаводства</i>	
Елецкое	1854
Моршанское	1865
Нижегородское	1873
Ярославское	1882
Муромское	1884
Хреновское	1885
Воронежское	1886
Рижское	1887
Симбирское	1889
Витебское, Ростово-Нахичевское, Самарское	1890
Пензенское	1895
Харьковское	1896
Калужское	1897
Владимирское, Прилуцкое	1900
Задонское	1901
Лукинское им. графа Орлова-Чесменского	1902
Чистопольское, Юго-Западное	1903
Бийское, Карачевское, Новгородское, Орловское зимнее	1904
Таганрогское	1905
Мценское	1906
Воткинское, Вятское, Елатомское, Новочеркасское	1907
<i>Императорские скаковые общества</i>	
Императорское Московское скаковое общество	1833
Императорское скаковое Общество в Царстве Польском	1841
Императорское Царскосельское поощрительное скаковое общество	1866

Продолжение табл. 2

Провинциальные скаковые общества	
Донское	1844
Виленское	1857
Таврическое	1881
Петроковское, Пятигорское	1885
Тифлисское, Уральское, Ярмольницкое	1886
Владикавказское, Киевское	1889
Моздокское	1891
Кубанское, Рижское, Ростово-Нахичевское	1893
Самаркандское	1894
Радомское, Харьковское	1895
Люблинское, Самарское	1897
В станице Великокняжеской	1899
Двинское, Закаспийское	1902
Одесское	1903
Кабардинское, Кутаисское	1905
Восточной части Задонской степи	1906
Проскуровское	1907
Ферганское	1908
Общества поощрения коннозаводства	
Тамбовское	1836
Тульское	1839
Смоленское	1858
Казанское	1867
Орловское, Рязанское	1872
Курское	1873
Борисоглебское	1875
Ефремовское	1876
Томское	1879
Оренбургско-Тургайское, Щигровское	1881
Новосильское	1884
Екатеринбургское, Тверское	1886
Омское	1887
Новороссийское, Уфимское	1889
Астраханское, Сарапульское,	1890
Рузское, Саратовское	1893
Тюменское	1894
Волоколамское, Самипалатинское	1896
Барнаульское, Каменецкое	1898
Иркутское, Ливенское,	1899
Московский кружок любителей орловского рысака	1900
Волынское, Кшенское, Троицкое	1901
Пермское, Приморское	1902
Ново-Николаевское	1903
Амурское	1905
Читинское	1907

Каждому обществу присваивались самые различные наименования. С 1904 г. «в видах единообразия» было признано необходимым всем беговым обществам присваивать название «общества поощрения рысистого коннозаводства», скаковым обществам – «поощрительные скаковые общества», а обществам, которые устраивали у себя и бега и скачки – «общества поощрения коннозаводства» [18, с. 36–37]. Обществам, имеющим специальные цели, были оставлены прежние названия, например, Ретовскому обществу поощрения к разведению лошадей жмудской породы и Витебскому обществу распространения и улучшения коневодства [19, с. 182, 184].

К 1911 г. в России существовало 40 обществ рысистого коннозаводства, 45 обществ поощрения коннозаводства и 35 скаковых обществ¹. Также к ним относились: Московский кружок любителей орловского рысака, Россиенское общество поощрения к разведению лошадей упряжного сорта, Ретовское общество поощрения к разведению лошадей жмудской породы, Кружок Императорского Царско-сельского скакового Общества для развития скачек ездоков – охотников [20, с. 71–72, 96].

Создание данных обществ проходило с учетом уровня развития частного коннозаводства в регионах. В первую очередь общества учреждались в тех губерниях, где было зарегистрировано достаточное количество лошадей той или иной породы в частных конных заводах для того, чтобы было возможно проводить конные испытания, которые являлись основным стимулом к улучшению коннозаводства со стороны обществ как для частных, так и для общегосударственных нужд.

Скаковые общества стали первыми появляться на территории Российской империи. Как и другие общества они состояли в ведомстве Главного управления государственного коннозаводства [21, с. 6]. Создание данных организаций проводилось с целью развития кровного коннозаводства путем улучшения конских пород. Под понятием «скаковая лошадь» подразумевалась лошадь, выведенная в Англии в XVIII в. специально для скачек.

Первые английские скаковые лошади были привезены в Россию англичанином Романом Смитом для графа А.Г. Орлова-Чесменского в 1785 г. [21, с. 5]. Граф регулярно выписывал лошадей английской и арабской пород для испытания их силы и способностей [21, с. 6]. В 1780-х гг. в Москве состоялись первые скаковые испытания лошадей А.Г. Орлова-Чесменского и хана Сагин-Гирея. Таким образом, было положено начало скаковым испытаниям лошадей в России. В

¹ Подсчитано автором по: Памятная книжка по Главному управлению государственного коннозаводства на 1911 год. СПб., 1911. С. 46–96.

последнюю четверть XVIII в. скачки проводились регулярно «до самой кончины графа, последовавшей в 1808 г.» [21, с. 7]. «На Донском поле, близь его дома, был устроен ипподром с двухверстным кругом». Как правило, лошади скакали по три круга. Такие испытания организовывались в мае и июне каждый четверг [21, с. 7].

«На эти скачки выезжал обыкновенно граф А.Г. вместе со своею дочерью на четырехколесной золоченой колеснице, запряженной четверней в ряд гнедых или серых коней, которыми правил сам, пуская лошадь в скач; и на самом быстром скаку, мгновенно легким движением руки, останавливая их, он снова пускал тем же аллюром, – так искусно были приезжаны эти лошади» [21, с. 7–8]. После скачек граф выезжал на округ и проскакивал его два раза, а затем направлялся к своему дому. «За ним следовало все московское общество, доканчивать вечер у богатого и ласкового вельможи, как его называли москвичи» [21, с. 8].

Продолжателями дела графа стали П.С. Муравьев, граф Разумовский, Д.М. Полторацкий, Н.Д. Домогацкий, братья Н.С. и П.С. Мосоловы, Н.А. Лунин, П.Н. Мяснов. Благодаря их усилиям в Российской империи были заложены основы скакового дела, без которых было затруднительным создание скаковых обществ.

В Российской империи деятельность скаковых обществ регламентировалась уставами, которые были индивидуальны для каждой организации. Скаковые конные испытания при каждом обществе проводились по одному алгоритму. Вопросы вознаграждения и призов устанавливались в каждом обществе индивидуально, о чем будет сказано позже. Для проведения скачек было обязательно наличие скакового круга. Каждое общество выбирало место для его организации и в дальнейшем круг становился собственностью общества. По правилам скаковых испытаний обязательно учитывался возраст лошади. Преимущество отдавалось лошадям не моложе 4-х лет, как например, в Московском скаковом обществе. Использование лошадей более раннего возраста не приветствовалось, так как их участие в скаковых испытаниях могло навредить их дальнейшему физическому развитию. Вторым критерием, по которому определяли годных для испытаний лошадей, был вес. Легкое животное быстрее и свободнее преодолевало необходимую дистанцию.

Доходы скаковых обществ состояли из: членских взносов; дохода от продажи входных билетов на трибуны в дни скачек; процентного вычета из суммы разыгрываемых обществами; платы с регистрируемых на скачки лошадей; процентов от денежных капиталов обществ; штрафов [22]. Получаемые доходы могли быть направлены на: назначение призов и выдачу субсидий провинциальным обществам. Ежегодно каждое общество отчисляло в запасной капитал до 20 % дохода [22]. Все расходы общества

производились на основе смет, утверждаемых Главным управлением государственного коннозаводства на каждый год. Не позже первого ноября каждого года общества предоставляли в Управление коннозаводства смету доходов и расходов, отчет о проведенных испытаниях за прошедший год, список членов общества [22].

Итак, как уже было сказано выше, в 1833 г. в Москве было образовано скаковое общество, которое первоначально именовалось, как «Общество Московской конной скаковой охоты» [23, с. 3]. Для руководства им было создано отделение, состоящее из президента и семи членов, одним из которых был казначей [23]. Во главе всех скаковых обществ находился главноуправляющий государственного коннозаводства [22]. Он же являлся президентом для всех императорских обществ, а в остальных данную должность, как правило, занимали местные губернаторы [22].

К концу XIX в. членский состав обществ был расширен. Теперь в него обязательно входили: президент, вице-президент, два старших члена, техническая комиссия, казначей, секретарь, а также почетные и действительные члены, количество которых было не регламентировано [22].

Ежегодно Московское скаковое общество проводило испытания, для которых в марте назначались четыре приза от 1 до 3 тыс. р. Испытания проходили с мая по октябрь. Помимо установления призов, члены общества в марте также определяли даты скачек. Местом проведения скачек был скаковой круг, находящийся между Тверской и Пресненской заставами в Москве [23, с. 5]. Длина круга составляли две версты, а ширина – десять сажен [23, с. 12].

Запись лошадей на скаковые испытания осуществлялась с марта по май каждого года. За каждую лошадь взималась плата 50 р. ассигнациями [23, с. 15]. В случае, если владелец лошади не успел до 26 мая записать ее на скачки, то с владельца взималась плата в сто рублей ассигнациями. Если владелец по какой-либо причине желал поменять лошадь, то плата составляла триста рублей. За лошадь, не принявшую участие в скачках, плата не возвращалась.

Подтверждением участия лошади в скачках было свидетельство, которое выдавалось за несколько дней до начала испытаний. В данном документе указывались: возраст, порода, масть и владелец лошади. Свидетельство давало право хозяину лошади выставить ее на скачки в течение года [23, с. 17].

В уставе общества прописывались правила скаковых испытаний, в соответствии с которыми определялось, какая лошадь может быть признана скаковой. По правилам для освидетельствования лошади в первую очередь принимались аттестаты, заводские книги и скаковые календари, в которых имелись сведения о лошади. Объ-

зательно учитывались «зубные знаки», так как именно по зубам было возможно определить возраст животного [23, с. 18].

Условием участия лошади в испытаниях было ее происхождение. Допускались только русские лошади, которые родились в России и Царстве Польском. С русскими лошадьми к испытаниям допускались лошади из Аравии, Персии и Азии [23, с. 18]. Английские лошади принимали участие только в скачках, призы которых были назначены для них заранее.

На протяжении второй половины XIX в. правила скаковых испытаний были дополнены. К 1911 г. понятие «русская лошадь» включало не только животных, рожденных на территории Российской империи, но и приплод, родившийся за границей от русских кобыл, перевезённых туда. Однако данное условие распространялось только лишь на тех жеребят и кобылок, которые были привезены в Россию в год своего рождения до 31 декабря [19, с. 19]. Также обязательным условием было, если вывоз кобылы за границу был согласован с Управлением государственного коннозаводства заранее. Приплод мог быть признан русским, если матка была куплена за границей, и об этом было извещено управлению. Для участия в скачках владелец лошади был обязан получить удостоверение, в котором указывалось издание Управления государственного коннозаводства, содержащее сведения о данной лошади. При отсутствии такого документа на лошадь заводилось свидетельство с подтверждением ее права на участие в скаковых испытаниях.

В уставе Московского скакового общества от 1863 г. правила скачек были расписаны более подробно [24]. Теперь призы назначались на десять лет по нескольким направлениям с записью накануне скачек и за год до их проведения (табл. 3). Обязательно указывался приз – размер вознаграждения, требования к лошади, в которые входили возраст животного и его вес. Для каждого призового места определялась дистанция.

Таблица 3

*Призы Московского скакового общества по Уставу от 1863 г.
[24, с. 57]*

Приз	Размер вознаграждения	Требования к лошади	Дистанция
С записью накануне скачек			
«в память признательности Светлейшему князю Дмитрию Владимировичу Голицыну»	1000 руб.	Возраст от 4-х лет	5 верст

В честь почетного Члена Общества Д.П. Войекова	800 руб.	Возраст от 4-х лет	3,5 версты
Для жеребцов и кобыл	1000 руб.	Возраст от 3-х лет	2,5 версты
Для лошадей, выставленных на продажу	300 руб.	Без ограничений	2 версты и 100 сажень
Для жеребцов и кобыл	300 руб.	Не моложе 4-х лет	
С записью за год до скачек			
Для кобыл	500 руб.	В возрасте трех лет и рожденных в России	2 версты и 100 сажень
Для жеребцов и кобыл	500 руб.	Без ограничений по возрасту	2 версты и 100 сажень
Для лошадей всех пород и всех стран	1000 руб.		3 версты
Временный приз на 1864 г.	Серебряная вещь в 300 руб.	Для участия было необходимо не менее 4-х лошадей	2 версты и 100 сажень

Помимо призов, установленных обществом, назначались вознаграждения от частных лиц, например И.А. Яковлева – почетного члена Московского общества, в размере 1 500 р. [24]. Также в уставе общества был определен комплексный приз, сумма которого состояла из вознаграждений нескольких лиц.

В целом деятельность скаковых обществ Российской империи была схожа, что объяснялось общими правилами скачек, уставами и общим центральным управлением.

По статистике 1875 г. количество рысистых обществ в России было больше, чем скаковых, что объяснялось широким интересом коннозаводчиков в разведении именно орловских рысаков, которые были признаны «желательным улучшателем массовой крестьянской лошади» [25, с. 224]. Важное значение порода имела для армии в качестве ремонтной лошади [26, с. 70].

Как отмечалось выше, первое рысистое общество было создано в Москве. Позже оно было образовано в Санкт-Петербурге [27. Л. 93 об.]. Важно отметить, что и до появления данного общества, дворяне столицы организовывали конские бега. С появлением новой породы такая форма конских испытаний приняла более правильный характер [1, с. 21].

Рысистые испытания в столице проходили летом и зимой. В теплое время года для их проведения отводилась Конная площадь, а в зимнее – бега проходили на Неве. С 1846 по 1848 гг. зимними бегами в Санкт-Петербурге заведовали многие известные коннозаводчики и чиновники Управления государственного коннозаводства:

А.Н. Арапов, Е.Ф. Мейендорф, И.М. Толстой, А.И. Гендриков [1, с. 22].

В 1848 г. был учрежден особый Комитет рысистых бегов в Санкт-Петербурге, в состав которого также вошли коннозаводчики и чиновники. С присоединением Управления государственного коннозаводства к Министерству государственных имуществ в 1848 г. положение Санкт-Петербургского общества рысистого коннозаводства стало улучшаться, в первую очередь потому, что было увеличено количество разыгрываемых призов на бегах [1, с. 22; 30, с. 171].

С 1846 по 1848 гг. в Петербурге было проведено 44 беговых испытания, в которых приняли участие 86 лошадей [1, с. 23]. Сумма призов составляла 1 420 р. в 1846 г.; 3 523 р. в 1847 г. и 4 369 р. в 1848 г. [1, с. 23]. С 1849 г. призы стали распределяться по родам испытаний. Были выделены испытания вятских и шведских лошадей, троек, а также возовых и поддужных лошадей. В 1846 г. впервые был разыгран приз Управления государственного коннозаводства – серебряное блюдо стоимостью 100 р. [1, с. 23].

В 1856 г. главноуправляющему государственного коннозаводства Р.Е. Гринвальду поступила просьба об открытии Общества «Охотников конского бега» [1, с. 30]. В течение несколько лет велась работа над созданием правил рысистых испытаний, а в 1860 г. они были опубликованы как «Проект устава для рысистых бегов на призы Императорские и Государственного коннозаводства» [1, с. 31]. Одновременно с появлением новых правил было получено «Высочайшее соизволение» на учреждение Санкт-Петербургского общества охотников конского бега. Вице-президентом Общества был избран коннозаводчик и теоретик рысистого дела П.А. Дубовицкий [1, с. 32].

Важно отметить, в течение XIX – начала XX в. правила рысистых испытаний менялись неоднократно путем увеличения требований к лошади, ее владельцу, а также расширению системы призов и испытаний. По новым правилам 1911 г. к рысистым испытаниям не допускались лошади, рождение которых не было зарегистрировано в Управлении государственного коннозаводства [20, с. 20]. Для подтверждения права лошади участвовать в бегах, как и скаковым лошадям, выдавались свидетельства от общества, за которое взималась плата [28]. Полученные данные о лошади фиксировались в специальной книге, где указывались ее возраст, масть, порода, особые приметы.

Назначение призов к 1911 г. в рысистых обществах определялось возрастом лошади. Для животных младшего возраста устанавливалась дистанция не больше версты, для среднего – в полторы, а старшего возраста – в полторы или три версты [28]. Поощрение лошадей осуществлялось путем назначения групповых, именных, уте-

шительных призов. Императорские общества раз в год назначали один императорский приз, но к испытаниям такого рода допускались только породистые орловские рысаки, происхождение которых могло быть доказано на основе заводских и генеалогических книг Управления государственного коннозаводства. Императорский приз лошадь могла выиграть только один раз. Данные лошади в дальнейшем не допускались к участию в испытаниях от Главного управления государственного коннозаводства [28, с. 10].

К началу XX в. в Российской империи рысистые лошади составляли «значительное большинство улучшающего элемента для остальной массы конского населения страны» [29, с. 18]. Положительное влияние орловских рысаков сказалось в годы Первой мировой войне, когда подавляющее большинство использованных лошадей составили особи с примесью крови рысистых производителей [29, с. 18]. Серьезное значение рысаки имели для сельского хозяйства, где с каждым годом требовалось все больше работоспособных лошадей.

При рассмотрении уставов рысистых и скаковых обществ мы можем отметить, что по общим положениям они повторяли друг друга. В первую очередь это касалось вопросов управления, доходов и расходов. Структура правления обществ обоих типов также была идентична. Отличия обществ заключались в форме проводимых испытаний и в назначении призов, которые определялись ежегодно или на определенный срок членами обществ.

В начале 1890-х гг. с целью установления единых правил для скаковых и рысистых обществ Главное управление государственного коннозаводства «признало необходимым создание нормальных уставов» [14. Л. 121]. К 1893 г. уставы были готовы. В этом же году при Главном управлении была создана Главная комиссия по делам скакового спорта, которая являлась высшей инстанцией для разрешения спорных вопросов скакового спорта [14. Л. 123]. В комиссии рассматривались технические вопросы скаковых испытаний и дела о нарушении уставов в различных скаковых обществах. В 1902 г. комиссия была учреждена для рысистого спорта, а в 1911 г. при Главном управлении коннозаводства был создан Комитет по рысистому делу, в котором рассматривались, разъяснялись и дополнялись «Устав обществ поощрения рысистого коннозаводства» и «Правила рысистых испытаний» [14. Л. 126 б]. Тогда же был создан Комитет по скаковому делу. Создание комитетов по конному спорту позволило Управлению государственного коннозаводства упорядочить систему конских испытаний на всей территории России.

Итак, рассмотрев положение обществ поощрения частного коннозаводства России, мы можем сделать вывод, что целью создания данных обществ было улучшение коневодства путем проведения

испытаний на призы в форме скачек для скаковых обществ и бегов для обществ рысистого коннозаводства. Каждое общество подчинялось Управлению государственного коннозаводства, а деятельность регламентировалась уставами, в соответствии с которыми определялась структура обществ, их внутреннее устройство и правила проведения испытаний.

Список литературы

1. Велихов Л.А. Исторический очерк Императорского Санкт-Петербургского общества поощрения рысистого коннозаводства, 1861–1911. – СПб.: Т-во Р. Галике и А. Вильберг, 1914. – [2], 239, [143] с.
2. Каминьский И.М. Краткий очерк пятидесятилетней деятельности скакового общества в Царстве Польском 1841–1891. – Варшава: тип. А. Паевского, 1892. – 16 с.
3. Лодыгин П.Н. Очерк деятельности Главного управления государственного коннозаводства за последние 25 лет. (1881–1906 гг.) / сост. кор. Гл. упр. П.Н. Лодыгин. – СПб.: Тип. Ю.Я. Римана, 1908. – [4], 107 с.
4. Чичагов М.М. Чистокровная английская лошадь, ее происхождение и распространение, знаменитые ее представители и современное ее значение: Сост. по англ. и фр. источникам. – СПб.: Тип.-лит. Ю.Я. Римана, 1900. – 371 с.
5. Трилицкий В.М. Коннозаводство: Ремонтирование. Тотализатор. – СПб.: Т-во Зибер и К, 1913. – 80 с.
6. Леш А.Ю. О русских рысаках. – СПб.: Тип.-лит. Ю.Я. Римана, ценз. 1896. – 14 с.
7. Кожевников Е.В., Гуревич Д.Я. Отечественное коневодство: история, современность, проблемы. – М.: Агропромиздат, 1990. – 219, [1] с.
8. Смирнов М.А. Конные состязания-испытания в Вятской губернии в XIX–начале XX вв. // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – С. 528.
9. Самойлова Е.Н. Щигровское общество конского бега // События и люди в документах Курских архивов. Вып. 8. – 2010. – С. 110–112.
10. Шахов А.А. Развитие конного спорта в Елецком уезде (середина XIX – начало XX вв.) // Ученые записки Университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2014. – С. 226–229.
11. Ильина А. В. Конный спорт в России в конце XIX – начале XX в. // Модернизация в России: История, политика, образование. – 2014. – С. 141–146.
12. Сорочинская А.Ю. Лошадиные скачки в Череповце в первой трети XX в. // Милютинские чт. Социально-экономическое и культурное развитие России во второй половине XIX – начале XXI века, 2016. – С. 71–75.
13. Дубенский Д.Н. Коневые средства Европейской России: (Обследование соврем. состояния коннозаводства и коневодства губерний Европ. России с ист. очерком). – СПб.: Гл. штаб, 1903. – [6], LXIV, 420 с.
14. Российский Государственный исторический архив (РГИА). Ф. 412. Оп. 11. Д. 471.
15. О значении чистокровной английской лошади для государственного коннозаводства и для улучшения местных пород: Докл. Моск. скакового об-ва / Всерос. съезд коннозаводчиков 1910 г. в Москве. Отд. верховой. – М., 1910. – 29 с.
16. РГИА. Ф. 412. Оп. 10. Д. 40.
17. Памятная книжка по Главному управлению государственного коннозаводства на 1875 год – СПб., 1875. – 103 с.

18. Отчет по Главному управлению государственного коннозаводства за 1903 г. – СПб.: [б.и.], 1904. – 115 с.
19. Памятная книжка по Главному управлению государственного коннозаводства на 1891 год. – СПб., 1891. – 187 с.
20. Памятная книжка по Главному управлению государственного коннозаводства на 1911 год. – СПб., 1911. – 505 с.
21. Материалы для истории русского скакового коннозаводства // Журн. коннозаводства. – 1866. – № 4. – С. 5–12.
22. Нормальный устав скаковых обществ: *Normalna ustaw atowarzystw wyścigowych*: утвержден 12 сентября 1893 года. – Warszawa: W. druk. Noskowskiego, 1894. – [2], 201 с.
23. Устав Отделения Общества Московской конной скаковой охоты. – М.: [б.и.], 1832. – 32 с.
24. Устав Императорского Московского скакового общества: с 1863 года на четвертое десятилетие. – М.: Универ. тип., 1863. – 57 с.
25. Придорогин М.И. Конские породы. – М.: URSS Либроком, 2011. – 238, [2] с.
26. Значение ипподромных состязаний для коннозаводства России. – 2-е изд. – М.: URSS Либроком, 2011. – 150, [2] с.
27. РГИА. Ф. 412. Оп. 10. Д. 46.
28. Устав обществ поощрения рысистого коннозаводства. – СПб.: Тип.-лит. Ю.Я. Римана, 1911. – 87, 55 с.
29. Беговые и скаковые испытания в связи с вопросом о тотализаторе. – Пг.: Тип. Брокгауз-Ефрон, 1916. – 61 с.

References

1. *Velikhov L.A. Istoricheskiy ocherk Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo obshchestva pooshchreniya rysistogo konnozavodstva, 1861–1911* [Historical essay of Imperial Saint-Petersburg society of promotion trotting horse breeding, 1861–1911] – Sankt-Peterburg: Publ. T-vo R. Galikei A. Vil'berg, 1914. – [2], 239, [143] p.
2. *Kamin'skij I.M. Kratkij ocherk pyatidesyateletnej deyatel'nosti skakovogo obshchestva v TSarstve Pol'skom 1841–1891* [A short sketch of the fifty-year activity of a race society in the Kingdom of Poland 1841–1891] – Varshava: Publ. A. Paevskogo, 1892. – 16 p.
3. *Lodygin P.N. Ocherk deyatel'nosti Glavnogo upravleniya gosudarstvennogo konnozavodstva za poslednie 25 let. (1881–1906 gg.)* [Essay on the activity of the Main Administration of State Breeding for the last 25 years.] / Sost. kor. Gl. upr. P.N. Lodygin. – Sankt-Peterburg: Publ. YU.YA. Rimana, 1908. – [4], 107 p.
4. *Chichagov M.M. Chistokrovnaya anglijskaya loshad', ee proiskhozhdenie i rasprostranenie, znamenitye ee predstaviteli i sovremennoe ee znachenie* [Thoroughbred English horse, its origin and distribution, its famous representatives and its modern significance]: Sost. po angl. i fr. istochnikam. – Sankt-Peterburg: Publ. YU.YA. Rimana, 1900. – 371 p.
5. *Trilitskij V.M. Konnozavodstvo: Remontirovanie. Totalizator* [Breeding: Repair. Tote]. – Sankt-Peterburg: Publ. T-vo Ziberi K, 1913. – 80 p.
6. *Lesh A.Y. O russkikh rysakakh* [About Russian trotters]. – Sankt-Peterburg: tipo-lit. YU.YA. Rimana, tsenz. 1896. – 14 p.
7. *Kozhevnikov E.V., Gurevich D.YA. Otechestvennoe konevodstvo: istoriya, sovremennost', problem* [Domestic horse breeding: history, modernity, problems] – М.: Publ. Agropromizdat, 1990. – 219, [1] p.

8. Smirnov M.A. *Konnye sostyazaniya – ispytaniya v Vyatskoj gubernii v XIX – nachale XX vv.* [Equestrian competitions in the Vyatka province in the twentieth and early twentieth centuries] // *Sovremennye problem nauki i obrazovaniya.* – 2013. – P. 528.
9. Samojlova E.N. *Shigrovskoe obshchestvo konskogobega* [Shchigrovskoye Society of Horse Running] // *Sobytiyailyudi v dokumentakh Kurskikh arkhivov.* Vyp. 8. – 2010. – Pp. 110–112.
10. Shakhov A.A. *Razvitie konnogosporta v Eletskom uezde (seredina XIX – nachalo XX vv.)* [The development of equestrian sport in Yelets county (mid-20th – early 20th centuries)] // *UchenyeyapiskiUniversitetaim. P.F. Lesgafta.* – 2014. – Pp. 226–229.
11. Il'ina A. V. *Konnyj sport v Rossii v kontse XIX – nachale XX vv.* [Equestrian sport in Russia in the late twentieth and early twentieth centuries] // *Modernizatsiya v Rossii: Istoriya, politika, obrazovanie.* – 2014. – Pp. 141–146.
12. Sorochinskaya A.YU. *Loshadinye skachki v Cherepovtse v pervoj treti XX v.* [Horse racing in Cherepovets in the first third of the twentieth century] // *Milyutinskie chteniya. sotsial'no-ehkonomicheskoe I kul'turnoe razvitie Rossii vo vtoroj polovine XIX –nachale XXI veka.* – 2016. – Pp. 71–75.
13. Dubenskii D.N. *Konevyesredstva Evropeiskoi Rossii: (Obsledovanie sovrem. sostoyaniya konnozavodstva I konevodstva gubernii Evrop. Rossii s ist. ocherkom)* [The horse resources of European Russia: survey of modern state of horse breeding and horse-breeding of gubernias European Russia with historical essay]. – Sankt-Peterburg: Publ. Main Headquarters, 1903. – [6], LXIV, 420 p.
14. *Russian state historical arhiv* (RGIA). F. 412. Op. 11. D. 471
15. *O znachenii chistokrovnoj anglijskoj loshadi dlya gosudarstvennogo konnozavodstva I dlya uluchsheniya mestnykh porod: Dokl. Mosk. Skakovogo ob-va* [On the importance of a thoroughbred English horse for state-owned horse breeding and for improving local breeds: Dokl. Moscow. racing society] / *Vseros. sezdkonnozavodchikov 1910 g. v Moskve. Otd. verkhovoj.* – Moskva, 1910. – 29 p.
16. RGIA. F. 412. Op. 10. D. 40
17. *Pamyatnaya knizhka po Glavnomu upravleniyu gosudarstvennogo konnozavodstvana 1875 god* [Memorable book on the Main Administration of the State horse breeding for 1875.]. – SPb., 1875. – 103 p.
18. *Otchet po Glavnomu upravleniyu gosudarstvennogo konnozavodstva za 1903 g.* [The report of the Department of state horse breeding for 1903] – Sankt-Peterburg: [b.i.], 1904. – 115 p.
19. *Pamyatnaya knizhka po Glavnomu upravleniyu gosudarstvennogo konnozavodstva na 1891 god* [Memorable book on the Main Administration of the State Breeding for 1891] – Sankt-Peterburg, 1891. – 187 p.
20. *Pamyatnaya knizhka po Glavnomu upravleniyu gosudarstvennogo konnozavodstva na 1911 god* [Memorable book on the Main Administration of the State Breeding for 1911] – Sankt-Peterburg, 1911. – 505 p.
21. *Materialy dlya istorii russkogo skakovogo konnozavodstva* [Materials for the history of Russian race horse breeding] // *Zhurnal konnozavodstva.* 1866. № 4. Pp. 5–12.
22. *Normal'nyi ustav skakovykh obshchestv* [Normal standing order of race societies]: *Normalna ustaw atowarzystwwyścigowych: utverzhden 12 sentyabrya 1893 goda.* – Warszawa: Publ. W. druk. Noskowskiego, 1894. – [2], 201 p.
23. *Ustav Otdeleniya Obshchestva Moskovskoi konnoi skakovoï okhoty* [The standing order of Moscow society of horse race hunting]. – M.: [b.i.], 1832. – 32 p.

24. *Ustav Imperatorskogo Moskovskogo skakovogo obshchestva: s 1863 goda na chetvertoe desyatiletie* [The standing order of Emperial Moscow race society since 1863 for the fourth decade]. – M.: Publ. Universitetskayapografiya, 1863. – 57 p.

25. *Pridorogin M.I. Konskie porody* [Horse breeds] – M.: Publ. URSS Librokom, 2011. – 238, [2] p.

26. *Znachenie Ippodromnykh sostyazanij dlya konnozavodstva Rossii* [The importance of hippodrome competitions for horse-breeding in Russia] – 2-e Izd. – M.: Publ. URSS Librokom, 2011. – 150, [2] p.

27. *RGIA. F. 412. Op. 10. D. 46.*

28. *Ustav obshchestv pooshchreniya rysistogo konnozavodstva* [The standing order of societies of promotion trotting horse-breeding] – Sankt-Peterburg: Publ.Tipo – LitografiyaYu.Ya. Rimana, 1911. – 87, 55 p.

29. *Begovye I skakovyeyispytaniya v svyazi s voprosom o totalizatore.* – Petrograd: Publ. Brokgauz-Efron, 1916. – 61 p.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 94(470.62)"19":615.838(262.5)
ГРНТИ 03.23: История России

А.В. Крюкова

Особенности путешествия на курорты Черноморского побережья Кавказа в конце XIX – начале XX в.

Комфортный и безопасный способ передвижения – главное, что в первую очередь интересует собравшихся в путешествие. Данная статья знакомит читателя с элементами транспортной инфраструктуры, которыми могли воспользоваться желающие отправиться на курорты Черноморского побережья Кавказа в конце XIX – начале XX в. Особое внимание уделено морскому транспорту, так как он играл ведущую роль в регионе. Освещаются проблемы, с которыми сталкивались отдыхающие во время морского переезда и которые являлись фактором, существенно ограничивавшим число потенциальных гостей черноморских курортов Кавказа. Прослеживается отношение пароходных обществ к пассажирам, отмечено качество предоставляемых ими услуг. Акцент сделан на положении людей, вынужденных существовать в предлагаемых обстоятельствах. Главным источником выступают записки путешественников, публикации сатирического характера в газетах, подготовленные как жителями побережья, так и приезжими, столкнувшимися с неудобствами морского транспорта на Черном море.

Ключевые слова: железная дорога, шоссе, пароходное сообщение, курорты, Черноморское побережье Кавказа, Новороссийск, Геленджик, Туапсе, Сухуми, Крым.

A.V. Kryukova

Peculiarities of traveling to resorts of the Black Sea Coast of the Caucasus at the end of the 19th – beginning of the 20th century

Comfortable and safe way of travelling is an aspect that is primarily interesting for those who are going to a trip. This article introduces to the reader the elements of transport infrastructure that could be used by those who wished to go to resorts of the Black Sea coast of the Caucasus in the late 19th – the early 20th centuries. Particular attention is paid to sea transport, as it played a leading role in the region. The author covers the problems that vacationers encountered during the sea crossing and which were a factor that significantly limited the number of potential guests of the Black Sea resorts of the Caucasus. The attitude of steamship companies to passen-

gers is traced, the quality of services they provided is noted. Emphasis is placed on the situation of people forced to exist in the proposed circumstances. The main sources are travelers' notes, publications of satirical character in newspapers, emanating from residents of the coast and visitors who faced the inconveniences of maritime transport on the Black Sea.

Key words: railway, highway, steamboat traffic, resorts, Black Sea coast of the Caucasus, Novorossiysk, Gelendzhik, Tuapse, Sukhumi, Crimea.

В конце XIX – начале XX в. главные рекреационные зоны Российской империи располагались на побережье Черного моря (Крым, Кавказ). Крым пользовался большей популярностью, чем Кавказ, поскольку освоение крымского побережья в курортном отношении началось примерно на три десятилетия раньше, чем кавказского. Важным фактором также явилось то обстоятельство, что царская семья избрала Крым местом своего отдыха, приобретя имение в Ливадии. Однако главная причина того, что основной поток курортников устремлялся на Крымский полуостров, заключалась в недостаточной развитости путей сообщения на Черноморском побережье Кавказа, в трудностях, с которыми приходилось сталкиваться путешествующей публике.

В позднеимперской России самым удобным средством передвижения считался железнодорожный транспорт. Между тем в рассматриваемом регионе сеть железных дорог была развита слабо. На поезде можно было доехать только до Новороссийска (магистраль Тихорецкая – Екатеринодар – Новороссийск была проложена в 1888 г.). Железнодорожный путь в Анапу по этой же ветке прерывался на станции «Тоннельная», далее надо было следовать 30 верст на извозчике по грунтовой дороге. В 1909 г. началось строительство Армавир-Туапсинской железной дороги, постоянное движение по которой установилось лишь в 1915 г., приблизив для отдыхающих Туапсе.

Стратегически важным для развития курортной инфраструктуры в регионе было проведение железнодорожного пути вдоль побережья. В начале XX в. этот вопрос активно обсуждался, существовало несколько проектов. В 1914 г. наконец-то приступили к сооружению новой линии из Туапсе в Закавказье (до Новосенаки). Однако из-за обрушившихся на страну потрясений (Первой мировой войны, революционных событий, Гражданской войны) закончить работы удалось нескоро. Только в 1927 г. состоялось открытие железнодорожного сообщения на участке Туапсе – Адлер, а полностью дорога была достроена лишь в годы Великой Отечественной войны [1, с. 134; 2, с. 71–75].

Таким образом, сообщение между курортами Черноморского побережья Кавказа и остальной территорией Российской империи

осуществлялось в основном по морю. Пассажирские пароходы, курсирующие между портами Черного моря, принадлежали двум компаниям: Русскому обществу пароходства и торговли (Р.О.П. и Т.) и Российскому обществу. Существовало также несколько небольших частных пароходов и паровых катеров.

Перемещаясь между черноморскими курортами Кавказа, отдыхающие также преимущественно пользовались морским путем, хотя в 1890-х гг. появилось шоссе Новороссийск – Сухум (его также называли «голодным» или «Анненковским»), по которому сообщение поддерживалось экипажами, а с 1910-х гг. и автомобилями. У современников данная дорога вызывала множество критических замечаний. Например, публицист Л.С. Личков отмечал, что в некоторых местах шоссе шло по склонам, где часто почва сползала в море; не хватало мостов; путник рисковал быть задержанным на несколько дней то оползнем, то разливом реки, на которой нет моста [3, с. 110–111]. Врач Г.В. Скупенский также утверждал, что, будучи построенным в 1892 г., до 1900 г. «голодное» шоссе оставалось непроезжим, так как на нем не было нигде мостов [4, с. 8].

Морской транспорт был самым популярным в регионе. Однако данный способ передвижения был сопряжен с рядом неудобств и доставлял немало волнений пассажирам, что отпугивало определенный процент потенциальных отдыхающих.

Из-за того, что на Черноморском побережье Кавказа очень мало удобных бухт для захода кораблей, гавани имелись лишь в Новороссийске, Туапсе, Поти и Батуме. В Анапе, Геленджике, Сочи, Адлере, Гаграх, Гудаутах, Новом Афоне и Сухуме пароходы останавливались на рейде [5, с. 18]. Пассажиров и грузы перевозили в лодках, обычно турецких фелюгах. В Новом Афоне перевоз осуществляли на монастырских баркасах сами монахи [6, с. 95–96; 7, с. 227].

В штормовую погоду сообщение нарушалось: пароходы проходили мимо. В таких случаях пассажиров обратно привозили бесплатно из ближайшего места остановки [5, с. 16–18]. Те же, кто хотел уехать, вынуждены были ждать следующего парохода. Существовала также возможность остановиться в Новороссийске на день–два, если ожидалась плохая погода, а потом продолжить путешествие, но это требовало дополнительных затрат.

Получается, что для публики, приезжающей на курорт, отдых начинался с испытания. Иначе охарактеризовать высадку с парохода в день приезда и посадку на пароход в день отъезда нельзя. Довольно подробно типичную картину остановки парохода на рейде рисует автор путеводителя по Сочи и Красной Поляне с окрестностями С. Дороватовский. После того, как с парохода сбрасывали якорь, подплывали фелюги. Первыми на борт поднимались агент

пароходного общества и чиновники таможенного общества. Затем подходили фелюги, переполненные публикой и багажом. Начинаясь сутолока, так как прибывшие на фелюгах пассажиры спешили занять места на пароходе, искали свой багаж, а приехавшая публика стремилась поскорее спуститься по трапу в фелюгу, нервничая по поводу того, как отправить туда же свой багаж. Эти беспокойства отнюдь не были беспочвенны, так как носильщики отсутствовали, турок-гребцов было всего человека четыре, а приехавших – масса. У трапа толпились пассажиры всех трех классов. Фелюги быстро наполнялись, подходя к пароходу по очереди. В конце концов вся публика оказывалась на берегу [5, с. 18].

Особенно неприятные ощущения пассажиры испытывали, когда пароход приходил в темное время суток или когда бушевала непогода. При беспокойном море сложным делом для турок-гребцов было зацепить баграми фелюгу за трап, волны отбрасывали ее от борта. После того, как это, наконец, удавалось, начиналась посадка-высадка пассажиров с риском для жизни по мокрому, колеблющемуся трапу. Существуют свидетельства о случаях, когда лодки переворачивались сильной волной и пассажиры тонули [3, с. 135–136].

Поездка на фелюге тоже была малоприятна. В нее обычно усаживали максимальное количество пассажиров, те из них, кому не находилось места на скамьях, сидели на багаже и просто стояли. Если пассажир отказывался ехать в переполненной лодке, настаивая, чтобы пароход дождался, пока фелюга высадит людей и вернется, он получал отрицательный ответ со стороны корабельного начальства. Пароход не мог ждать. Приходилось выбирать: сесть в переполненную фелюгу или ехать дальше, купив дополнительный билет [3, с. 144].

Пассажирам из так называемой «чистой публики» не нравилось, что их сажают в одну лодку с представителями 3-го класса. Один из составителей книги «Страна тепла и солнца: Сочи, Туапсе, Гагры и Сухум в климатическом, климато-лечебном и охотничьем отношениях. Их настоящее и будущее» Н.Г. Калабухов прямо высказывал пожелание, чтобы для пассажиров 1-го и 2-го классов пароходные общества высылали отдельные лодки, объясняя свою позицию тем, что ехать «с грязными оборванными турками, разными пьяными чернорабочими», особенно с семьей, да еще в такой тесноте, очень неприятно. Правда, можно было телеграфировать на берег заранее и заказать себе отдельную фелюгу, но за это взималась плата в 3 р., а это считалось слишком дорогой услугой [8, с. 186–187].

Ничто не укрывало пассажиров в фелюге от непогоды. Вот как описывает свое впечатление очевидец, наблюдавший за фелюгами, которые в ненастную погоду пытались подойти к пароходу в Туапсе: «Жутко и жалко было смотреть на промокших, сбившихся в кучу

пассажиры фелюг, бросаемых по прихоти волн и долго и медленно приближающихся к пароходу. <...> С пассажиров струями сбегает дождь. Брызги от волн обдают их с боков. А они стоят и сидят, неподвижные как статуи, боясь пошевелиться, с нетерпением и страхом ожидая посадки на пароход» [3, с. 135].

Насущной проблемой также было отсутствие в прибрежных пунктах хорошо оборудованных мест посадки-высадки пассажиров, крова на берегу. Публика вынуждена была мерзнуть под открытым небом, мокнуть под дождем [9; 3, с. 137]. В Сочи, например, пассажиры 3-го класса, по словам современника, валялись на берегу моря в бурю, ожидая корабль [10]. Путешественники, прибывшие с парохода, во время непогоды стояли под дождем, с надеждой высматривая извозчика, а вещи их лежали на мокрой земле. Пароходные общества долгое время не заботились о данной стороне дела, так как знали, что за неимением альтернативных путей сообщения, это несколько не повлияет на количество пассажиров [3, с. 136–137].

Процесс посадки и высадки людей в лодки на берегу не был продуман ни пароходными обществами, ни местными властями. Пристани зачастую отсутствовали, что создавало для пассажиров дополнительные трудности. Когда море было спокойным, фелюга близко подходила к берегу и на нее клали сходни, по которым люди благополучно переправлялись на твердую землю. При небольшом волнении на море турки входили в воду и помогали пассажирам, так как сохранить равновесие на узких сходнях было сложно. Если волнение на море было сильным, турки переносили женщин на берег на своей спине [5, с. 18]. Иногда пассажирам приходилось выбираться на берег по колено в воде [3, с. 136].

В 1903 г. со страниц газет слышались жалобы о том, что в Сочи ни одно из пароходных обществ не устроит даже сходню с перилами, принуждая пассажиров, высаживающихся с фелюг, балансировать на узенькой доске с опасностью свалиться в море при волнении; нет освещения на берегу, где ночью выгружаются пассажиры с пароходов [10; 11].

Но вот с 1905 г. пароходы Р.О.П. и Т. в Сочи начали останавливаться напротив Хлудовской стороны, где обществом было сооружено здание агентства с помещениями для пассажиров и для склада товаров. Публику с пароходов стали доставлять на пристань, находящуюся там же, и высадка проходила достаточно спокойно. Некоторое неудобство состояло лишь в отдаленности агентства от города (1,5 – 2 версты) [5, с. 18; 7, с. 212].

Пристани имелись и в Сухуме, однако, несмотря на наличие хорошей удобной пристани, посадка в фелюги для отправки на пароход производилась с коротких деревянных пристаней, на которых

было достаточно тесно, и в давке пассажиры рисковали сорваться в воду [3, с. 191].

Еще одним недостатком морского транспорта были частые задержки выхода парохода в море. Об этом свидетельствует множество заметок и фельетонов в прессе того времени. «Пароходы ведь для того и созданы, чтобы постоянно опаздывать», – заметил один из пассажиров парохода «Россия», вышедшего из Новороссийска в Туапсе с опозданием на 3 часа [12].

Свою лепту в это явление вносила таможня. К примеру, в июле 1903 г. таможня не выпустила пароход «Отважный», который должен был выйти из Новороссийска в 3 ч. дня в Геленджик, потому что капитан не уплатил штраф в 100 р., наложенный на него за что-то таможней несколько дней назад. Пассажиры были очень возмущены: ведь нет смысла задерживать пароход, есть другие способы давления (полиция, суд), тем более он завтра вернулся бы и никуда не скрылся. Но, как заметил автор газетной публикации, повествующей об этом случае, здесь проявилось равнодушие чиновников к людям: «Что ей, таможне, до публики? Что ей, таможне, до того, что в двух шагах от нее стонут пассажиры, плачут дети, мечутся больные женщины!» Пассажиры ругались, но более опытные, узнав, что пароход задержала таможня, замолчали, понимая, что это пустая трата слов. Пароход вышел на 1,5 часа позже, когда капитан достал где-то 100 р. и внес в кассу [13].

Для улучшения и упорядочивания морского сообщения необходимо было увеличить количество пароходов и пароходных рейсов, ввести добавочные рейсы для захода в мелкие населенные пункты [1, с. 137–138].

Комфорт непосредственно морского переезда различался в зависимости от пароходной компании и класса билета. Пароходы Российского общества имели более дешевый тариф, чем пароходы Р.О.П. и Т., но как товаро-пассажирские они ходили медленнее, делая длительные остановки, и не заходили в некоторые пункты побережья, которые обязательно посещали пароходы Р.О.П. и Т. Многие путешественники, желая сэкономить, готовы были ждать прибытия парохода Российского общества день–два, а то и более, несмотря на то, что была возможность уехать раньше на пароходе Р.О.П. и Т. [3, с. 112, 114]. Естественным следствием такой экономии становилась теснота на корабле. Вот как Л.С. Личков описывал представшую перед ним картину во время посадки на пароход «Платон», принадлежащий Российскому обществу:

«Проталкиваясь между массой пассажиров, скопившихсяверху в рубке, мы достигаем, наконец, общей каюты второго класса и находим ее почти сплошь занятой, но не людьми, а всяким ручным багажом, наваленным и на полу, и на мебели. Свободна только се-

редина каюты, где на стульях сидят в унынии три пассажирки, не нашедшие, где надлежащим образом приютиться. Толкотня невообразимая. Прислуга сбилась с ног, раскладывая багаж и разыскивая вещи, требуемые то одним, то другим из пассажиров, большинство которых за неимением места в каюте, поместилось вверху, в рубке, в крышу которой стучит дождь, а в отворяемые на палубу двери врывается ветер» [3, с. 115].

Проанализировав обстановку и заключив, что спать здесь будет совсем невозможно, а во время качки вообще можно получить увечье при таком скоплении незакрепленного багажа в каюте, Л.С. Личков с семьей решили сдать билеты и подождать следующего парохода [3, с. 115].

Летом, ввиду наплыва отдыхающих, пароходы постоянно оказывались переполненными, и очень трудно было получить билет (даже 1-го класса), не имеющий штемпеля «без права на койку», причем цена за лишение этого права не понижалась. Историк и географ П.М. Головачев сетовал на то, что из Новороссийска в Сочи пароходы отправлялись всегда вечером и пассажиры вынуждены были проводить ночь в пути. Ведь именно ночью особенно сказываются последствия этого «бесправия»: «все занято, негде прилечь, в кают-компании спят на полу, стоит ужасная жара и духота» [14, с. 6]. В таких случаях некоторые пассажиры выходили на палубу и ложились на твердые скамьи, правда, уснуть на них было довольно сложно [12].

Дорожные впечатления едущих на курорт в значительной мере зависели от отношения обслуживающего персонала. Пассажиры зачастую отказывались от услуг Р.О.П. и Т., указывая на дерзость и грубость служащих агентства и прислуги на пароходах. По свидетельству Л.С. Личкова, порядки в пароходствах действительно были различны. Насколько служащие в конторе Российского пароходства производили впечатление людей внимательных, любезных и отзывчивых на нужды пассажиров, настолько в конторе Р.О.П. и Т. все было скучно на объяснения и официальные, хотя и «сухо-вежливы». В отличие от Российского общества, здесь отказывались брать лишние вещи на хранение на время путешествия пассажиров и не продавали билетов до прихода парохода, пока не выяснится, сколько осталось свободных мест; при покупке билетов на семью обещали скидку в 10 %, а при покупке билетов и на обратную дорогу – 30 %, однако получить эту скидку можно было только после долгих препирательств, доказав документально, что все лица являются родственниками [3, с. 116–117].

Служащие на пароходах уделяли нуждам пассажиров мало внимания. Особенно это касается прислуги, которая находилась при каютах. Она бывала даже груба. Л.С. Личков объяснял это их нелег-

кой службой: штат прислуги небольшой, пассажиров много, требования каждого надо удовлетворить, причем быстро, ночные дежурства – и все это на фоне качки, духоты в помещениях. Нервы у этих людей были издерганы, маленькое жалование не прибавляло оптимизма. На их вежливость мог рассчитывать только тот, кто давал чаевые [3, с. 144–145].

Однако комфорта на пароходе, принадлежащем Р.О.П. и Т., Л.С. Личков с семьей нашли больше, чем на пароходе Российского общества: крупный багаж был сдан в трюм (правда, за отдельную плату), ручному багажу отводилось специальное место; везде было просторно, светло и чисто [3, с. 117].

Порядки на пароходах по организации питания вызывали нарекания, так как буфетчики откладывали раздачу еды до выхода в открытое море. По мнению Л.С. Личкова, делалось это с целью получения «барыша» за счет тех пассажиров, которые из-за морской болезни откажутся от своей порции. Иногда проголодавшиеся пассажиры начинали возмущаться, обращаться к капитану или его помощнику, но те только разводили руками, так как из буфета следовал неизменный ответ, что пища еще не готова. От качки в основном страдали женщины, поэтому на пароходе иногда получалось так, что за стол садились в основном одни мужчины. Обед на пароходе Р.О.П. и Т. был оценен Л.С. Личковым как «хороший и вкусный»: для 2-го класса сюда входили закуска и водка, четыре блюда, десерт, арбуз и кофе [3, с. 118, 142].

Положение пассажиров 3-го класса (а этим классом ездило много интеллигенции) на пароходах было незавидным: места для них не отличались комфортом, питание зачастую предусмотрено не было. Вот как об этом пишет публицист С.И. Васюков: пассажиры 3-го класса «не имеют ни места, ни уюта, а если захотят пообедать, то им не дадут... Можно спросить (вернее униженно попросить), чтобы дали отдельную порцию, которую негде есть: не только столовой, но и стола для пассажиров III-го класса нет, – они должны есть на полу!..» [15]. Васюков настаивал на том, чтобы обедать, завтракать и пить чай за плату имел право каждый пассажир без различия класса. Если для пассажиров 3-го класса нет столовой, то они должны пользоваться столовой 2-го класса [15].

На уже упоминаемом пароходе «Отважный», который ходил между Новороссийском и Геленджиком, пассажиры 3-го класса помещались на корме среди досок и сена [16].

Отправляясь на курорт Черноморского побережья Кавказа морем, необходимо было стойко относиться к качке, доставляющей много неприятных ощущений, и побороть страх перед бурей, которая особенно пугала, когда пароход имел крен из-за перегруза на

какую-нибудь сторону, что случалось нередко на кораблях Р.О.П. и Т. [3, с. 120].

Несмотря на все перечисленные выше недостатки морского переезда, практически все путешественники отмечали, что поездка имела и свою прелесть, давая возможность любоваться прекрасными видами побережья, открывающимися с палубы корабля.

Итак, вследствие недостаточного развития наземного транспорта (а люди того времени предпочитали передвигаться на дальние расстояния по железной дороге), многочисленных недостатков путешествия морским транспортом, который являлся ведущим в регионе, черноморские курорты Кавказа теряли значительный процент потенциальных отдыхающих, предпочитающих курорты Крыма и французской Ривьеры. Соответственно тормозился процесс становления курортной инфраструктуры. Для решения проблемы путей сообщения был необходим железнодорожный транспорт, связывающий все пункты побережья с остальной территорией России, а такая железная дорога, как было сказано выше, появилась уже в другой исторический период. В сложившейся ситуации привлечению курортников могло помочь хотя бы улучшение условий морских перевозок. Шаги в этом направлении предпринимались, но небольшие. Однако год от года поток отдыхающих, приезжавших на Черноморское побережье Кавказа, продолжал увеличиваться, что давало возможность региону двигаться по пути прогресса в области формирования курортной зоны.

Список литературы

1. Еремеева А.Н. Курортные проекты Кубанской области и Черноморской губернии военного времени (1914–1917 гг.) // Вопросы истории. – 2016. – № 1. – С. 132–141.
2. Леусян О.А. Из истории Черноморско-Кубанской железной дороги // Голос минувшего. – Краснодар, 2000. – № 3-4. – С. 71–75.
3. Личков Л.С. Очерки из прошлого и настоящего Черноморского побережья Кавказа. – Киев: Тип. Имп. Ун-та св. Владимира, 1904. – 249 с.
4. Скупенский Г.В. На лазурном берегу: (Кавказская ривьера): заметки и впечатления врача. – М.: Т-во скоропечатни А.А. Левенсон, 1909. – 61 с.
5. Дороватовский С. Сочи и Красная Поляна с окрестностями: путеводитель. Репр. воспр. изд. 1911 г. – Краснодар: Платонов И., 2010. – 256 с.
6. Андреев Н. Иллюстрированный путеводитель по Кавказу: с видами местностей и достопримечательностей. – М.: тип. Поплавского, 1912. – 432 с.
7. Москвич Г. Г. Сокращенный практический путеводитель по Кавказу. – СПб.: Изд. путеводителей Гр. Москвича, 1912. – 272 с.
8. Страна тепла и солнца: Сочи, Туапсе, Гагры и Сухум в климатическом, климато-лечебном и охотничьем отношениях. Их настоящее и будущее / сост. Н. Г. Калабухов и Н. Т. Яблонский. – М.: Изд. журн. «Охотничий вестник», 1904. – 213 с.
9. Вести с Черноморского побережья. Летучие заметки // Черноморское побережье. – 1903. – № 60. – 14 марта.

10. Вести с Черноморского побережья. Сочи // Черноморское побережье. – 1903. – № 189. – 27 авг.
11. Вести с Черноморского побережья. Сочи // Черноморское побережье. – 1903. – № 207. – 19 сент.
12. День в Туапсе // Черноморское побережье. – 1903. – № 154. – 15 июля.
13. Путевые прелести // Черноморское побережье. – 1903. – № 151. – 11 июля.
14. Головачев П.М. Черноморско-Кавказское побережье. – М.: Т-во скоропечатни А.А. Левенсон, 1913. – 24 с.
15. Васюков С. Маленький фельетон. Думы о побережье // Черноморское побережье. – 1903. – № 215. – 28 сент.
16. Поездка на курорт Геленджик, «чудный уголок Кавказа» (с натуры) // Черноморское побережье. – 1903. – № 180. – 15 авг.

References

1. Eremeeva A.N. *Kurortnye proekty Kubanskoj oblasti i Chernomorskoj gubernii voennogo vremeni (1914–1917 gg.)* [Resort projects of the Kuban region and the Black Sea province of the wartime (1914–1917)] // *Voprosy istorii* [Issues of history]. – 2016. – № 1. – P. 132–141.
2. Leusyan O.A. *Iz istorii Chernomorsko-Kubanskoj zheleznoi dorogi* [From the history of the Black Sea-Kuban railway] // *Golos minuvshago* [Voice of the past]. – Krasnodar, 2000. – № 3-4. – P. 71–75.
3. Lichkov L.S. *Ocherki iz proshlogo i nastoyashchego Chernomorskogo poberezh'ya Kavkaza* [Essays from the past and the present of the Black Sea coast of the Caucasus]. – Kiev: tip. Imp. Un-ta sv. Vladimira, 1904. – 249 p.
4. Skupenskii G.V. *Na lazurnom beregu: (Kavkazskaya riv'era): zametki i vpechatleniya vracha* [On the Azure Coast: (Caucasian Riviera): notes and impressions of the doctor]. – Moscow: t-vo skoropechatni A.A. Levenson, 1909. – 61 p.
5. Dorovatovskii S. *Sochi i Krasnaya Polyana s okrestnostyami: putevoditel'*. *Repr. vospr. izd. 1911 g.* [Sochi and Krasnaya Polyana with surroundings: a guidebook. Reprint of 1911]. – Krasnodar: Platonov I., 2010. – 256 p.
6. Andreev N. *Illyustrirovannyi putevoditel' po Kavkazu: s vidami mestnostei i dostoprimechatel'nostei* [Illustrated guidebook on the Caucasus: with views of areas and sights]. – Moscow: tip. Poplavskogo, 1912. – 432 p.
7. Moskvich G.G. *Sokrashchennyi prakticheskii putevoditel' po Kavkazu* [Abridged practical guidebook to the Caucasus]. – St. Petersburg: izd. putevoditelei Gr. Moskvicha, 1912. – 272 p.
8. *Strana tepla i solntsa: Sochi, Tuapse, Gagry i Sukhum v klimaticheskom, klimato-lechebnom i okhotnich'em otnosheniyakh. Ikh nastoyashchee i budushchee* [The land of heat and sun: Sochi, Tuapse, Gagra and Sukhum in climatic, climatic, therapeutic and hunting relations. Their present and future] / Comp. N. G. Kalabukhov i N. T. Yablonskii. – Moscow: izd. Zhurnala «Okhotnichii vestnik», 1904. – 213 p.
9. *Vesti s Chernomorskogo poberezh'ya. Letuchie zametki* [News from the Black Sea coast. Fast notes] // *Chernomorskoe poberezh'e* [Black Sea coast]. – 1903. – № 60. – Mart 14.
10. *Vesti s Chernomorskogo poberezh'ya. Sochi* [News from the Black Sea coast. Sochi] // *Chernomorskoe poberezh'e* [Black Sea coast]. – 1903. – № 189. – August 27.

11. *Vesti s Chernomorskogo poberezh'ya. Sochi* [News from the Black Sea coast. Sochi] // *Chernomorskoe poberezh'e* [Black Sea coast]. – 1903. – № 207. – September 19.
12. *Den' v Tuapse* [A day in Tuapse] // *Chernomorskoe poberezh'e* [Black Sea coast]. 1903. № 154. July 15.
13. *Putevye prelesti* [Traveling charms] // *Chernomorskoe poberezh'e* [Black Sea coast]. 1903. № 151. July 11.
14. *Golovachev P.M. Chernomorsko-Kavkazskoe poberezh'e* [Black Sea-Caucasian coast]. – Moscow: t-vo skoropechatni A.A. Levenson, 1913. – 24 p.
15. *Vasyukov S. Malen'kii fel'eton. Dumy o poberezh'e* [Little feuilleton. Thoughts about the coast] // *Chernomorskoe poberezh'e* [Black Sea coast]. – 1903. – № 215. – September 28.
16. *Poezdka na kurort Gelendzhik, «chudnyi ugiok Kavkaza» (s natyry)* [A trip to the resort of Gelendzhik, "a wonderful corner of the Caucasus" (from nature)] // *Chernomorskoe poberezh'e* [Black Sea coast]. – 1903. – № 180. – August 15.

ЭТНОГРАФИЯ

УДК 39:008

ГРНТИ 03.61: Этнография и историческая антропология

С.Н. Алнаддаф

Культурная дифференциация в путешествии Ибн Фадлана

В данной статье анализируется путешествие Ахмада Ибн Фадлана в 921 г. в страну славян/булгар (нене территория Татарстана, Россия), прослеживается эволюция его культурных измерений (критериев) в представлении образа другой цивилизации. Ибн Фадлан – путешественник-мусульманин, сыграл здесь роль антрополога, являясь представителем другой культуры, другой системы категорий, другой психологической и цивилизационной составляющей, изначально отличавшейся от стран, в которых он побывал. Это исследование отражает психологическую составляющую и культурную мусульманскую среду Ибн Фадлана – ту культуру, которая стала для него основным критерием для сравнения с другими обществами. Он опирается на создание сравнений, сиюминутных и более глубоко изученных, с точки зрения арабо-мусульманской культуры, описывая обычаи и традиции народов, с которыми встречается во время путешествия. Он записывает свои впечатления от увиденного, отразившие существенные различия между арабо-мусульманской культурой и культурами славянских народов (Волжской Булгарии), тюрков и хазар в X веке н.э. Таким образом, в данной статье выявляется точка зрения арабов-мусульман на другие народы и цивилизации в Средние века, а также исследуется специфика мышления арабо-мусульман при их взглядах на другие народы. Все это помогает нам лучше понять историческую психологию арабов.

Ключевые слова: Ибн Фадлан, Татарстан, славяне, Волжская Булгария, русские, хазары, этнографическое описание, арабо-мусульманская культура.

S.N. Alnaddaf

Cultural differentiations in the journey of Ibn Fadlan

This article specializes for studying the travel of Ahmad IbnFadlan in 921 to the country of Slavs / Bulgars (now – Tatarstan, Russia) and his cultural dimensions (criteria) in representing the image of another civilization. IbnFadlan, a Muslim traveler, acted here as an anthropologist, being a representative of another culture, another system of categories, another psychological and civilizational component, initially different from the countries he visited. This study reflects the psychological component and cultural Muslim environment of Ibn Fadlan – the culture that has become for him the main criterion for comparison with other societies. He relies on the creation of

comparisons, momentary and more deeply studied, with the Arab-Muslim prism of views, describing the customs and traditions of the peoples that he meets during the journey. He writes down his impressions of what he has seen, which reflected many differences between the Arab-Muslim culture and other cultures of the Slavic peoples (Volga Bulgaria), the Turks and Khazars in the 10th century AD. Thus, this article studies the perspective of Muslim Arabs on other peoples and civilizations of the Middle Ages, sheds light on the common instruments of thinking of Arab Muslims in the views on other nations. All this helps us to understand the historical psychological nature of the Arabs better.

Key words: Ibn Fadlan, Tatarstan, Slavs, Volga Bulgaria, Russian, Khazars, ethnographic description, Arab-Muslim culture.

Путешествие Ибн Фадлана имеет особое значение, несомненно, проливая свет на «темный» период истории некоторых народов, как, например, народов России в период начала знакомства их с христианской религией, в то время как часть населения оставалась язычниками, сохраняя древние традиции. Ибн Фадлан, как указывал И.Ю. Крачковский, предоставил нам живой образ политической обстановки в мусульманском мире, отношения между этими странами и странами, граничащими с ними в Центральной Азии, а также отдаленные внутренние территории, как например, располагающиеся у бассейна реки Волга. Его миссия отличается особой уникальностью этнографического материала, создает неповторимые образы многочисленных диких тюркских племен, проживавших в Центральной Азии, и других народов, сыгравших особую роль в истории Восточной Европы, таких как болгары, русские и хазары [1, с. 244].

Немецкий востоковед Фрейхен упомянул в предисловии к книге об Ибн Фадлане следующие строки на родном языке: «Запад пренебрег Россией, а арабы рассказали о ней. Они пролили много света на историю древнего Запада и дали недостающую информацию, особенно о Булгарии и России в далекой эпохе» [2, с. 40]. Востоковед Андрэ Мигель говорит о значимости миссии Ибн Фадлана для истории России: «В своем путешествии он собрал много редкой информации об очень скрытой и далекой нации» [3, с. 93]. Можно сказать, что Ибн Фадлан написал исключительный документ, связанный не только с булгарами, но и с хорезмийцами, газами, баньянами и джафарами, а также с русскими и хазарами, хотя работа в основном сосредоточена на булгарах или славянах, как называет их Ибн Фадлан [3, с. 27].

С самого начала это путешествие было связано с высокой политической миссией Аббасидского халифата в Багдаде, которая сохраняла свой большой авторитет во внешнем мире и духовную высоту в исламском, несмотря на упадок политического влияния в X в. нашей эры. Это объясняет наличие большого количества делегаций, которые устремлялись в Багдад установить выгодные связи,

прочные союзы и выразить преданность. Мы понимаем мотивы прибытия делегации славян / болгар, проживавших в Европе на берегах Волги (Итиль) (столица их находилась недалеко от современной Казани в Татарстане), с просьбой о помощи и поддержке халифа Аль-Муктадира Беллаха (ум. в 932 г. н.э.) в политической и религиозной сфере.

Миссия царя славян-болгар прибыла в Багдад, чтобы попросить халифа Аль-Муктадира отправить делегацию и научить его народ исламской религии, помочь построить мечети и крепости для защиты от соседних врагов. В своем послании об этой миссии Ибн Фадлан говорит: «Когда писание "Алмуша бен Былтуара" (Алмуш сын Шилки – прим. Пер.), царя славян, прибыло к правителю правоверных Аль-Муктадиру, в ней была просьба разъяснить религию, которую он исповедует, объяснить законы ислама, построить у них мечеть, где для повелителя правоверных будет отведен минбар, чтобы делать призыв во всем его королевстве, он также попросил его построить крепость для защиты от территориальных набегов других царей. И действительно принял его ходатайство» [2, с. 98]. Андрэ Мигель указывает на реальные цели путешествия: «Оно было совершено с целью распространения и углубления исламской религии у болгар, которые до этого лишь поверхностно следовали нормам ислама, для укрепления веры и формирования общества на принципах исламского законодательства (шариата). Но мы также полагаем, что в этот вопрос вмешались политика и экономика, ведь также подразумевалась защита интересов в сфере крупной торговли, отстранение от преследования хазар, которые находились чуть ниже по берегу реки Итиль (Волга), перекрывая дорогу между восточной Россией и Исламским миром» [3, с. 27]. Было принято решение отправить делегацию к царю славян под руководством четырех человек: Сусан Ар-Раси, Таскин Ат-Турки, Борис Ас-Сакляби и главы делегации Ахмада Ибн Фадлана, при сопровождении послов делегации славян, указывающих путь. Так же в ее состав входили факихи, учителя, слуги как сопровождающие и второстепенные персонажи делегации. С собой они взяли лекарства по просьбе царя славян [2, с. 100], что должно было указывать на превосходство исламского мира и богатства цивилизации.

21 июня 921 г. н.э. делегация из Багдада отправилась караваном, состоящим из пятисот людей и трех тысяч верховых животных. Сначала они поднялись на восток, затем на север, пройдя горные регионы Фахмазан Фалри рядом с современным Тегераном, через реку Гехон (Амурдарья), дошли до Бухары. Мимо многочисленных степей и долин, претерпев в пути огромные трудности, пока не достигли Волги и царя славян, они прибыли на место назначения в воскресенье 12 мая 922 г. [4, с. 212] (по этому случаю в настоящее

время в Татарстане этот день является религиозным праздничным днем).

Ибн Фадлан ушел в путешествие, оставив позади богатую, урбанизированную страну, обладающую высоким статусом в мире и отличавшуюся изысканной культурой и цивилизованным укладом жизни. Несмотря на это, страна не страдала этнической эгоцентричностью, так как, по сути, в ней существовали различные расы и нации, которые объединяла вера в единую исламскую религию. Результатом этого являлась чистота внешняя и внутренняя, где перед каждой из пяти молитв нужно было принять омовение, а после интимных отношений совершить полное омовение. Такие же строгие и понятные правила существовали в сфере брака и наследования, почитания родителей, роли матери в обществе, вопросах целомудрия и скромности, уважения семейных ценностей, почтения таких качеств, как щедрость, мужественность, отвага, принятия правды и социально-общественной солидарности.

Ибн Фадлан нес определенный культурный посыл, хотя эта культура отрицала этническую централизацию, ее проявление можно было найти во всех нациях, эта культура хранила своего рода централизацию, которую можно назвать религиозно-духовной. Ислам, согласно соображениям мусульман – основа религии, это полноценная религия, в которой отражаются другие божественные религии, существовали разные проявления ислама, каждое из которых было частью духовной или религиозной истины. Эти истины были признаны в исламе полноценными и принадлежали также христианской и еврейской духовной семье (сфере), как и пророки иудаизма и христианства были упомянуты во всех трех писаниях. Приверженцы двух предыдущих божественных религий носили имя «Народов Писания», хотя современных ему последователей христианства рассматривали как отделившихся от первоначальной религии христианства и иудаизма, а ислам – как религию, завершающую объединение и примирение. Но мусульмане все еще считали представителей двух других религий вдохновенными «священным писанием», поэтому рассматривали переход некоторых европейских народов к христианству как проявление духовного прогресса, это отличало их от других народов, которые до сих пор оставались язычниками-«огнепоклонниками» или «неверующими». Основываясь на базовых впечатлениях о цивилизации и роскоши, полученных в своем городе и стране, которые были критериями сравнения положения различных народов, Ибн Фадлан посмотрел на уклад других людей. Порой он приуменьшал «цивилизованность» встречаемых им народов, будучи удивленным и впечатленным, исходя, естественно, из арабо-мусульманского культурного восприятия, заложенного с рождения.

Багдадский посол предоставил подробное описание болгар и русских, хорезмцев и тюрков, печенегов и башкортвов. В его этнографическом описании турецких мамлюкских диких народов он выразил сострадание по отношению к их религии – язычеству: «Они живут в палатках, останавливаются то в одном месте, то в другом, их поселения повсюду по степям, перемещаются когда и куда придется. Они находятся в бедственном положении, как заблудшие ослы, не исповедуют религию Аллаха, не вразумеют, не поклоняются ничему, но называют своих старейшин господами (божествами). Они имеют свой совет (шура), кроме того когда они договаривались о чем-то и решали это сделать, они порицали решение совета, затем отказывались от того что решили... Я слышал как они говорили: "Нет бога кроме Аллаха, Мухаммед посланник Аллаха" или что-то приближенное к этому высказыванию от тех, кто называл себя среди них мусульманами» [2, с. 122].

Он не забывает отметить другие стороны общественной жизни того периода, все, что касается взаимоотношений с женщинами, похоронных обычаев. Упоминается, что они не обращают особого внимания на целомудрие женщин, покрытие ее незащищенных открытых мест (аурат). Как-то багдадская делегация однажды остановилась у одного из мужчин и с ним была женщина. «В то время когда она разговаривала с нами, можно было увидеть ее половые органы, которые она почесала, тем временем мы могли все это видеть, но прикрыли наши лица, сказав "Да простит Аллах!" (Астагфирулла) Ее муж посмеялся и сказал переводчику: "Скажи им: Вы можете увидеть это, но не имеете к этому доступ. Это лучше, чем прикрыть, но иметь возможность доступа к ним"» [2, с. 123]. Они действительно не прелюбодействовали, а тот, кто совершал бы это, был бы незамедлительно разорван на две части. Что касается церемонии бракосочетания, тот кто хотел посвататься, делал это через посредников (дочь или сестру), одарив одеждой из Хорезма, верблюдами, верховыми животными, если посредник согласится [2, с. 124].

Если умирал мужчина и у него оставались жена с детьми, старший сын женился на его женщине, при условии что это не его мать. Посол писал: «У них высокая степень гомосексуализма, они убивают тех, кто этим занимается» [2, с. 127–128]. Если кто-то из мужчин заболел, его перемещали в отдельную палатку, где он находится в изоляции пока не умрет. Если он был бедным, его бросали одного в пустыне. Если кто-то умирал, выкапывали ему большую яму, как фундамент для дома, одевали его в одежды, оставляли рядом с ним все его сбережения и другие вещи, бочки для вина и сажали его в этом доме, сделав сверху купол. Он также заметил, что турки все выщипывали бороды, оставляя только усы. Ибн Фадлан выражает

свое возмущение этим обычаем, говоря: «Возможно, я увидел шейха Аль-Харама среди них, он тоже вырывает свою бороду оставив от нее маленькую часть под подбородком. Если кто-то увидит его издали, несомненно, примет за козла» [2, с. 131].

Путешественник упоминал о печенегах, тюрко-мамлюкском племени, которых погнали перед собой турки: «Они более смуглые, с бородами, бедные в отличие от турков» [2, с. 137]. Затем он остановился у тюркского народа, представителей которого называет башкортами: «Они злее турков и неопрятнее, больше предрасположены к убийствам», они едят вшей, поклоняются различным божествам: кто-то из них признает около 12 божеств: зимнее божество, летнее божество, божество дождя, и так далее. Была среди них группа людей, поклонявшаяся змеям, рыбам или журавлям. Хотя, по мнению Ибн Фадлана «Всевышний Аллах выше того, что говорит неверующий» [2, с. 139].

Славяне (Булгары)

Ибн Фадлан отличился точным и полноценным этнографическим описанием Волжских булгар. Кажется, он не упустил ни одного момента, который касается их личной и общественной жизни: власть, религия, общественное поведение, характер, климатические условия, странные явления, встречающиеся в их среде обитания и жизнедеятельности.

Самое первое, что бросилось Ибн Фадлану в глаза по прибытию в страну славян/булгар, стало поверхностное мусульманское вероубеждение. С минаретов мечетей булгар доносились до него следующие обращения: «Всевышний, исправь царя Бултуара, царя булгар». Ибн Фадлан обратил внимание царя, предостерегая «Что Аллах – царь, и с минбара не произносят ничье другое имя, кроме Него». Он упомянул, что с минаретов Багдада и Востока доносятся следующие молитвы: «О, Всевышний, исправь своего раба и твоего преемника имама Аль-Муктадира Билля». Затем царя булгар с минаретов стали называть по-другому: «О, Всевышний, исправь своего раба Джагфара бен Абдулла, правителя булгар, повелителя правоверных» [2, с. 147].

Ибн Фадлан в целом был недоволен поверхностным представлением религии булгарами, отсутствием стержня веры в их характере и поведении. Он видит, что они положительно относятся к лаю собак, радуются ему, потому что для них это показатель благого. Они говорят друг другу: «Ожидается плодородный, удачный, мирный и благой год». Он удивляется их правилам, когда дед берет новорожденного первым вместо отца. У деда есть право воспитывать внука до совершеннолетия. Если умирает кто-то из мужчин, его приемником становится его брат, а не сын. Ибн Фадлан отмечал: «Я

разъяснил царю, что так быть не должно. Ознакомил его с правилами наследования, чтобы он все понял» [2, с. 160].

Посол удивлялся и тому, что если в дом ударила молния, то к нему не приближаются, считая это дурным знаком и оставив в доме все вещи как есть на какое-то определенное время. Объясняли местные это так: «Этот дом – предмет гнева». Если они хотели наказать злостного убийцу, что хоть каким-то образом совпадало с мусульманскими убеждениями, они могли непреднамеренно наказать не того человека! Его клали в ящик, закрывали и забывали, пока ветер не унесет прах! Ибн Фадлан уделил особое внимание теме женщин, увидев в этом вопросе особенно слабое следование правилам и нормам мусульманских традиций. Неодобрение вызвало совместное купание мужчин и женщин в реке нагишом, не скрываясь друг от друга. Он писал: «Я до сих пор стараюсь бороться: скрыть женщин от мужчин во время купания. До сих пор мне это не удалось» [2, с. 162]. Вместе с тем исследователь был вынужден признать, что они не прелюбодействуют, а тот, кто совершает это деяние, кем бы он ни был, наказывается привязыванием за руки и за ноги к четырем штырям, после чего разрезают топором от шеи до голени. С женщинами делают то же самое [2, с. 162–163].

Особенно точно Ибн Фадлан описывал похоронные обычаи, возможно потому, что они отличались от способа захоронения в исламе. Булгары мыли мертвеца по мусульманскому обычаю, но хоронили не сразу. Но старались в жару или высокопоставленных людей похоронить как можно скорее. Тело клали на землю, очерчивали ее вокруг и копали яму внутри этого периметра, затем делали могильную нишу и хоронили в яме. Женщинам запрещалось оплакивать умерших, плакали благородные (свободные) мужчины, что касается слуг мертвого, они должны были прийти к нему после похорон и бить бока кожаными ремнями, установить знак на двери купола могилы и принести все оружие хозяина. Оплакивать умершего полагалось в течение двух лет. По истечении этого срока слуги убрали знак и стригли волосы, оповещая о выходе из траура, после этого жена умершего могла выйти замуж во второй раз. Но если умирал кто-то из обычных людей «они проделывали лишь часть этих обрядов» [2, с. 170].

Посол не забывает рассказать про климат и погоду, и странные вещи, связанные с ними. Он заметил, что ночь и день, в отличие от привычной для него времени смены, отличались до такой степени, что он пришел в замешательство и запутался с временем прочтения молитв. День оказался очень длинным. В зависимости от времени года то увеличивалась длина дня и укорачивалась ночь, то наоборот [5, с. 154–155].

Со слов одного человека, Ибн Фадлан повествует о таинственном народе «яджудж» и «маджудж», которые находились в трех месяцах пути от народов «уайсу». Они были свободолюбивы, между ними и народом «уайсу» было море, как животные они женились друг на друге. Ежедневно Аллах выводил им рыбу из моря для пропитания. Также рассказчику удалось увидеть некоторые явления, связанные с северным сиянием. Он представил, что видит подобие людей и животных в небе, под влиянием некоторых местных установившихся убеждений [5, с. 156].

Русские

Во время миссии к булгарам, Ибн Фадланом также посетил русские земли. Скорее всего, это было в правление князя Владимира, когда христианство на данной территории только начало распространяться [6, с. 42–43].

Майкл Криктон (Мишель Криктон) американский исследователь и многие другие западные востоковеды придерживаются мнения что Ибн Фадлан обозначил русскими/славянами жителей, с которыми столкнулся на территории современной России. Но те русские были скандинавскими племенами, поэтому Криктон в своем исследовании работы Ибн Фадлана назвал их нордманцами, то есть жителями севера. Это отличается от мнения российских востоковедов, которые считают, что речь идет о коренных русских племенах.

Методы описания русских в личном исследовании Ибн Фадлана не отличаются от методов, по которым он вел рассказ о булгарах. Он не ограничивается поверхностным описанием политической стороны, дает глубокое этнографическое представление о жизнедеятельности, быте и религиозной жизни, социокультурных характеристиках. Есть моменты, вызывающие удивление и восхищение, изумление и порицание, он описывает их с удивлением: «Я никогда не видел более складных людей по телосложению, они будто пальмы, русые и рыжие, у каждого есть топор, меч, нож. Клинки мечей в европейских узорах» [2, с. 175].

Свои наблюдения за их поведением и обычаями он описывает с долей изумления. Он видел, как они спускаются к реке Итиль (Волга), чтобы вести торговлю, они не надевали ни каракитов, ни хафатинов, мужчины надевали накидки, прикрывающие половину тела и вытаскивали из под нее одну руку. Один из них разрисовал свое тело от кончиков пальцев ног до шеи рисунками, похожими на деревья и другие растительные узоры. Женщины носили на шее кулоны из железа или серебра, бронзы или золота, в зависимости от достатка мужа, или ожерелья из золота и серебра, их количество зависело также от возможностей и достатка мужа. Самым лучшим украшением у них считались зеленые бусы из фарфора [2, с. 176–177]. Иногда Ибн Фадлана шокирует их поведение, в том числе отношения

между полами, где не было ни скрытости и целомудрия, которые несомненно были одними из важных критериев в его культурно-религиозном обществе, ни того то что касалось чистоты внешней и внутренней, к которой он привык в мусульманской среде. В одном доме могли собираться от 10 до 20 человек, у каждого была своя кровать, где они сидели со своими красивыми спутницами. Один из них мог совокупляться со своей девушкой, а другие смотрели на них. К ним мог заходить торговец и взять одну из девушек для себя: «И не покидать ее пока не удовлетворит свои потребности». Он поражается их пренебрежением понятия «чистота», и несовпадением с понятием чистоты у мусульман: «Они самые грязные творения Аллаха, они не отмываются от нечистот и мочи, от осквернений, не моют руки после еды. Они как заблудшие ослы, приезжают на своих кораблях по Итилю, огромной реке, строят на ее берегах большие дома из дерева» [2, с. 177].

С отвращением он описывает их ежедневные привычки мыть головы и лица грязной водой: когда приходит к ним служанка ранним утром с водой в деревянной миске, она поливает ею господина, чтобы тот вымыл руки, лицо, волосы и голову. Затем он сморкается и плюет в эту воду, а служанка переносит воду с миской к следующему человеку. И так, пока все, кто есть в доме, не помоются.

Ибн Фадлан заметил, что их религия связана с их образом жизни и социальными потребностями, полностью соответствуя этим нуждам. Когда они пришвартовываются на своих кораблях к берегам реки Итиль, они выставляют на продажу свои товары, злаки и меха. Каждый, выходя, берет с собой хлеб, мясо, лук и вино, они направляются к дереву с человеческим лицом, вокруг которого образы маленьких детей, а позади того дерева другое огромное длинное дерево, вырастающее из земли, которое считается у них священным. Один из торговцев подходит к большому изображению, кланяется и молится ему, просит облегчить торговлю и сделать его товар наиболее привлекательным, говоря: «О, мой господь, я пришел из далекого поселения, у меня есть такие и такие злаки, столько-то початков, и такие и такие меха, столько-то шкур». Он перечисляет все что у него есть на продажу и затем говорит: «Я пришел с этим подарком». Оставляет принесенные угощения и уходит. Если же его торговля была не успешной, он повторяет тот же ритуал, но преподносит другое угощение. Также они приносят в жертву барашка или корову, и оставляют его у подножья большого и маленького дерева. Если подходили собаки ночью, они говорили, что «Мой господь доволен и принял мое угощение» [2, с. 179–180].

Ибн Фадлан обратил внимание на меры наказания, которые применялись на их суде. Вора они подвешивали на веревке к широкому дереву за горло, пока порывы ветра и дождя не расслабят ве-

ревку и он не упадет на землю. Если кто-то заболел, они строят для него палатку и оставляют в ней с запасами воды и хлеба, не приближаются и не разговаривают с ним. Если он выздоравливает, то возвращается ко всем, если умирает, его сжигают, а если это подневольный (раб), его оставляют на съедение собакам и хищным птицам.

Ибн Фадлан рисует нам многочисленные образы их дикости, жестокой жизни в постоянных войнах, поверхностное отношение к правилам приличия, насилие по отношению к женщинам. Князь русских находится в окружении четырехсот мужчин, храбрых товарищей, которым он всецело доверял: «У каждого из них есть служанка и невольница для интимных отношений, они сидят под кроватью своего господина, украшенные различными драгоценностями. А рядом с князем сидят у его ног сорок наложниц, с одной из них он мог вступать в интимные отношения в присутствии своих товарищей. Он не спускался со своей кровати, даже для выполнения своих естественных потребностей, ему приносили таз. У него был приемник, который исполнял роль главнокомандующего, вел сражения с врагами и контролировал подданных» [2, с. 188].

Ибн Фадлан приводит на страницах своих длинных рассказов истории, оставившие у него неизгладимое и противоречивое впечатление. Бесконечные странности кажутся для него таковыми, потому что их не с чем сравнить в своей культуре, поэтому они шокируют.

Он слышал, что русские проводят странные обряды после смерти их князей, например сжигают их. Он хотел воочию увидеть этот процесс и посетил погребение одного из известных благородных людей. В его описании присутствуют глубокие чувства от увиденного легендарного, болезненного, величественного действия, происходящего прямо перед ним, его захватывают удивление, сочувствие и печаль. Обычно они кладут не знатного, бедного человека в маленькую лодку и поджигают ее. Что же касается богатых людей, они делят его богатства следующим образом: треть для родных, треть для того, чтобы пошить для него одежду, и последняя треть – на вино, которое пьют в день, когда убивает себя невольница и погребается вместе с ним. Сначала умершего кладут в могилу, до тех пор, пока шьют для него одежду и спрашивают наложниц, кто умрет вместе с ним? Когда одна из них соглашается, назначают двух других подготовить ее к этому благородному событию, проводят это время за распитием вина и днем, и ночью, возможно даже в это время умирал кто-то с бокалом в руках. Когда настал день сжигания мертвеца и его наложницы, Ибн Фадлан подошел к реке, где находился корабль для погребения, мужчины подошли с кроватью, занесли на корабль и разложили на ней подушки, римскую парчу и

т.д... Женщина преклонного возраста, которую называли королевой смерти, расстелила ложе на кровати, после этого перенесли мертвеца из могилы на корабль, надели на него новую одежду и занесли под купол, посадили его на подушки. Рядом поставили вино, фрукты и ароматные растения; хлеб, мясо и лук поставили перед ним, окружили оружием, двумя вьючными животными, двумя коровами, петухом, курицей, которую разрезали и раскидали мясо по лодке. Наложница, которая подготовила себя для смерти, прошла между сводами, где лежали мужчины, напутствуя ее словами: «Скажи своему господину, что сделала это от своей любви к нему». Интимные отношения, посвященные смерти, в этом случае растворяются с желанием остаться в вечности. Ибн Фадлан не перестает выдавать детали: они приводят наложницу, неся на плечах, к входу на корабль три раза, соблюдая церемонии. В первый раз она говорит: он как мой отец и мать, во второй раз: я вижу всех моих близких умершими, сидящими здесь, и в третий раз: вот он, я вижу моего господина, сидящим в раю. Что, в свою очередь, является хорошим признаком возвышенного перехода из бренности жизни в вечное состояние присутствия в раю с ее господином. Ее вносят на корабль, и наступает очередь старухи, олицетворявшей смерть и играющей, по мнению Ибн Фадлана, роль мудреца и священного шамана. В ее обязанности входит убийство наложницы и устройство ее на корабле. «Смерть» дает наложнице кубок с вином, последняя берет его и выпивает, затем заходит под шатер, где находится ее господин, туда входит также шестеро мужчин, которые совершают с ней половой акт и кладут рядом с ее господином. Старуха связывает шею наложницы веревкой и отдает два конца веревки мужчинам, которые натягивают ее, затем «королева смерти» вонзает в ее ребра кинжал, пока та не умрет. Мужчины снаружи бьют в щиты, чтобы заглушить шумом крики наложницы. Все это необычное и ужасное действие заканчивается поджиганием корабля родственниками погибшего. Затем каждый желающий может бросить горящую доску, чтобы разжечь доски на корабле, затем начинает гореть шатер, мертвец, наложница и все что на корабле. На месте корабля они возводят огромную доску, пишут на ней имя человека или имя русского князя и расходятся [2, с. 181–186].

Этот рассказ об увиденном своими глазами на церемонии захоронения путем сжигания у древних русских народов и славян, которое наблюдал и описал путешественник, по его словам, присутствовал у славян и тюрков. Возможно, этот обычай с кораблем пришел из стран Скандинавии, он также упомянул, что музыкальные инструменты присутствовали в традиции шведов и славян. Но вынужденная кончина женщины была присуща многим нациям, например эстонцам, тюркам, монголам, булгарам, германам, славя-

нам. Захоронение мертвого человека в сидящем положении было распространено в Средней Азии, а захоронение вместе с ним личных вещей было распространено у славян, болгар и тюркских племен. Королева смерти похожа у них на богиню смерти Хель в германских (скандинавских) племенах [3, с. 100].

В этих подробных рассказах Ибн Фадлана перемешались чувства горечи и жалости ко всему происходящему прямо перед ним, а также чувства ошеломленности и изумления. Здесь перед нами столкнулись два культурных устоя, и если даже эти обряды, по мнению Ибн Фадлана, мусульманского ученого-факиха проходили неверно, он все равно исходил из разумных побуждений, описывая увиденные действия. Эти расхождения в ценностях и основных источниках знаний он не забывает упомянуть, рассказывая читателю, как между ним и одним из русских происходил следующий диалог через переводчика в то время, когда они наблюдали как сгорает корабль. Русский ему говорил: «Вы, общество арабов, глупые!» Ибн Фадлан спросил: «И почему же?» Русский ответил: «Вы относитесь к самому своему любимому и уважаемому человеку неподобающе, закапывая его в землю, которая поглощает его вместе с червями и насекомыми. Мы же сжигаем и он тотчас попадает в рай в свое время». Русский посмеялся от всей души после этих слов. Ибн Фадлан спросил причину его безудержного смеха. Он сказал: «От любви господ к его рабу (имеется в виду к мертвому), он направил ветер, чтобы забрать его своевременно» [2, с. 186].

Конечно, подобный диалог не сблизил их и не увеличил взаимопонимание между ними. Но русский был очень счастлив и взволнован тем, что Бог явился к нему, в то время как Ибн Фадлан был глубоко поражен и опечален увиденным невообразимым и приносящим душевную боль событием. Первый видел в происшествии мост для рабов к бесконечности, второй же видел в этом лишь мощь, сочетающуюся с неразумной и невероятной болью.

Хазары

К моменту встречи с Ибн Фадлана с хазарами, арабы уже были достаточно хорошо знакомы с этим народом. В ответ на исламское давление со стороны Аббасидов и христианское давление со стороны Византии, основная часть общества выбрала в качестве основной религии – иудаизм. Политические и миссионерские попытки Византии навязать христианство провалились [7, с. 351]. Эта страна приняла иудаизм в эпоху Харуна Рашида, и продолжала борьбу с исламом, вместе с Византией, пока та не распалась.

У арабов не было единого мнения относительно происхождения хазар, некоторые арабские исследователи, согласно информации об их религиях и политических институтах, считали их схожими с ту-

рецкими народами [8, с. 74]. Что касается Ибн Фадлана, он относит хазар к тюркским народам, концентрируясь при их описании на политических аспектах, обращая большее внимание на правителя, его обязанность, традиции, чем на информацию о ежедневной жизни хазар. Верховного правителя у них называли Хаканом или Великим хаканом (каганом). Он не появлялся перед обществом чаще, чем раз в четыре месяца. У него был приемник или заместитель, которого называли «Хаканбихи», управлявший армией, ведущий дела государства. Он высказывал все признаки повиновения Великому хакану и мог заходить к нему лишь скрытно, держа в руках перед собой горящий факел. Хаканбихи мог сесть лишь справа от кровати, в сопровождении так называемого Кандер хакана, который, в свою очередь, был преемником человека по имени Джаушигр [9, с. 143].

Если Великий хакан (Великий каган) умирал, для него строили огромный дом над рекой и возводили там могилу, говоря, что это делается для того, чтобы ни нечисть, ни люди, ни черви, ни насекомые не могли до него добраться. Схоронив правителя, мужчин, которые участвовали в процессе, убивали ударом в шею, чтобы место захоронения вдруг не раскрылось. У хазарского кагана было 25 жен, и все они были дочери соседних правителей. Если он ездил верхом, вместе с ним ездил войско. Если кто-то встречался на его пути, тотчас же кланялся кагану. Период его правления составлял сорок лет. Если каган достигал этого срока, подданные его убивали, боясь, что он потеряет рассудок и трезвость ума.

Ибн Фадлан обращал внимание на храбрость войска хазар. Если каган отправлял отряд, они не спрашивали о причинах боя, даже если ради победы все войско могло погибнуть. Если командующие или преемники кагана были побеждены, то вся их семья, состоящая из жен, детей, вместе с верховыми животными, оружием, домами и другими вещами передавались правителю, он мог их казнить. Город кагана хазар располагался по обе стороны реки Итиль. На одной стороне жили мусульмане, на другой – каган и его дружина. Мусульман возглавлял назначенный правителем главный мужчина-мусульманин. Были также общины христиан, язычников. Хазары создали плюралистическое общество, в котором правила элита, состоящая из иудеев [2, с. 91–94].

Ибн Фадлан во время своих долгих странствий получил отличный культурологический урок, который он выразил в следующих словах: «Во-первых, люди в определенном месте думают, что их обычаи достаточно хороши, намного лучше, чем обычаи других народов. Во-вторых, они считают, что любой чужестранец, мужчина или женщина, уступают им в любом отношении, кроме размножения» (т. е. общее между ними только размножение).

Ибн Фадлану было суждено пересказать нам с первых уст все, что он увидел в странах славян, тюрков, хазар (на юге современной России). Через его наблюдения нам представилась возможность увидеть мир глазами араба-мусульманина в Средние века. С одной стороны, Ибн Фадлан, родившийся в Багдаде – мегаполисе средневекового периода – имел представление о культурном разнообразии различных человеческих обществ, которые формировали государство исламского халифата. С другой стороны, важнейшее место в его картине мира занимала тема религии, повлиявшая на формирование общей оценки другого общества с точки зрения арабо-мусульманского видения. Ибн Фадлан акцентировал внимание на вещах, которые были особенно важны в исламе, например вера в единобожие, неверие в бога (язычество), народы единобожных религий (ислам, христианство, иудейство), церемонии поклонения, бракосочетание, разводы, положение женщин, нормы интимных отношений, похоронные обряды, не забывая при этом другие социальные аспекты жизни встреченных им народов.

Список литературы

1. Крачковский И. Ю. История арабской географической литературы / пер. Салахетдина Османа. Первая часть. – Каир: Управление культуры ЛАГ, 1957.
2. Сами Ад-Дахан (редакция и представление). Рисаля Ибн Фадлан. Миссия Ибн Фадлана. Ахмад бен Фадлан бен Аббас бен Рашид Бен Хамад. – Т. 2. – Дамаск: Дирекция восстановления арабского наследия, Министерство культуры, 1978.
3. Мигель А. География Дар аль-исламаль-башария / пер. Ибрагима Аль-Хаури. – Ч. 2. – К. 2. – Дамаск, 1985.
4. Хамида А. Выдающиеся арабские географы. – Дамаск: Дар аль-Фикр, 1984.
5. Ибн Фадлан. Путешествие Ибн Фадлана / сост., пер. и изд. Гайба Хайдар Мухаммед. – Бейрут: Международная ассоциация писателей, 1994.
6. Сафир Аль-Башир. География у арабов, изданное и развитие. – Бейрут: Дараль-арабаль-ислям, 1984.
7. Ренземан С. Византийская цивилизация / пер. Давид Абдельазиз. – Каир: Тауфик, Библиотека «Нахдааль-мисрия», 1961.
8. Николь З. География и путешествия у арабов. – Бейрут: Ахлия, 1962.
9. Азиз А. Арабы и береберы. – Лондон: ДарАр-раис, 1991.

References

1. IgnatiiYulianovichKrachkovsky, History of Arabic Geographical Literature, translation of Salahetdin Osman, Department of Culture of the Arab League, First part, Cairo, 1957.
2. Sami Al-Dahan: (editorial and presentation) RisalyaIbnFadlan, IbnFadlan Mission, Ahmad bin Fadlan ben Abbas bin Rashid Ben Hamad, Directorate for the Restoration of the Arab Heritage, Damascus, Volume 2, Ministry of Culture, Damascus, 1978 year.

3. Andre Miguel, Geography of Dar al-Islam al-Basharia, Part 2, Book 2, translation of Ibrahim Al-Khauri, Damascus, 1985.
4. Abdurrahman Hamida, Outstanding Arab geographers, Dar al-Fikr Publishing House, Damascus, 1984.
5. Ibn Fadlan, The Journey of IbnFadlan, compilation, translation and publication Gaybah Haydar Mohammed, International Writers' Association, Beirut, 1994.
6. Safir Al-Bashir, Geography of the Arabs, published and development, Daral-Arab al-Islami, Beirut, 1984.
7. Stefan Renzemann, Byzantine civilization, translation by David Abdelaz-izTaufik, Library "Nahda al-Misriya", Cairo, 1961.
8. Ziad Nicole, Geography and travels among the Arabs, "Ahlia" publishing house, Beirut, 1962.
9. Alzuma Aziz, Arabs and Beriber, DarAr-Rais, London, 1991.

С.С. Михайлов

Чистильщики обуви в советских художественных фильмах 1950–1980-х гг. глазами этнолога

Городская бытовая культура, городская этнография является интереснейшей темой для изучения повседневной жизни населения. Одним из моментов в отображении элементов бытовой культуры советского времени является демонстрация их в кадрах художественных фильмов. В XX столетии в Москве, Ленинграде, многих других городах России существовало оформленное в виде структуры городской службы быта занятие чисткой обуви, монополизированное представителями ассирийской диаспоры. Особенно много специализированных мест для нее существовало в Москве. Если мы внимательно посмотрим кадры, снятые на улицах Москвы и некоторых других городов, то увидим, что находившиеся в большом числе, например на московских проспектах, места работы чистильщиков обуви попадали в объектив камеры крайне редко. Фильмов, где авторы сознательно помещали в кадр, в «массовку», палатку чистильщика обуви и, тем более, делали ее неотъемлемой частью эпизода, крайне мало. Киношедевров, в которых в эпизодах чистильщики обуви очно или заочно принимают непосредственное участие, вообще насчитываются единицы. По нашему мнению, место, которое данный промысел и устроенные для него места занимают в художественных произведениях, отчасти соответствует тому, каковое оно занимало в бытовой жизни и представлениях современников на примере некоторых фильмов 1930–1980-х гг.

Ключевые слова: чистильщики обуви, ассирийцы, палатка, фильм, кадр, эпизод, книга, произведение, городская культура, актер, режиссер, горожане.

S.S. Mikhailov

Shoeshiners in Soviet feature films of the 1950s-1980s through the eyes of ethnologist

Urban consumer culture, urban Ethnography are the most interesting topics for studying the daily life of the population. One of the moments in displaying the elements of everyday culture of the Soviet period is their demonstration in the frames of feature films. In the 20th century in Moscow, Leningrad and many other cities there was organized in the structure of the urban household service occupation of Shoe cleaning, monopolized by representatives of the Assyrian Diaspora. Especially a lot of shoeshiners existed in Moscow. If we look closely at the films footage shot on the streets of Moscow and some other cities, we will see that existing at that time large number of kiosks of cleaners of footwear extremely seldom got to a shot. There are

very few films in which authors would deliberately put in the episodes a kiosk of shoe cleaner and even more would make it an inherent part of the episode. Films, in which episodes the shoeshiners in person or in absentia are directly involved, actually are the few. According to the author of the article, the place, which this specialization and the places arranged for its occupation took in the works of art, corresponds to the place they occupied in household life and representations of contemporaries. The author tells about this on the example of films 1930s-1950s.

Key words: shoeshiners, Assyrians, booth, film, frame, episode, book, work, urban culture, actor, producer, townspeople.

Интересным источником по изучению городской повседневности, городской этнографии являются произведения, которые, с одной стороны, являются авторским вымыслом, но, как правило, придуманные сюжеты были подсмотрены в реальной жизни или автором киносценария или произведения, по которому снят фильм, или же самим режиссером или кем-то из его окружения. В литературных произведениях и художественных фильмах часто можно найти моменты, которые оказываются интересными с этнографической точки зрения и, учитывая художественность сюжета, могут быть интересны специалистам по бытовой культуре, этнографическим особенностям тех или иных этнических, социальных групп. Книги, написанные современниками отражаемых в них событий, фильмы, снятые по ним или иным сценариям, созданные авторами, которые вполне могли бы оказаться рядом с героями, во многом отражают отношение в обществе того или иного периода к тем или иным элементам культуры, их место в бытовой жизни людей, их представлениях.

Одним из интересных моментов в городской культуре XX столетия, который присутствовал и во многих крупных, и даже в небольших городах, были рабочие места, т. н. «стоянки» или «точки» чистильщиков обуви. Казалось бы, подобный промысел существовал на определенном этапе истории или существует до настоящего времени в большинстве стран мира, однако в России и ряде стран бывшего СССР он имел интересную этнографическую окраску и с 1920-х гг. был навязан властями одной из этнических диаспор, а именно – беженцам-ассирийцам, прибывшим в Россию в годы Первой мировой войны из Ванского вилайета Турции. Мы уже обращались к теме роли промысла чистильщиков обуви в исторической памяти жителей городов Центральной России [1, с. 140–155]. В этой же работе хотелось бы поговорить об этом ушедшем промысле XX столетия, коснувшись некоторых моментов из советских художественных фильмов, вышедших на экраны в 1950–1980-х гг.

К сожалению, существует не так много старых фото и открыток городов России и Украины, на которых в кадре можно было бы

найти места работы чистильщиков обуви, узнаваемые небольшие палатки, внешний облик которых менялся в зависимости от периода. Чаще всего такие фото встречаются в домашних архивах ассирийских семей, к которым принадлежали сами чистильщики, или же каких-то их знакомых. На почтовых открытках с видами, к примеру Москвы, в историческом центре которой еще в 1960–1970-х подобных объектов было достаточно много, мы редко можем их заметить. Складывается впечатление, что фотографы специально избегали попадания их в кадр. Там, где известно, что «стоянка» чистильщика обуви существовала непрерывно с 1920-х по 1980-е или даже 1990-е гг., ее место оказывается скрытым за проезжающим транспортом или вообще не попадает в кадр. Специально сфотографировали палатки и их сотрудников очень немногие авторы. Одним из примеров, который без особого труда можно обнаружить в Интернете, является фото ассирийца дяди Гриши, работавшего на Пушкинской площади возле магазина «Армения». Его мы видим, к примеру, в книгах Юрия Роста [2, с. 39–40; 3, с. 4]. Ассирийца дядю Гришу (иногда знакомые с ним заочно его называли дядей Мишей) знали многие, но, в основном это были москвичи других национальностей – старожилы-ассирийцы рассказывали автору этих строк, что с соплеменниками он поддерживал весьма слабые отношения.

Возможно, авторы идеологических фото с изображением показательной витрины советского образа жизни сознательно избегали попадания на свои снимки таких объектов. Чистильщик обуви в советской жизни – не токарь, не металлург, не колхозник, стахановец или какой-либо еще показательный советский труженик. Работники «стоянок» с официальной точки зрения той эпохи – кустари. Этот промысел не вписывался в идеологию «государства рабочих и крестьян» и, хотя чистильщики обуви, например в Москве, были объединены в артель «Московский чистильщик», а потом в «фабрики» службы быта, фактически они были сродни индивидуальным предпринимателям и их реальный заработок было весьма сложно отследить. Фактически это была примета, скорее, «проклятого капитализма», нежели правильного советского образа жизни и кажется удивительным, что данному промыслу позволили так долго существовать, а не прикрыли вместе с НЭПом. Как и сам факт того, что в Советском Союзе официально существует столь унижительная профессия, и строителям коммунизма, не парализованным, полным сил и энергии прямо на улицах кто-то чистит штиблеты, по идее, был антисоветским.

Еще одним источником иллюстративного материала, помимо открыток и иных фото, где можно увидеть палатки или более ранние стационарные объекты чистильщиков обуви, является отечественный кинематограф. Но и здесь обувные палатки не только крайне

редко оказывались в эпизодах или упоминаются кем-то из героев, но вообще весьма мало попадают в кадр во время съемок на улицах и площадях Москвы и других городов. При визуальном знакомстве с уличными моментами в фильмах, снятых в рассматриваемый период, легко можно убедиться в этом. Касательно обувной темы, или режиссеры весьма поверхностно знали городскую этнографию, или же в силу тех же идеологических причин не имели возможности ее использовать при создании своих произведений. Кстати говоря, общаясь с московскими ассирийцами-старожилами, чьи родители или они сами работали на «стоянках» в центре Москвы, возле театров или домов, где жили знаменитости, часто можно было слышать рассказы о знакомствах чистильщиков с театральными или киноактерами, писателями или иными известными людьми, но среди этого «бомонда» никто ни разу не назвал ни одного кинорежиссера. Да и в отечественной литературе крайне редко можно найти сюжет с присутствием рабочего места чистильщика обуви и трудящегося на нем смуглого работника. Наверное, самым известным эпизодом здесь можно назвать «самого коричневого, самого носатого ассирийца» с угла Тверской и Камергерского у Ильфа и Петрова [4, с. 166–167].

Издавшие в 1990 г. книгу по истории и этнографии ассирийского народа А.К. Матвеев и К.П. Матвеев проигнорировали многие сюжеты с пусть даже почти всегда безмолвным участием ассирийцев, о которых мы поговорим ниже [5, с. 128–129].

Мы намерены упомянуть интересующие нас моменты всего в нескольких фильмах, снятых в СССР в 1950–1980-х гг. Частота и форма демонстрации мест работы чистильщиков обуви в художественных фильмах есть определенный индикатор их места в бытовых представлениях горожан того времени, когда снимался фильм. Мы поговорим о таких сценах, сопоставляя их с литературными произведениями, по которым снимались фильмы, а также покажем эти сюжеты глазами этнолога, изучающего чистильщиков обуви этого времени в контексте городской культуры, городской этнографии.

В принципе, можно было бы начать разговор с фильма, вышедшего ранее рассматриваемого периода, с картины «Девушка спешит на свидание» (1936). Там присутствует и весьма колоритный молодой чистильщик обуви (актер Михаил Розанов), более похожий на кавказца, нежели на ассирийца, с которым общается один из двух главных героев – Николая Николаевича Гурова (Михаил Ростовцев), который и подменяет чистильщика на какое-то время на рабочем месте. В фильме из уст, сначала чистильщика, а затем и Гурова, звучит коротенькая песенка «Черные почистим, белые почистим...», сочиненная Исааком Дунаевским, писавшим музыку для фильма. К сожалению, чистильщик из этой картины является фактически одним из двух представителей этой профессии (если не

считать персонажа Г. Данелия, говорящего всего одну фразу, о котором мы поговорим ниже), кто снят в эпизодах фильма как полноценный участник действия, а не человек их массовки.

Наверное, одна из самых ярких сцен с участием восточного вида чистильщика обуви знакома всем, кто хоть раз смотрел знаменитый фильм «Максим Перепелица», 1955 г., эпизод, когда главный герой, отлынивая от чистки картошки в наряде, покидает территорию части и, увидев закрытые двери соседнего гастронома, ищет рынок, чтобы купить там халву, обещанную сослуживцам, согласившимся нести за него положенные обязанности по чистке картошки, взамен за принесенную ту самую халву, якобы присланную ценящими солдата земляками. Солдат Максим Перепелица, прекрасно сыгранный тогда еще молодым Леонидом Быковым, пытаясь выяснить дорогу до рынка, подходит к чистильщику обуви, сидящему на своем рабочем месте, у стационарного «шкафа», каковые с конца 1920-х и по 1950-е гг. стояли в Москве и многих других городах России и Украины, где проживали небольшие ассирийские диаспоры и существовал такой промысел. Чистильщик живо, но малопонятно объясняет дорогу. Здесь, кстати, момент однозначно взят из жизни – ассирийцы, работавшие в подобных местах, часто объясняли дорогу так подробно, что иной человек путался в подробностях.

Если же мы посмотрим на саму повесть Ивана Стаднюка, по которой был снят одноименный фильм, и найдем там соответствующую главку, именуемую «Кило халвы», то указанный эпизод там выглядит несколько по-иному. Максим покидает самовольно территорию части, оказывается у закрытого гастронома, где намеревался приобрести халву, обращается «...к чистильщику обуви, который рядом сидит, эдакому смуглому белоусому старику...», дабы выяснить, где купить халву. Чистильщик, конечно же с восточным акцентом, пытается, вместо халвы навязать свои профессиональные услуги. Когда Максим отказывается от чистки сапог, старик просто посылает его на рынок, который «второй квартал направо», без колоритного, сбивающего с толку объяснения дороги, кое мы видим в фильме [6, с. 414]. Так, если чистильщик как персонаж мог быть подсмотрен И. Стаднюком где-то на улице одного из городов (возможно, писатель часто или даже эпизодически пользовался его услугами), то персонаж из сцены с самоволкой главного героя был взят из бытовых наблюдений режиссера или кого-то из его окружения, кто мог поделиться впечатлениями об объяснении дороги, которые были получены при обращении к случайному ассирийцу, оказавшемуся рядом в момент поиска нужного дома или иного места.

Еще один примечательный эпизод, с участием представителя рассматриваемой профессии, мы знаем по фильму Г. Данелия «Я

шагаю по Москве» (1963). Двое героев фильма, Коля (Никита Михалков) и Володя Ермаков (Алексей Локтев) ожидают своего приятеля Сашу Шаталова, которого играет Евгений Стеблов, возле ЗАГСа, где тот должен жениться. Идет дождь, и молодые люди находятся в деревянной палатке чистильщика обуви. В образе чистильщика обуви, опять же восточного человека, перед нами предстал сам автор фильма – кинорежиссер Георгий Данелия. Мы знаем, где снимался эпизод – у доньине существующего московского ЗАГСа в доме № 44 по Ленинскому проспекту. Об этом можно без труда найти информацию в Интернете, однако сложно сказать, стояла ли палатка чистильщика рядом с этим местом, или же автора фильма с молодыми актерами сняли в другом месте или в павильоне «Мосфильма», а потом вставили в сцену на улице – этой информации нет нигде.

Этнический грузин Г. Данелия, садясь в эпизоде в обувную палатку, наверняка мог знать этнографические подробности, связанные с этим промыслом – не столь многочисленные в то время в Москве восточные люди были весьма хорошо осведомлены и о других диаспорах. Автор фильма «Я шагаю по Москве» не мог не знать о том, представители какого этноса трудятся в палатках чистильщиков. Выбор появиться в эпизоде в образе труженика такого трудового фронта у него также однозначно был сознательным. Скорее всего, на него смог повлиять какой-то известный создателю картины персонаж. К сожалению, в книге Г. Данелия, в той части, которая рассказывает о съемках указанного фильма, ни про данный эпизод, ни про участие в нем самого режиссера, не сообщается вообще ничего [7, с. 234–253].

Интересный эпизод мы помним и по фильму «Ошибка резидента» (1968). Дембович (Олег Жаков) и Бекас (Михаил Ножкин) проходят мимо небольшой палаточки чистильщика обуви. В палатке сидит актер Николай Граббе, играющий Виктора Круга, над ботинками которого трудится работник данного заведения. Когда два персонажа фильма проходят, Круг быстро встает и идет за героем Ножкина, а попрощавшийся с последним Дембович возвращается к палатке и садится в нее. Связан ли, по мнению создателей фильма, чистильщик с шпионами и предателями Родины, нам не сообщают. К сожалению, в эпизоде сотрудник палатки показан мельком, только со спины – камера наведена на высокое клиентское сидение, где во время эпизода сменяют друг друга два указанных актера. В книге, по которой снят известный фильм, никакая палатка чистильщика не упомянута [8, с. 96–98], да и сама сцена взята не с ее страниц, а является идеей создателей фильма – режиссера Вениамина Дормана и его помощников.

Еще один известный кадр с палаткой чистильщика обуви есть в фильме Эльдара Рязанова «Служебный роман» (1977). Когда в начале фильма нам, якобы со слов главного героя Новосельцева, представляют некоторых персонажей, в том числе Ольгу Петровну Рыжову (Светлана Немоляева), то показывают ее дорогу из подмосковного пригорода на работу. Здесь есть и кадр с общим видом пригородных перронов Ярославского вокзала, куда приходит электричка данной героини. Фактически на первом плане здесь видна пара киосков, среди которых бросается в глаза и небольшая палатка с надписью «Чистка обуви». Если в предыдущих фильмах, ранних по времени, мы имеем дело с деревянными киосками чистильщиков, то на сей раз перед нами пришедшая им на смену железная палатка образца первой половины 1970-х гг., каковые можно было часто увидеть в центре и даже на окраинах города до 1997 г., когда в год 850-летия Москвы на их место поставили другие киоски, а последние были убраны только в 2007 г. От ассирийцев-старожилов нам известно и имя работавшего на той «стоянке». Это весьма примечательный и заслуженный человек – один из двух представителей этого народа в СССР, кто в годы Великой Отечественной войны был удостоен звания Героя Советского Союза – Ладос Шириншаевич Давыдов.

Палатки чистильщиков обуви убрали с перронов московских вокзалов к Олимпиаде 1980 г. «Точки», как правило, переносили на ближайшие улицы, не всегда людные и, следовательно, выгодные. Но, столь заслуженного человека не могли выкинуть куда-то на Новорязанскую или еще какую-либо улицу, а перенесли его рабочее место на небольшую площадь рядом с вокзалом, на которой до сих пор возвышается небольшой памятник В.И. Ленину, вблизи перронов поездов дальнего следования, и поставили возле дома № 1 по Краснопрудной ул. О Ладос Давыдове изредка писали корреспонденты советских газет и небольшая глава, именуемая «Добрый человек у Трех вокзалов», о нем опубликована в книге журналиста Николая Черкашина «Городских дел мастера», вышедшей в 1982 г. [9, с. 120–127].

Во время показа этой сцены в фильме видно, как в палатке встает и что-то делает какой-то человек. Это не работник «точки» – в этих палатках место чистильщика, как правило, располагалось справа, а неизвестный персонаж поднимается слева, с клиентского сидения. Скорее всего, это или простой посетитель, обратившийся к Давыдову с какой-то проблемой, связанной с обувью, или кто-то из многочисленных знакомых этого известного ассирийца. Последнего знали весьма многие и часто отцы приводили к нему детей для своеобразных «уроков мужества», дабы сыновья могли лично пообщаться с живым героем. Однако мы не думаем, что создатели

фильма были знакомы с Давыдовым и посему сняли его палатку в кадре. Если бы это имело место, то она не просто оказалась в кадре, будучи снятой сверху, со здания Ярославского вокзала, а ее нам показали бы гораздо ближе и сделали так, чтобы был хорошо виден и сам ее работник.

В знаменитом детективном сериале «Следствие ведут знатоки», в серии, которая называется «Шантаж» (1972), анонимные чистильщики обуви упоминаются два раза. В первый раз, во время разговора с Зинаидой Яновной Кибрит о ювелирах, устами следователя Михаила Токарева (актер Анатолий Грачев), работающего вместе со «знатоками», приводится пример некоего чистильщика обуви, ставшего ювелиром. Второй раз, когда уже следственная группа вышла на след посредника «чистодола» (актер Валентин Абрамов), среди выявленных лиц, с кем тот общался за последнее время, упомянуто, что удалось выяснить, у кого он недавно чистил обувь. Имени чистильщика не называют, иначе мы бы имели представление о том, осведомлены ли об истинной этнической принадлежности работников подобных мест авторы сериала, или же зрителям было бы представлено что-то из городских фольклорных версий, типа грузин, армян или выходцев из иных народов. В произведении О. и А. Лавровых, по которому снят фильм, никаких моментов в соответствующих фильму местах, связанных с упоминанием чистильщиков обуви, нет [10, с. 207–209, 250]. По какой причине режиссер Вячеслав Бровкин вставил в свое произведение упоминание о чистильщиках, можно объяснить только какими-то событиями или личными знакомствами режиссера или его окружения. Относительно чистильщика обуви, ставшего ювелиром, автору за двадцать пять с лишним лет изучения московской ассирийской диаспоры о таком случае слышать не доводилось, но известен случай, когда появилась целая династия ювелиров в одной из ассирийских семей. Эти ювелиры никогда не были чистильщиками, а сразу были ориентированы на эту профессию, получив для этого необходимое образование, однако старшее поколение этой семьи, попавшее в Россию беженцами, не прошло мимо обувной специализации.

Поскольку речь зашла о сериале, посвященном «знатокам», то можно вспомнить и серию «Подпасок с огурцом» (дело №14, вышла в 1979 г.). Томин приезжает на Ленинградский вокзал, выходит на привокзальную площадь, и его, в форме майора милиции, видит один из злоумышленников, художник Цветков (актер Владимир Анисько), до этого видевший «знатока» как «гостя с юга Сашу», во время творческого сборища на квартире Боборыкиных. Отрицательный персонаж замечает сотрудника милиции тогда, когда проходит мимо палатки чистильщика обуви с типичными вывешенными шнурками и желтыми занавесками. У Ольги и Александра Лавровых в самом

произведении палатка чистильщика в месте, где Шурик выходит из вокзала и его замечает Цветков, также не фигурирует [11, с. 339]. Скорее всего, с ее «участием» в сцене определились уже на месте съемки эпизода.

Еще два момента с чистильщиком обуви в одном случае, а во втором – с сапожной палаткой, мы видим в первой серии фильма «Место встречи изменить нельзя». В самом начале, еще не пришедший на свою новую работу на Петровку Шарапов (В. Конкин), проходя по улицам Москвы, чистит обувь у уличного чистильщика, который, как ни странно, чисто русского облика. Здесь мы имеем дело с авторским вымыслом, поскольку в то время, во-первых, как рассказывают старожилы, нельзя было встретить уличного чистильщика, который приходил в Москве на «точку» только с ящиком и щетками – на улицах уже давно стояли стационарные шкафы, из которых выдвигались сидения для работника и клиента и в которые убирались все необходимые атрибуты и товар. Именно эти шкафы и стали заменять на первые деревянные палатки. Долгие десятилетия на «стоянках» сидели почти исключительно ассирийцы, иногда там могли работать русские или представители других национальностей, состоявшие с ассирийцами в браке. Например, у Ильинских ворот, напротив Политехнического музея, после Великой Отечественной войны работала русская женщина – вдова ассирийца, погибшего на фронте.

Чистильщиками обуви после войны могли стать какие-то заслуженные люди других национальностей, кого городские власти могли устроить в эту монополизированную ассирийцами отрасль. Известен случай, когда во второй половине 1940-х Моссовет распорядился выделить «стоянку» для фронтовика, в результате серьезных ранений ставшего инвалидом, караима по национальности, которого звали Соломон Катык. Этот человек ранее неоднократно был избран депутатом районного и городского советов и считался достаточно заслуженным. После ранения, когда Катык еле-еле смог выжить, соплеменники-караимы между собой именовали его «депутатом совета с того света», и для него чистка обуви была одной из немногих профессий, которой он мог физически заниматься. Его «точка» находилась на площади Рижского вокзала, у дома на углу 1-й Мещанской улицы (нынешнего проспекта Мира). Как фронтовик, прошедший фактически через ад, Соломон Катык после войны много выпивал и регулярно уходил с рабочего места в ближайшую рюмочную. Однажды, уже в начале 1950-х гг., возвращаясь из этого заведения, он попал под троллейбус. Информация была получена в 1995 г. от старейшей московской караимки, Тамары Сергеевны (Саадьевны) Бабаджан, урожденной Ельяшевич (1917–2015). В 1990-х гг. о Катыке помнили и старожилы-ассирийцы, которые имели отноше-

ние к артели «Московский чистильщик» или чьи родственники работали где-то поблизости от караима.

Русский мальчишка-чистильщик показан во второй новелле, «Забавное приключение» в фильме Л. Гайдая «Не может быть» (1975), где он чистит обувь на улице герою О. Даля. В Москве, например, русские чистильщики, дети и подростки, вдруг разом появлялись на улицах города в самом конце 1920-х гг., скорее уже в 1930-м, но очень быстро исчезли, также быстро, как и возникли [12, с. 85]. Подробностей мы не знаем, и было ли это появление инициативой московских городских властей, или же на закате НЭПа мальчишек попытался организовать кто-то из предпринимателей, неизвестно. Но данная попытка быстро сошла на нет или же под давлением «Союза ассирийцев», плотно взаимодействовавшего с коммунальными властями, детская конкуренция выходцам с Востока была устранена сверху.

Однако новелла частично снималась в Астрахани, возможно, авторы фильма также подразумевали в своем произведении какой-то большой южный город, а неизвестно какая ситуация была в южных городах, где, за исключением Ростова-на-Дону, Краснодара и еще небольшого числа городов, диаспоры ассирийцев были не такие уж большие, чтобы охватить собой весь рынок данного профиля. По сюжету рассказа мы вообще не понимаем, где происходят события рассказа, скорее всего, Зощенко подразумевает Москву [13, с. 833–839]. Гайдай же, судя по всему, поместил в новеллу мальчишку-чистильщика (в силу определенной традиции в восприятии представителя такого ремесла) как несовершеннолетнего персонажа, известного по европейским, американским и иным сюжетам. Герой же Даля, идущий к любовнице, конечно же, должен быть на высоте в плане своего внешнего вида и обязательно в порядке должна была быть и его обувь.

Но вернемся к фильму «Место встречи...», ко второму моменту, связанному с обувным объектом. В сапожной палатке, установленной во время съемок на Чистых прудах, Шарапов и Жеглов сидят в засаде, когда приехавший из Ярославля Василий Векшин, изображая представителя небольшой шайки, должен встретиться с настоящим бандитом и погибает от его заточки. Работника палатки мы в кадре не видим. Сама палатка своим видом напоминает те, которые поставили в Москве уже в 1970-х гг., но в 1945 г. в Москве такой точно не было. По рассказам ассирийцев-старожилов, с которыми нам довелось общаться в 1990-х гг. и которые прекрасно помнили, как выглядели «стоянки» в тот период, палаток еще не было вовсе, а стояли все те же «шкафы». Для тех, кто разбирается в подобных объектах, это может считаться очередным «киноляпом». В книге братьев Вайнеров, в указанной сцене, палатка чистильщика упоми-

нается, но как заколоченная доской и стоящая за москательной лавкой, за которой, собственно, и прятались герои произведения [14, с. 10].

Можно также привести и эпизод в массовке в фильме «Застава Ильича» (1964 г., другое название – «Мне двадцать лет») режиссера Марлена Хуциева, где на заднем плане показаны деревянная палатка и ее работник, типичной ассирийской внешности, реализующий прохожей некий мелкий сопутствующий товар (который невозможно рассмотреть по причине слишком малого размера, судя по всему это или подковки для каблуков, или сапожные гвоздики, или что-то в этом роде). Палатка эта, судя по окружающим зданиям и прочим отличительным моментам, находилась недалеко от Курского вокзала, на Садово-Черногрязской улице. В настоящее время этот, не существенный для сюжета фильма эпизод достаточно известен всем, кто сталкивается с темой палаток чистки обуви и роли этого промысла в московской городской этнографии. Фото часто можно встретить в Интернете, поэтому мы считаем уместным и нужным упомянуть его в данном случае.

Палатка обувщика, также фигурирующая как атрибут массовки, на сей раз ленинградская, присутствует в фильме, также достаточно известном, режиссера С.В. Бодрова «Я тебя ненавижу» (1986). Ее мы видим на седьмой минуте фильма, сразу после эпизода на кладбище возле могилы П.И. Чайковского, когда вернувшийся в родной Ленинград главный герой картины Юрий (Ю. Кузнецов) и его спутник Коля (В. Татаринцев) бродят по городу, не имея места, где разместиться. Когда главный герой останавливается и заглядывает в открытую палатку, его спутник заявляет, что уже хочет есть. Палатка чистильщика обуви, того же московско-ленинградского образца 1970-х гг., что и в «Служебном романе», только с другим типом вывески (она не попадает в кадр), с угадываемым в глубине ее помещения работником, хорошо видна на протяжении нескольких секунд. Однозначно, что и в этом случае, и в фильме, который мы упомянули выше, режиссеры специально решили сделать эти сооружения составной частью сцен. В «Служебном романе» палатка стала «героиней» по причине того, что стояла у входа на пригородные перроны, куда приезжала Рыжова-Немоляева и, если бы ее там не было, Э. Рязанов не стал бы специально искать повод, чтобы украсить ею сцену.

Такие объекты городской бытовой культуры, как палатки чистильщиков обуви, являвшиеся в прошлом интересным атрибутом городского пейзажа, к сожалению, весьма слабо использовались в произведениях мастерами фото- и кинокамер. Конечно, мы можем здесь пытаться найти причину в общем незнании авторами и их среды вообще, рассматриваемой темы, но могут быть и иные вер-

сии. Часто, еще в самом начале исследования темы ассирийской диаспоры Москвы, в первой половине 1990-х гг., от коллег-этнологов доводилось слышать предостережения, что с ассирийцами следует быть поосторожнее – «народ непростой», связанный с теневыми делами и т. п. Ассирийцы как некое связанное с криминалом сообщество, вершащее свои дела через многочисленные московские (и не только московские) палатки «Чистка обуви» могли отпугивать многих творческих людей, слышавших о них байки городского фольклора. Кстати, именно в них мог быть заимствован сюжет из «знатоков» о чистильщике, ставшем ювелиром. Огромный пласт того фольклора, набор «страшилок», ушел от нас вместе с носителями, так и не будучи зафиксирован. Но, как мы видели, о чистильщиках упоминали не только в «знатоках», а специально помещали их палатки в сцены на улице, например в фильмах «Застава Ильича» и «Я тебя ненавижу».

К сожалению, и за послевоенные десятилетия, и за поздний советский период было и не так много газетных заметок, героями которых становились работники палаток по чистке обуви. Однако в последнем случае мы все-таки имеем дело с неофициальным запретом на освещение такой «не совсем советской темы», да еще и связанной с этнической группой, которая являлась в СССР иностранной. Выше мы привели имена двух авторов, двух журналистов, писавших в советское время об ассирийцах, о некоторых ярких персоналиях из этого народа – Юрий Рост и Николай Черкашин. Но в последнем случае автор писал в «Комсомольской правде», а потом и в книге, собранной из очерков, о личности, которая, невзирая на профессию, как нельзя соответствовала духу времени с идеологической точки зрения – Ладю Даваидов, Герой Советского Союза, да к тому же участник боев на Малой Земле. Остается Юрий Рост, которому, удалось опубликовать фельетон о дяде Грише в период его работы в «Литературной газете», но, и в советский период иногда появлялась возможность печатать такие этнографические заметки. Тем не менее, подобные случаи в советское время были редкими. Можно привести такой пример. Когда в 1982 г. вышла книга к 50-летию владимирского завода «Автоприбор», этническому ассирийцу, Семену Баделевичу Бит-Ишо, который к тому времени почти четверть века трудился на предприятии, прошел путь от секретаря заводской комсомольской организации до зама по кадрам, и к тому моменту уже стал местной легендой, посвятили лишь маленький абзац [15, с. 167]. Про то, что в самом начале своей трудовой деятельности, в 1958 г., к 40-летию юбилею ВЛКСМ, он всего за восемь месяцев сделал заводскую комсомольскую организацию из самой последней по региону первой по городу и второй по области. О выведении в передовые отстающих цехов и прочие реальные заслуги

этого человека, каковые уместно бы смотрелись в подобном отчетно-юбилейном издании по истории «Автоприбора», в книге ничего не говорится. Это кажется весьма удивительным, когда знаешь об отношении к Бит-Ишо всех работавших на заводе, от рядовых рабочих до руководящего персонала, готовых долго рассказывать о заводском ассирийце и работе рядом с ним. [16, с. 47–52].

Достаточно интересные моменты с участием чистильщиков обуви и их рабочих мест появляются и в современных фильмах и сериалах, посвященных советской эпохе, но это тема отдельного разговора.

Список литературы

1. Михайлов С.С. Ассирийцы в исторической памяти жителей городов Центральной России // История повседневности: науч. журн. ЛГУ им. А.С. Пушкина. – СПб., 2018. – №1 (6). – С. 140–155.
2. Рост Ю. Регтайм. Т. 1. – М.: Бослен, 2016. – 464 с.
3. Рост Ю. Групповой портрет на фоне века. – М.: АСТ, 2007. – 144 с.
4. Ильф И., Петров Е. 12 стульев. Роман. – М.: Худ. лит., 1979. – 296 с.
5. Матвеев А.К., Матвеев К.П. История и этнография ассирийцев. Серия «Народы Советского Союза». – М.: Ин-т этнологии и антропологии, 1990. – 257 с.
6. Стаднюк И.Ф. Максим Перепелица. Повесть // Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. – М.: Мол. гвардия, 1983. – С. 373–498.
7. Данелия Г. Безбилетный пассажир. – М.: Эксмо, 2015. – 480 с.
8. Шмелев О. Васильев В. Ошибка резидента. Возвращение резидента. – М.: Мишель. 1993. – 640 с.
9. Черкашин Н.А. Городских дел мастера. – М.: Мол. гвардия, 1982. – 143 с.
10. Лавровы О. и А. Шантаж // Следствие ведут знатоки. – М.: Вече, 1994. – С. 184–263.
11. Лавровы О. и А. Подпасок с огурцом // Следствие ведут знатоки. – М.: Вече, 2016. – С. 274–350.
12. Андреевский Г. Москва 20-30-ые годы. – М., 1998. – 351 с.
13. Зоценко М. Забавное приключение // Полн. собр. рассказов в одном томе. – М.: Альфа-книга, 2018. – 1278 с.
14. Вайнеры А. и Г. Эра милосердия. – М.: Воен. изд-во М-ва обороны СССР, 1976. – 384 с.
15. Авторприбору – 50. Очерк истории завода (1932–1982). Дробижев В.З., Вьюнов Е.И., Журихин В.И. и др. – Ярославль: Верхне-Волжск. кн. изд-во, 1982. – 159 с.
16. Михайлов С. Семен Баделевич Бит-Ишо: «Людей люблю, завод люблю» // Старая столица. – Вып. 10. – Владимир, 2016. – С. 47–52.

References

1. *Mikhailov S.S. Assirijcy v istoricheskoj pamyati zhitelej gorodov Central'noj Rossii* [The Assyrians in historical memory of Central Russia urban population] // *Istoriya povsednevnosti. Nauchnyj zhurnal* [History of everyday life. Scientific journal]. – 2018. №1(6). – St. Petersburg, Pushkin Leningrad State University. – P. 140–155.
2. *Rost Y. Regtajm* [Ragtime]. V. 1. – Moscow, “Boslen”, 2016. – 464 p.

3. Rost Y. *Grupповoj portret na fone veka* [Group portrait on the century background]. – Moscow, “AST”, 2007. – 144 p.
4. Ilf I., Petrov E. *12 stol'ev* [12 chairs. Novel]. – Moscow, “Khudojestvennaya literature”, 1979. – 296 p.
5. Matveev A.K, Matveev K.P. *Istoriya i ehtnografiya assirijcev. Seriya «Narody Sovetskogo Soyuz»* [History and Ethnography of Assyrians. Series “Peoples of Soviet Union”]. – Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology. – 257 p.
6. Stadnyk I.F. *Maksim Perepelitsa. Povesť* [Story] // *Sobranie sochinenij v chetyrekh tomah* [Collected works in four volumes]. Vol. 2. – Moscow, “Molodayagvardia”. 1983. – P. 373–498.
7. Danelia G. *BezBILEtnyj passazhir* [Stowaway]. – Moscow. “Eksmo”, 2015. – 480 p.
8. Shmelev O., Vasilyev V. *Oshibka rezidenta. Vozvrashchenie rezidenta* [The error of the resident. The return of the resident]. – Moscow. “Mishel”, 1993. 640 p.
9. Cherkashin N.A. *Gorodskih del mastera* [Masters of urban crafts]. – Moscow, “Molodayagvardia”, 1982. – 143 p.
10. Lavrova O., Lavrov A. *SHantazh* [Blackmail] // *Sledstvie vedut znatoki* [The investigation are znatoky]. – Moscow. “Veche”, 1994. – P.184–263.
11. Lavrova O., Lavrov A. *Podpasok s ogurcom* [Shepherd boy with cucumber] // *Sledstvie vedut znatoki* [The investigation are znatoky]. – Moscow. “Veche”, 2016. – P. 274–350.
12. Andreevsky G. *Moskva 20-30-ye gody* [Moscow in 20–30 years]. – Moscow, 1998. – 351 p.
13. Zoshchenko M. *Zabavnoe priklyuchenie* [It was a fun adventure] // *Polnoe sobranie rasskazov v odnom tome* [Complete collection of stories in one volume]. “Alfa-kniga”. – Moscow, 2018. – 1278 p.
14. Weiner A., Weiner G. *EHra miloserdiya* [Era of mercy]. Novel. Military Publishing House of the Ministry of Defence of the USSR. – Moscow, 1976. – 384 p.
15. *Avtorpriboru – 50. Ocherk istorii zavoda (1932–1982)* [“Avtopribor” – 50. Essay on the history of the factory]. Drobizhev V.Z. and other. Verkhne-Volzhskoeknizhnoe izdatelstvo. – Yaroslavl, 1982. – 158 p.
16. Mihailov S. *Semen Badelevich Bit-Isho: “Lyubluylyudej, lyublyuzavod”* [“I like People, I like Factory”] // *Staraya stolica* [The old capital]. – Vladimir, 2016. – P. 47–52.

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 94(47+57):629.7

ГРНТИ 03.23: История России

В.Н. Куприянов, А.В. Лосик

Перелет Юрия Гагарина из Куйбышева в Москву и его триумфальная встреча в столице: в 2 частях. Часть вторая. Триумфальная встреча в Москве

В статье дается анализ публикаций о событиях, связанных с организацией подготовки к встрече и самой встречи Ю.А. Гагарина после перелета из Куйбышева в Москву. Предпринята попытка дать достоверную реконструкцию исторической триумфальной встречи космонавта в Москве с учетом возможно полного описания сопутствующих событий.

Приводятся некоторые подробности этого дня на основании свидетельств, рассеянных по различным источникам и опубликованных в разные годы.

Ключевые слова: Юрий Гагарин, первый космонавт, перелет из Москвы в Куйбышев, участники перелета, летчики эскорта.

V.N. Kupriyanov, A.V. Losik

Flight of Yuri Gagarin from Kuibyshev to Moscow and his triumphal meeting in the capital: in 2 parts. Part Two. Triumphal meeting in Moscow

The article provides an analysis of publications about events related to the organization of preparations for the meeting and the meeting itself of Yu.A. Gagarin after the flight from Kuibyshev to Moscow. An attempt to give a reliable reconstruction of the historic triumphal meeting of the cosmonaut in Moscow, taking into account the possible complete description of the accompanying events was made.

Some details of this day are given on the basis of evidence scattered from various sources and published in different years.

Key words: Yuri Gagarin, the first cosmonaut, flight from Moscow to Kuibyshev, participants in the flight, escort pilots.

Начиная эту часть рассказа, напомним, как описывали пролет над Москвой наши журналисты – участники перелета.

В.П. Песков: «День был апрельским. Солнце пробивалось сквозь дымные облака и золотило туман, стлавшийся над землей.

Внизу темнели разливы рек, виднелись остатки снега в лесах. Вблизи Москвы к самолету присоединился почетный эскорт истребителей. Заход на Внуково был необычным. Почетный путь на посадку проложили над центром Москвы, над Кремлем. Гагарин был взволнован, наблюдая улицы, запруженные людьми. Все вышли его приветствовать. В самолете я (В.К., А.Л. – В.П. Песков) был в числе тех, кто сдувал несуществующие пылинки с мундира летчика-космонавта» [1].

Н.Н. Денисов так вспоминал подлет к Москве: «Тень Ил-18 пересекла сероватую трассу кольцевой автострады, промелькнул взметнувшийся ввысь золотистый шпиль университета на Ленинских горах, проплыла лента Москвы-реки. Совсем близко – казалось, их можно было достать рукой – алели звезды Кремля, к которому по улицам столицы текли человеческие реки. Всюду флаги и плакаты. Мы посмотрели на Юрия Гагарина. Губы его плотно сжаты, голубые глаза приобрели стальной отблеск. Он весь как-то враз подобрался, – наверное, вот таким и был там, в космосе.

- О такой счастливой минуте, – вдруг вырвалось у него, – никогда не думал...

Все мы, находившиеся тогда в самолете, волновались. А вместе с нами, естественно, и Юрий Гагарин. Но огромным усилием воли он сдерживал свои чувства, старался быть спокойным» [2, с. 133].

Киносъемку космонавта в самолете вел М. Ошурков. Он же вел съемку и на берегах Волги, откуда начался перелет в Москву [3].

«Мягко, почти неслышно касается «Ил-18» бетонной полосы и рулит к зданию аэропорта. Юрий Алексеевич надевает серую парадную шинель, поправляет белоснежный шарф, потуже натягивает фуражку с крылатой эмблемой. Движения его размерены и точны. Глядя на него, каждый из нас думает про себя: какой же он волевой, до предела собранный человек! Ни тени волнения на его спокойном, как всегда улыбающемся лице...» [4].

М. Ошуркову запомнилось, как перед выходом из самолета Юрий обернулся к сопровождающим его, поднял руку, улыбнулся и сказал: «Ну, я пошел...» [3].

Самолет коснулся бетонной дорожки. Юрий Алексеевич надел шинель, застегнул все пуговицы, затем дважды поправил фуражку [5, с. 8–11].

Командир экипажа П.М. Воробьев вспоминал, что когда они с Борисом Павловичем Бугаевым вышли в первый салон, чтобы Ю.А. Гагарина выпустить на трап, Б.П. Бугаев сказал: «... Ты посмотри, все у него там в порядке?» «Я посмотрел все застегнуто. Все нормально, можно выходить.

Дверь открыл, и он пошел по трапу. Я посмотрел, а у него шнурок на ботинке болтается. Меня даже пот прошиб. Неужели, думаю, он остановится завязывать...

Он, когда с трапа сходил, обратил внимание на шнурок и приостановился, посмотрел и строевым пошел. Шел хорошо, не обращая внимания на шнурок» [6, с. 671–674].

Во время торжественного прохода по ковровой дорожке у Юрия Гагарина отскочила с крючков на ботинке петелька шнурка с узелком. Все видели, как она выпадает и начинает колыхаться в такт с движением. Сам Юрий Гагарин вспоминал потом, что всю дорогу, пока он шел по ковровой дорожке, его преследовала мысль – «Как бы не растянуться перед честным народом». Но все обошлось, и после торжественного марша по ковровой дорожке Юрий Гагарин доложил:

«Товарищ первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Председатель Совета Министров СССР!

Рад доложить Вам, что задание Центрального комитета Коммунистической партии и Советского правительства выполнено.

Первый в истории человечества полет на советском космическом корабле "Восток" 12 апреля успешно совершен.

Все приборы и оборудование корабля работали четко и безупречно.

Чувствую себя отлично.

Готов выполнить любое задание нашей партии и правительства, майор Гагарин».

Один из самых удачных кадров, запечатлевших рапорт Ю.А. Гагарина, принадлежит фотокорреспонденту ТАСС Валерию Альбертовичу Генде-Роте. Этот исторический снимок получен с помощью аппарата «Старт» с объективом "МТО-1000". Как написал сам корреспондент: «Благодаря ему, – речь шла об объективе – «МТО-1000», – я находился "ближе" к Ю.А. Гагарину, чем любой другой фотокорреспондент» [7, с.12].

Другое фото, запечатлевшее этот момент, на котором видны герой-космонавт, Е.А. Фурцева, министр культуры СССР, Юмжагийн Цеденбал, первый секретарь ЦК монгольской народно-революционной партии, председатель Монгольской народной республики, Н.М. Шверник, председатель Комиссии партийного контроля при ЦК КПСС, Н.С. Хрущев, принимающий рапорт, уже цветное, выполнено фотолюбителем Г. Шуйским [8].

Н.С. Хрущев снял шляпу и крепко поцеловал героя, обнял его и снова поцеловал.

- Поздравляю, поздравляю, – сказал он космонавту.

Затем Н.С. Хрущев познакомил Гагарина с членами Президиума ЦК КПСС. После официальной процедуры космонавт смог попасть в объятия матери, жены, отца, братьев и сестры.

14 апреля впервые незабываемую встречу Юрия Гагарина во Внуково смогли увидеть и жители Лондона. Именно в этот день состоялась первая пробная трансляция телерепортажа из Москвы в Лондон. Передача велась с помощью ретрансляционной линии, строительство которой уже находилось в стадии завершения. Передача осуществлялась через передаточные пункты в Таллине, Хельсинки, Стокгольме, Копенгагене, Брюсселе.

От Москвы до Таллинна через Ленинград передачи велись к этому времени уже регулярно, а вот из Таллина в Хельсинки – только в порядке эксперимента. Строительство радиорелейной линии через Финский залив находилось в стадии завершения. Планировалось, что регулярные передачи станут возможными к моменту открытия торгово-промышленной выставки СССР в Великобритании [9].

О передачах, организованных Министерством связи СССР и Государственным комитетом по радиовещанию и телевидению, некоторые дополнительные подробности приведены безымянным журналистом в заметке, опубликованной в газете «Московская правда».

По радиорелейной линии сигнал передавали на Берлин, а также в Прагу, Будапешт, Варшаву и другие города Европы. От телевизионного центра в Финляндии передачу на европейскую телевизионную сеть организовала британская радиовещательная корпорация Би-Би-Си. Звуковое сопровождение на английском языке передавалось из Москвы по проводному радиовещательному каналу; аналогичный канал был оборудован для передачи звукового сопровождения на русском языке в Варшаву и Прагу.

В Советском Союзе передачу с аэродрома и Красной площади смотрела огромная аудитория телезрителей тридцати республиканских и областных центров – Киева, Ленинграда, Риги, Ростова, Днепрпетровска, Горького ... [10].

Это был незабываемый репортаж-экспромт. Его вели писатели Алексей Сурков, Сергей Смирнов, Евгений Рябчиков, журналисты Юрий Берников, Юрий Гальперин, Владислав Семенов, Юрий Фокин.

В тот же вечер в адрес Центрального телевидения были получены сотни поздравительных телеграмм за организацию и проведение передачи. Одной из первых стала телеграмма, подписанная главой отдела внестудийных передач Би-Би-Си Питером Диммоком: «Искренне поздравляю Вас с блестящей телевизионной передачей, состоявшейся в Московском аэропорту и на Красной площади. Се-

годня я был на конференции "Евровидения" в Лиссабоне. Там были все взволнованы этой первой московской телевизионной передачей по "Евровидению"» [11, с. 29–31].

Ю.А. Гагарин и его жена Валентина Ивановна сели в открытый голубой автомобиль ЗИЛ-111. На капоте, вблизи ветрового стекла, был установлен красный флаг с серпом и молотом. Весь автомобиль, в котором находились космонавт Юрий Гагарин, его супруга и Н.С. Хрущев, украсили гирляндами цветов. Первые четыре автомобиля правительственного кортежа сопровождал почетный эскорт из одиннадцати мотоциклистов. Кортеж выехал на запруженные народом улицы Москвы.

Василий Песков вспоминал: «Колонна машин движется в направлении Кремля. Нам с Павлом, это был Павел Барашев, машет кто-то, стоящий у автомобиля. Это Сергей Борзенко, Герой Советского Союза, в то время Сергей Александрович Борзенко был специальным корреспондентом газеты "Правда"... "Вы откуда, сейчас?" Мы скромно сказали, что прилетели в самолете с Гагариным. «Как прилетели?» Узнав о нашей одиссее, Сергей Александрович засмеялся: "Вот молодцы! А я, старый волк, не смог пробиться через толпу журналистов, пишущих и снимающих. Садитесь, подвезу до редакции... Скажу о своих наблюдениях. Люди постепенно ко всему привыкают. Первые шоферы были знаменитыми. Первые летчики были героями. Сегодня любой человек может водить машину, а то и самолет. Запомните мои слова: через десять лет люди будут летать в космос "на работу". Будут жить на космических кораблях два – три месяца, а то и больше, газеты не будут об этом писать. Но о первом человеке, облетевшем Землю, люди никогда не забудут. До свидания, ребята!"» [12].

Впервые в газете «Правда» была опубликована цветная фотография семьи Гагариных и руководителей Советского государства во время их пребывания на территории Кремля перед выходом на трибуну Мавзолея. Эту фотографию опубликовали в праздничном первомайском номере газеты [13].

Интересная подробность. Сергея Павловича Королева и его супруги Нины Ивановны Королевой не было на трибуне. Дело в том, что машина С.П. Королева оказалась в конце кортежа и из-за массы народа, заполнившего подъезды к Красной площади, не смогла въехать на Красную площадь. Е.А. Карпов, первый начальник отряда космонавтов, случайно встретивший С.П. Королева и его супругу, вывел его из толпы и отвез домой. Там С.П. Королев по телевизору и наблюдал трансляцию этого митинга [14, с. 480].

Космонавты первого отряда влились в ряды ликующих москвичей и прошли мимо Мавзолея. В кинохронике запечатлен момент, когда один из демонстрантов, проходя мимо трибуны, обнимает се-

бя, показывая, что так он хотел бы обнять Юрия Гагарина. Оказывается, на этих случайных кадрах запечатлен Евгений Александрович Карпов, командир первого отряда космонавтов. Тут же камера перешла на Юрия Гагарина, и было видно, как он очень приветливо отреагировал на этот жест демонстранта. Понятна та особая теплота, с которой Юрий Гагарин поприветствовал героя этого киноэпизода [15, с. 128].

Вертолеты Ми-4 разбрасывали над Москвой разноцветные листовки с портретами Гагарина и надписями: «Слава передовой Советской науке!», «Пламенный привет первому советскому герою-космонавту Юрию Алексеевичу Гагарину!», «Первый человек, проникший в космос, – советский человек, гражданин Союза Советских Социалистических Республик!» [16–17].

Маршрут, по которому предполагалось движение космонавта от аэропорта Внуково до Красной площади – Ленинский проспект, улицы Димитрова, Моховую, Манежную площадь – украсили алыми полотнищами, знаменами, гирляндами разноцветных электрических лампочек. «На здании ГУМа, против Мавзолея, – огромный красный стяг с изображением В.И. Ленина и словами: "Вперед к победе коммунизма!". По сторонам на кумачовых полотнищах начертано: "Да здравствует созданная Лениным Коммунистическая партия Советского Союза", "Да здравствует великий советский народ – строитель коммунизма!"

Вдоль древних стен Кремля протянулись большие декоративные ковры с гербами СССР и союзных республик.

На здании Исторического музея – огромное панно. На нем – Государственный флаг СССР и портрет В.И. Ленина. Внизу изображен космический корабль и первый в мире космонавт Юрий Гагарин. В центре площади на Лобном месте высится огромная 22-метровая космическая ракета. Подсвеченная движущимися разноцветными огнями, она создает иллюзию ее полета в звездные дали». Так описывала убранство Красной площади «Московская правда» [18].

Три часа восторженные колонны демонстрантов шли сплошным потоком через Красную площадь. На главной трибуне Мавзолея – герой космоса и руководители государства. Родственники Ю. А. Гагарина – на боковой трибуне Мавзолея [19].

В завершение митинга на Красной к микрофону подошла ученица третьего класса 404 школы Оля Прудникова. Она объявила, что по решению Центрального совета Всесоюзной пионерской организации им. В.И. Ленина Юрий Гагарин принят почетным пионером и записан в Книгу почета пионерской организации. Под гром аплодисментов девочка повязала летчику алый галстук [20].

После митинга Ю.А. Гагарин посетил Мавзолей В.И. Ленина и И.В. Сталина. В этот же день в ознаменование первого полета в космос Ю.А. Гагарин посадил на территории Кремля дуб.

После митинга и демонстрации был организован прием в честь первого космонавта. Учитывая большой наплыв желающих пообщаться с родителями Ю.А. Гагарина, Н.С. Хрущев предложил всей семье Гагариных предварительно пообедать, чтобы они не остались голодными во время официального приема. В уютной комнате был накрыт стол, подали вкусный русский обед. Домашние стали расспрашивать Юрия о полете. Он интересовался самочувствием дочек, жены Валентины, своими родственниками, кого не увидел рядом: племянниками Тamarой и Юрой со стороны брата Валентина и сестры Зои, расспрашивал о своих двоюродных сестрах.

Разговор переходил с темы на тему, но все было связано с его рассказами родным о полете, с их реакцией на его слова при последней встрече с ним перед полетом. Особенное удовольствие Юре доставило то, что его отец не поверил, что речь идет о нем, даже когда услышал сообщение ТАСС. А отец при этом повторял: «Я говорю, нет, не мой сын, мой Юрка – старший лейтенант, а этот майор...» Юрий Гагарин припомнил, что и он узнал о том, что он майор, только от военных, которые его встретили [21, с. 166].

От тех, кто на испытательном полигоне осуществлял подготовку и запуск в космос ракеты-носителя, которая отправила на орбиту космический корабль «Восток» с Юрием Гагариным на борту, было приглашено в Кремль всего пятеро: начальник штаба полигона Александр Михайлович Войтенко, заместитель по политчасти начальника полигона Николай Васильевич Павельев, Анатолий Семенович Кириллов, бывший начальником первого стартового управления – пускающим во время старта Юрия Гагарина, инженеры-испытатели Владимир Яковлевич Хильченко и Виталий Григорьевич Соколов [22, с. 79].

Приглашены были дипломаты, руководители страны и члены делегаций Монголии, Китая и Ливии, находившихся в тот момент с визитами в СССР [23].

При входе в Большой Кремлевский дворец Н.С. Хрущева, героя-космонавта Юрия Гагарина, его супруги и родителей раздаются звуки фанфар. Сводный хор и симфонический оркестр исполняли финальный хор «Славься» из оперы «Иван Сусанин». Не успела умолкнуть величественная музыка М. Глинки, как под сводами дворца раздалась песня «К дальним планетам», написанная композитором С. Туликовым [23].

Одному из авторов довелось познакомиться с одним из участников приема – Святославом Сергеевичем Лавровым, который в свое время учился в ЛГУ (ныне Санкт-Петербургский государствен-

ный университет), а потом долгие годы заведовал кафедрой на математико-механическом факультете. С.С. Лавров был легендарной личностью, одним из близких соратников Сергея Павловича Королева, возглавлял баллистический отдел в ОКБ-1, а с момента перевода вычислений на ЭВМ, возглавил вычислительный отдел. Святослав Сергеевич, работая в ОКБ-1, был удостоен Ленинской премии. В списке награжденных этой премией он был вместе с Сергеем Павловичем Королевым, за работы по созданию и запуску первого в мире советского искусственного спутника Земли.

Ему дважды вручали орден Ленина: первый – за участие в работах по обеспечению пуска баллистической ракеты с боевой головной частью, которая доставила на полигон ядерное устройство, впервые осуществив ядерный взрыв; второй орден за работы, связанные с полетом в космос Юрия Гагарина.

С.С. Лавров долгие годы хранил приглашение на прием по случаю полета в космос Юрия Гагарина. Оно было размером со стандартную открытку-приглашение, сложенную пополам. На обложке белого цвета в центре обращал на себя внимание тисненый герб СССР. Внутри серебряной вязью был напечатан текст, в который на свободное место вписывали имя приглашенного: либо его фамилию и инициалы, либо его фамилию и инициалы с добавлением – с супругой. Приводим здесь текст приглашения (строки приглашения отделены косой чертой).

«В честь выдающегося подвига ученых, инженеров, техников и рабочих, / обеспечивших успешное осуществление первого в мире полета человека / в космическое пространство, и первого советского космонавта / Гагарина Юрия Алексеевича / Центральный Комитет ЦК КПСС, / Президиум Верховного Совета СССР/ Совет Министров СССР / приглашают (далее вписываются фамилия и инициалы приглашенного, на второй строке с супругой (если приглашение на две персоны) / пожаловать на прием 14 апреля 1961 г. в 18 час. / Большой Кремлевский Дворец. / Грановитая палата».

Приятно поражает употребление старомодного слова «пожаловать», от которого мы уже поотвыкли.

Вернемся к последовательному изложению событий.

Затем состоялся торжественный акт зачитания Указов Верховного Совета СССР о награждении Юрия Гагарина и вручение наград. Указы зачитывал секретарь Президиума Верховного Совета Союза ССР М.П. Георгадзе: «Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 апреля 1961 г. «О присвоении звания Героя Советского Союза первому в мире советскому летчику-космонавту майору Гагарину» За героически подвиг, первый полет в космос, прославивший нашу социалистическую Родину, за проявленное мужество, отвагу, бесстрашие и беззаветное служение советскому народу, делу комму-

низма, делу прогресса всего человечества присвоить звание Героя Советского Союза, с вручением Ордена Ленина и медали Золотая Звезда первому в мире летчику-космонавту майору Гагарину и установить бронзовый бюст героя в городе Москве».

К Юрию Гагарину подошел Л.И. Брежнев, он приколот к мундиру первого в мире космонавта Орден Ленина и Золотую Звезду Героя Советского Союза.

Затем он произнес несколько слов, обращенных к Юрию Гагарину: «Дорогой Юрий Алексеевич, мне доставляет большое удовольствие выполнять такое приятное поручение, как вручение высшей награды Советского Союза Ордена Ленина и Золотой Звезды Героя Советского Союза. Вы совершили необыкновенный великий подвиг. Вы совершили первый полет в космос. Вот почему весь советский народ сегодня славит Вас, славит нашу Коммунистическую партию, которая ведет наш народ по пути к коммунизму, славит наших ученых, инженеров, рабочих, создавших такой великолепный корабль. Я от имени Центрального Комитета, от имени Советского правительства, Президиума Верховного Совета искренне и сердечно поздравляю Вас, желаю Вам доброго здоровья, счастья и новых успехов на Вашем замечательном жизненном пути. Товарищи и друзья, я хочу от имени всех вас еще раз обнять и очень крепко поцеловать нашего дорого Юрия».

Л.И. Брежнев крепко обнял Юрия Гагарина и по русскому обычаю трижды поцеловал.

В ответ Юрий Гагарин произнес небольшую речь: «Я бесконечно тронут вниманием нашей партии, правительства, всего советского народа, которое оказано мне. Благодарю партию, наше Советское правительство, наш героический советский народ за ту высокую оценку моего труда, которую я получил. Разрешите здесь мне заверить нашу родную партию, наше правительство и весь советский народ, что я готов выполнить любое новое задание, которое мне доверит советский народ, партия и правительство. Служу Советскому Союзу!».

После фотографирования Н.С. Хрущева, Ф.Р. Козлова, К.Е. Ворошилова, Л.И. Брежнева с героем и его родственниками, Н.С. Хрущев обратился к присутствующим: «Я предлагаю поднять бокалы за торжество человека, разума, гения человека, когда он в результате достижений науки, своего гения оторвался от Земли, поднялся в космос. И недалеко то время, когда будут уже, видимо, обеспечены межпланетные сообщения. За первого человека, за первого человека Советской страны, который поднялся в космос и опустился там, где ему приказано. Я хотел бы присоединить к этому тосту ученых, инженеров, они – творцы, они создали эту замечательную умную машину, которая поднялась, которая была послушна

командиру корабля. За ученых, инженеров, техников, за наших славных рабочих, за колхозников! Скажут, а при чем здесь колхозники? Без колхозного труда, без труда крестьянина никакой жизни нет, потому что они – эти труженики земли – дают средства к жизни. Поэтому они всегда при любых торжествах присутствуют своим трудом» [6, с. 695–697].

Дуайнен дипломатического корпуса шведский посол Рольф Сульман выразил искренние поздравления Председателю Совета Министров Н.С. Хрущеву и всему советскому народу по случаю грандиозного достижения науки и техники. Ю.А. Гагарина, создатель космического корабля «Восток» приветствовали представители рабочих, колхозников, молодежи [24, с. 47].

От имени рабочих Москвы выступил депутат Верховного Совета СССР, токарь-карусельщик завода «Красный пролетарий» Николай Михайлович Кузьмин, как большой специалист своего дела, выдвинутый в 1960 г. на пост председателя Совета новаторов Москвы [25]. От имени колхозников Подмосковья – председатель сельскохозяйственной артели имени Сталина Воскресенского района, Герой Социалистического Труда Василий Фёдорович Люкшин, от имени молодежи столицы – руководитель бригады коммунистического труда фабрики имени Фрунзе Валентина Петрищева. От имени интеллигенции выступил с приветственным словом писатель Леонид Сергеевич Соболев. В это время он был Председателем правления Союза писателей СССР.

Героя-космонавта приветствовал также главный маршал авиации К.А. Вершинин, который сказал: «Мы гордимся своим славным воином, который выполнил большую историческую задачу» [24, с. 47].

С заключительной речью снова выступил Н.С. Хрущев. Он заявляет, что имя Юрия Гагарина – первого в мире советского летчика-космонавта – всегда будет жить в веках, что этот первый космический полет является достоянием всего человечества... [26].

Потом начался прием. Сохранились фотографии, сделанные во время приема. Гагарин с супругой в окружении родственников вместе с Н.С. Хрущевым, его супругой и его сыном с невесткой. В заключение были сделаны памятные фото, где ближайшая родня Ю.А. Гагарина запечатлена с высшим руководством страны [19].

Для участников приема был дан большой праздничный концерт [26]. Вечером состоялся артиллерийский салют. Праздничный салют был произведен, кроме Москвы, столиц союзных республик и городов-героев – Ленинграда, Сталинграда, Севастополя и Одессы, также на родине великого Циолковского, в Калуге [27].

Список литературы

1. Песков В. Апрель за апрелем... // Комсомольская правда. – 1995. – 12 апр. – № 65 (21075).
2. Денисов Н.Н. Срочно в номер. – М.: Воениздат, 1978. – 270 с.
3. Ошурков М. Таким запомнился Гагарин // Советский спорт. – 1981. – 11 апр. – №85 (10204).
4. Денисов Н. В район приземления космического корабля «Восток» // Советская печать. – 1961. – № 5. – С. 7–10.
5. Тарасевич Вс. Первые часы с космонавтом // Советское фото. – 1961. – №7. – С. 8–11.
6. Человек. Корабль. Космос. Сборник документов к 50-летию полета в космос Ю.А. Гагарина. – М.: Новый хронограф, 2011. – 888 с., ил.
7. Генде-Роте В. Фотокорреспондент ТАСС. На Внуковском аэродроме // Советское фото. – 1961. – №7. – С. 12.
8. Шуйский Г. // Советское фото. – 1961. – № 7. 1-я С. вкладки между С. 24 и С. 25.
9. Луговской Н. Лондон видел Гагарина // Красная звезда. – 1961. – 16 апр. – № 91 (11391).
10. Передает Москва... // Московская правда. – 1961. – 15 апр. – № 90 (12530).
11. Фокин Ю., Лучай В. Москва на экранах Европы // Советская печать. – 1961. – №7. – С. 29–31
12. Песков В. День и час, когда летал Гагарин, никогда не забудутся! // Комсомольская правда в Санкт-Петербурге. – 2011. – 11–17 апр. – №14-т/14 (25665-т).
13. Лебедев Вл., автор фото. Руководители партии и правительства с Ю.А. Гагариным в Кремле. 14 апреля 1961 года // Правда. – 1961. – 1 мая. – № 121 (15611).
14. Голованов Я.К. Королев: факты и мифы. Т. 2. 2-е изд., доп. и испр. – М.: Фонд «Русские витязи», 2007. – 704 с.
15. Румянцев ЕА. Космонавты отряда №0. – М.: ООО ИИА «Просветитель», 2011. – 218 с.
16. Цыганов И. Дождь листовок // Известия. – 1961. – 15 апр. – № 90 (13636).
17. Репортаж с высоты 125 метров ведет командир вертолета Ми-4 19127 Н. Моржаков // Московская правда. – 1961. – 15 апр. – № 90 (12530).
18. Москва готовится к встрече // Московская правда. – 1961. – 14 апр. – № 89 (12529).
19. Денисов Н.Н. Здравствуй, Москва! // Правда. – 1961. – 15 апр. – № 105 (15595).
20. Грандиозная манифестация в Москве // Московский комсомолец. – 1961. – 15 апр. – № 76 (7076).
21. Гагарина А.Т. Память сердца. 2-е изд. – М.: АПН, 1986. – 224 с., ил.
22. Соколов В.Г. Как начинался Байконур. Прорыв в космос. Очерки об испытателях, специалистах и строителях космодрома Байконур: сб. – М.: Велес, 1994. – 183 с.
23. В честь выдающегося подвига. Прием в Большом Кремлевском дворце. ТАСС // Красная звезда. – 1961. – 15 апр. – № 90 (11390).
24. Первый полет человека в космос. Материалы, опубликованные в «Правде». – М.: Правда, 1961. – 344 с.
25. URL: <https://profilib.net/chtenie/112966/boris-danilov-zhizn-poisk-31.php>

26. Соломатин В., Тарабарин И. Прием в Кремле // Литература и жизнь. – 1961. – 16 апр. – № 46 (470).
27. Поляков В. Цветы в небе // Известия. – 1961. – 15 апр. – № 90 (13636).

References

1. *Peskov V. April' za aprelem...* [April for April ...] // *Komsomol'skaya pravda* [Komsomol'skaya's truth]. – 1995. – 12 aprelya [on April]. №65 (21075).
2. *Denisov N.N. Srochno v nomer* [Urgently in number (of the newspaper)]. – M.: Voenizdat, 1978. – 270 s.
3. *Oshurkov M. Takim zapomnilsya Gagarin* [So I remember Gagarin] // *Sovetskiy sport* [Soviet Sport]. – 1981. – 11 aprelya [on April]. – №85 (10204).
4. *Denisov N. V rayon prizemleniya kosmicheskogo korablya «Vostok»* [In the area of landing of the spaceship "Vostok"] // *Sovetskaya pechat'* [The Soviet press]. – 1961. – №5. S. 7–10.
5. *Tarasevich Vs. Pervye chasy s kosmonavtom* [The first clock with an astronaut] // *Sovetskoe foto* [«Soviet photo». – 1961. – №7. – S. 8–11.
6. *Chelovek. Korabl'. Kosmos. Sbornik dokumentov k 50-letiyu poleta v kosmos Yu.A. Gagarina* [Human. Ship. Space. Collection of documents for the 50th anniversary of the space flight Yu.A. Gagarin]. – M., Novyy khronograf, 2011. 888 s., il.
7. *Gende-Rote V. fotokorrespondent TASS. Na Vnukovskom aerodrome* [At the Vnukovo airport] // *Sovetskoe foto* [Soviet photo]. – 1961. – №7. – S. 12.
8. *Shuyskiy G, avtor foto* [author photo] // *Sovetskoe foto* [Soviet photo]. – 1961. – №7. 1-ya stranitsa vkladki mezhdru s. 24 i s. 25 [The first page of the tab is between p. 24 and p. 25].
9. *Lugovskoy N. London videl Gagarina* [London saw Gagarin] // *Krasnaya zvezda* [A red star]. – 1961. – 16 aprelya [on April]. №91 (11391).
10. *Peredaet Moskva...* [Transfers Moscow ...] // *Moskovskaya pravda* [«Moscow truth»]. – 1961. – 15 aprelya [on April]. – № 90 (12530).
11. *Fokin Yu., Luchay V. Moskva na ekranakh Evropy* [Moscow on the screens of Europe] // *Sovetskaya pechat'* [The Soviet press]. – 1961. – №7. – S. 29–31.
12. *Peskov V., Den' i chas, kogda letal Gagarin, nikogda ne zabudutsya!* [The day and the hour, when Gagarin flew, will never be forgotten!] // *Komsomol'skaya's pravda in Sankt-Peterburge* [Komsomol'skaya's truth in St. Petersburg]. – 2011. – 11–17 aprelya [on April]. №14-t/14 (25665-t).
13. *Lebedev VI. avtor foto [author photo] Rukovoditeli partii i pravitel'stva s Yu.A. Gagarinym v Kremlе. 14 aprelya 1961 goda* [The leaders of the party and government with Yu.A. Gagarin in the Kremlin. April 14, 1961] // *Pravda*. – 1961. – 1 maya [on May]. № 121 (15611).
14. *Golovanov Ya. K., Korolev: fakty i mify. T. 2. 2-oe izd., dop. i ispr.* [Korolyov: facts and myths. Volume. 2. 2nd ed., ext. and corrected]. – M.: Fond «Russkie vityazi», 2007. – 704 s.
15. *Rumyantsev E A. Kosmonavty otryada №0* [The cosmonauts of Detachment No. 0]. – M.: OOO IIA «Prosvetitel'» [«Illuminator»]. 2011, 218 s.
16. *Tsyganov I., Dozhd' listovok* [Rain of leaflets] // *Izvestiya* [News]. – 1961. – 15 aprelya [on April]. №90 (13636).
17. *Reportazh s vysoty 125 metrov vedet komandir vertoleta Mi-4 19127 N. Morzhakov* [A report from the height of 125 meters is conducted by the commander of the Mi-4 helicopter 19127 N. Morzhakov] // *Moskovskaya Pravda* [Moscow truth]. – 1961. – 15 aprelya [on April]. № 90 (12530).
18. *Moskva gotovitsya k vstreche* [Moscow is getting ready to meet] // *Moskovskaya pravda* [Moscow truth]. – 1961. – 14 aprelya [on April]. – № 89 (12529).

19. Denisov N.N. *Zdravstvuy, Moskva!* [Hello, Moscow!] // Pravda [Truth]. – 1961. – 15 aprelya [on April]. – № 105 (15595).
20. *Grandioznaya manifestatsiya v Moskve* [Grandiose manifestation in Moscow] // *Moskovskiy komsomolets* [Moscow's comsomolets]. – 1961. – 15 aprelya [on April]. – № 76 (7076).
21. Gagarina A.T. *Pamyat' serdtsa, Izdanie vtoroe* [Memory of the heart]. – M.: APN, 1986. 224 s., il.
22. Sokolov V.G. *Kak nachinalsya Baykonur. Proryv v kosmos. Ocherki ob ispytatelyakh, spetsialistakh i stroitelyakh kosmodroma Baykonur, sbornik* [How Baikonur began – Breakthrough into space, Essays on testers, specialists and builders of the Baikonur cosmodrome, a collection]. – M., TOO «Veles», 1994. 183 s.
23. *V chest' vydayushchegosya podviga. Priem v Bol'shom Kremlevskom dvortse* [In honor of an outstanding feat. Reception at the Grand Kremlin Palace]. TASS // *Krasnaya zvezda* [A red star]. – 1961. – 15 aprelya [on April]. – № 90 (11390).
24. *Pervyy polet cheloveka v kosmos. Materialy, opublikovannye v «Pravde»* [The first manned flight into space. Materials published in newspaper «Truth»]. – M.: Izdatel'stvo «Pravda», 1961. 344 s.
25. <https://profilib.net/chtenie/112966/boris-danilov-zhizn-poisk-31.php>
26. Solomatin V., Tarabarin I. *Priem v Kremle* [Reception in the Kremlin] // *Literatura i zhizn'* [Literature and Life]. – 1961. 16 aprelya [on April]. – № 46 (470).
27. Polyakov V. *Tsvety v nebe* [Flowers in the sky] // *Izvestiya* [News]. – 1961. – 15 aprelya [on April]. – № 90 (13636).

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 930.23:070

ГРНТИ 03.01: Общие вопросы исторических наук

В.А. Веременко

HISTORIA PROVINCIAE или PROVINCIA IN HISTORIAE? (размышления о новом сетевом историческом журнале)

В Череповецком государственном университете с 2017 г. начал издаваться сетевой журнал «*Historia provinciae* – журнал региональной истории». Он выходит четыре раза в год – одновременно на русском и английском языках. К публикации в журнале принимаются статьи по историческим и политическим наукам, в которых рассматриваются сюжеты, связанные с различными моделями, способами проявления и репрезентациями региональности. В данной работе дается характеристика содержания, концепции издания, обозначаются те направления в его редакционной политике, которые еще предстоит развивать.

Принципиальны для журнала междисциплинарный и даже трансдисциплинарный подходы к определению ключевых понятий («регион» и «провинция»), ориентированность на диалог представителей различных областей социогуманитарного знания. Регион рассматривается в статьях «*Historia provinciae...*» с нескольких точек зрения: как образ, возникающий в индивидуальном и общественном сознании; как жизненное пространство этноса; как поле разнообразной социально обусловленной деятельности; как фактор биографии; как пространство трансфера исследовательских практик. В этих контекстах авторами рассматриваются сложные отношения власти и общества.

Несмотря на молодость, журнал уже привлек внимание многих ведущих российских и зарубежных ученых. Существуют, конечно, проблемы, которые изданию необходимо преодолевать. Первая из них состоит в необходимости скорейшего поиска интегрирующего критерия, который позволил бы сформулировать четкое «рабочее» понимание сущности региона как феномена. Больше внимания при наполнении редакционного портфеля следует уделять провинциологической тематике, а также блоку политических исследований.

Ключевые слова: журнал региональной истории, Череповец, провинция, регион, региональная культура, город, власть, пространство, междисциплинарный подход.

V.A. Veremenko

HISTORIA PROVINCIAE or PROVINCIA IN HISTORIAE? (reflections on a new online history journal)

Cherepovets state University in 2017 began to publish an online magazine "*Historia provinciae* – journal of regional history". It is published four times a year – both in Russian and English. Articles on historical and political sciences are accepted for publication in the journal, which consider subjects related to various models, methods of manifestation and representations of regionality. This article briefly discusses the

© Веременко В.А., 2018

© Veremenko V.A., 2018

concept of the journal and designates directions of its editorial policy which still should be developed.

The interdisciplinary and even transdisciplinary approach to the definition of key concepts ("region" and "province"), focused on the dialogue of representatives of various fields of social and humanitarian knowledge, is fundamental for the journal. The region is considered in the articles "Historia provinciae..." from several points of view: as an image arising in the individual and public consciousness; as an ethnically marked living space; as a field of various socially conditioned activities; as a factor of biography; as a space for transfer of research practices. In these contexts authors consider the complex relations of power and society within the region.

Despite the fact that there were only six issues published, the journal has already attracted the attention of many leading Russian and foreign scientists. There are, of course, problems that the project needs to overcome. The first of them is the need to find as soon as possible an integrating criterion that would allow to formulate a clear understanding of the essence of region as a phenomenon. More attention in the editorial content of the portfolio should be paid to provincialisms subjects, as well as to the unit of political studies.

Key words: journal of Regional history, Cherepovets, province, region, regional culture, city, power, territory, interdisciplinary approach.

В Череповецком государственном университете с 2017 г. издается сетевой журнал «Historia provinciae – журнал региональной истории»¹. В каждом его номере (а выходит он с периодичностью раз в четыре месяца) публикуются статьи по историческим и политическим наукам. Это позволяет, с одной стороны, дополнить вполне традиционный вузовский «Вестник», на страницах которого соответствующие области знания, увы, не представлены, а с другой стороны – открывает возможности для междисциплинарных поисков.

Журнал рецензируемый, выпускается одновременно в русскоязычной и англоязычной версиях. Полную англоязычную версию имеет также сайт издания. И то и другое в российском академическом сообществе, привыкшем к дублированию на английском только аннотаций и ключевых слов статей, встречается редко. Немного в отечественном корпусе научно-исторической периодики и примеров заявления региональной истории в качестве титульной темы. Сегодня издание уже включено в РИНЦ, в будущем можно ожидать, вероятно, и попадания его в перечень Высшей аттестационной комиссии.

Главным редактором журнала является доктор исторических наук О.Ю. Солодянкина – специалист по истории образования и межкультурной коммуникации в России XVIII–XIX вв. Наполнением редакционного портфеля в соответствии с годовым тематическим планом руководят заместители главного редактора – доктора исторических наук А.Н. Егоров, А.Л. Кузьминых, Б.В. Петелин и доктор

¹ Сайт журнала: <http://hpchsu.ru>

политических наук Е.А. Марков. Кроме А.Л. Кузьминых, работающего в Вологодском институте права и экономики ФСИН России, все члены редакционной коллегии представляют Череповецкий университет. За каждым из соредакторов «закреплен» один номер, так что содержание выпусков не в последнюю очередь определяется научными интересами ответственных лиц, имеющими, при кажущемся разнообразии, общий фокус – политический с учетом региональных особенностей. А.Н. Егоров занимается изучением истории и историографии дореволюционного российского либерализма. Б.В. Петелин – крупный специалист по истории послевоенной Германии, в частности немецких консервативных партий. А.Л. Кузьминых многие годы посвятил исследованиям феномена военного плена 1930–1950-х гг. на Европейском Севере России. Наконец, Е.А. Марков разрабатывает вопросы взаимоотношений средств массовой информации и власти в современной России.

Перспектива содружества историков и политологов, да и не только их, просматривается уже в названии журнала. Оно, очевидно, носит программный характер. *Provincia* по-латыни – не только административная единица, но и управление ею, и должность наместника, и верховное командование, и подсудность, и, наконец, вообще любое поле деятельности [1, с. 829]. Таким образом, при всей многозначности слова, можно сказать, что оно описывает известным образом организованное пространство во взаимопроникновении с властью и, стало быть, сами социальные действия, коммуникации, которые это пространство создают и упорядочивают. Напротив, *regio* – первоисточник «региона» новых языков – это пространство в различных измерениях и масштабах (положение, линия, направление, граница, сторона света, область, край) [1, с. 864]. Совпадение с *provincia* в данном случае лишь частичное, не дающее тавтологии, но допускающее терминологическую игру: опорные понятия при желании могут попеременно рассматриваться одно внутри другого. Эта их взаимная обратимость, безусловно, весьма интересна как концептуальное решение, поскольку освобождает журнал от проклятия местечковости, изначально тяготеющего над многими университетскими изданиями. Действительно, в названии нет прямой привязки к Череповцу, Вологодской области, даже к Северу. Оно, скорее, отстраняется от своего историко-культурного ландшафта, утверждая «регион» и «провинцию» как категории если не универсальные, то по крайней мере не принадлежащие исключительно российскому историко-политическому дискурсу.

Идеология журнала коротко изложена в обращении главного редактора. В нем обозначена ориентация на сотрудничество историков «с представителями других областей социогуманитарного знания», на то, чтобы наряду с академическими текстами в журнале

публиковались и работы, интересные широкому читателю. Здесь же приводятся рабочие дефиниции ключевых терминов. Так, провинция, с точки зрения редактора, «это и какая-то часть страны, обычно довольно отдаленная, противопоставляемая центру, столице, то есть это периферия, глушь, "медвежий угол"», где жизнь замедляет свой ход, куда с трудом доходят новые веяния, это то место, что противостоит изменениям быстротекущей современной жизни, и в то же время глубинка – место сохранения исконных традиций, языка, культуры, национальной идентичности, что делает ее уникальной и по-своему ценной». Регион – это «и часть страны, как Европейский Север, Урал (если мы говорим о нашей стране), и в то же время – это какая-то часть континента, если речь идет о европейском векторе измерения истории»¹.

Апелляция к коллегам по цеху ценна как очередное приглашение к диалогу о методологических основаниях и познавательных горизонтах региональной истории, и как попытка предложить выход из тупика, в который заводит любая попытка уточнения ее исследовательского поля. Говоря так, нужно иметь в виду, что историк и не может писать о регионе, не прибегая к логике его административно-правового устройства и не опираясь на тот естественный фундамент, который предоставляют его рассуждениям культура и хозяйственный быт людей, регион населяющих, а значит, в конечном счете не может устранить из своего анализа географию. Его оптика в отношении региона с самого начала поли – и трансдисциплинарна и этим проблематична, поскольку, строго говоря, принадлежит не ему – или не только ему. Он обязан смотреть на регион и региональное с разных ракурсов хотя бы для того, чтобы преодолеть невольное отчуждение от тех разнородных вопросов, что встают перед ним, и самих инструментов познания, что даны ему в руки. В данном смысле многолетние дискуссии в национальных историографиях о соотношении региональной истории, локальной истории, краеведения и т. п. [2], как ни парадоксально, имеют отношение больше к структуризации исторического знания, чем к вопросу о том, что именно называть регионом, как изучать его и что тогда представляет собой региональная история. О сугубо историческом понимании провинции и провинциальности говорить и вовсе не приходится, поскольку это концепты, описывающие топографию не истории, а культуры, причем не статичную, но подвижную и вариативную. Без помощи культурологии нельзя удовлетворительно объяснить, почему одна столица может быть в чем-то «провинциальнее» другой, а то, что с точки зрения столичного жителя, является совершенным «медвежь-

¹ URL: <http://hpchsu.ru/redaktsiya/index.php>

им углом», обитателю этого самого угла непременно покажется «центром» в сравнении с захолустной округой.

В свете этого очень важно, что череповецкий журнал предлагает вместо подчас бесплодных споров о регионе или провинции – диалог о них, вместо обсуждения того, где проводить разделительные линии между областями и уровнями регионоведческого знания декларирует стремление к равноправию, полифонии его составляющих. Остается выяснить, не противоречит ли такая базовая установка требованию наличия «интегрирующего критерия» [3, с. 267], позволяющего историческим исследованиям при всем разнообразии их методологических оснований все-таки оставаться историческими. Названный критерий важен и в прикладном плане: как необходимая часть концепции журнала, средство его позиционирования, управления тематикой публикаций, их экспертизы и отбора.

Отрадно, что «*Historia provinciae*» не стремится к механическому расширению объема. В пяти из шести опубликованных номеров всего по восемь публикаций (и только в одном их десять) совокупным объемом чуть более ста страниц, что примерно соответствует листажу одной серии мультидисциплинарного научного журнала и может служить косвенным показателем качества редакционной работы. Сетка рубрик внутри номера, что естественно, пока не вполне устоялась, но уже определяются более или менее постоянные блоки – исследования по основной тематике (две-три статьи объемом до 1 а. л.), публикации дискуссионного характера, а также блок обзоров и рецензий. В разделе «Хроника научной жизни» помещаются краткие информационные сообщения о различных мероприятиях (пока, конечно, в первую очередь череповецких). Среди авторов – ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельска, Волгограда, Вологды, Ельца, Краснодар, Кемерово, Орла, Перми, Череповца, Ярославля, представляющие как самостоятельные вузы, так и институты Российской академии наук. Показательно для столь молодого издания, что уже достаточно широка и география иностранного участия: Великобритания, Венгрия, Китай, Финляндия, ФРГ.

Тематика выпусков пока не конкретизирована и не подчинена какому-то общему правилу. Складывается впечатление, что редколлегия, пользуясь регионом как условной рамкой, всякий раз специально примеряет ее к новому содержанию, будь то «Социокультурный облик региона», «Человек в своем времени», «Россия под воздействием внешних и внутренних политических процессов», «Великая российская революция 1917 года: региональное измерение», или даже «Экологическая история». Отсутствие последовательности в выборе магистральной темы лишь отчасти соответствует изложенным выше принципам редакционной политики, заставляя задуматься о глубинных причинах такого подхода.

Нельзя не признать, что эклектизм оправдан и по-своему продуктивен, если благодаря ему на суд аудитории выносятся по-настоящему интересные, высокого научного качества материалы. Он, как минимум, позволяет обнаружить в сформированном на сегодня массиве публикаций журнала несколько ведущих теоретических и сюжетных схем, позволяющих анализировать регион многомерно и в разных приближениях, «собирать» и «пересобирать» его с позиций профессионального и обыденного опыта.

Одну из схем условно можно назвать «*Регион как образ*». Это может быть образ, транслируемый в процессе воспитания – в ситуации, когда наставник и его подопечный принадлежат к разным культурам (как показано в статье О. Ю. Солодянкиной [4]), или образ места (города) как культурный эталон, объект воспроизведения и даже прямого копирования, пусть и с поправкой на несоизмеримые масштабы «копии и «оригинала». В прекрасно фундированном эссе финской исследовательницы Марьятты Рахикайнен такой «копией», отражением показан Хельсинки, имеющий в качестве прототипа (статусного, градостроительного, поведенческого) Санкт-Петербург [5].

Регион как жизненное пространство в ракурсе этничности анализируют Г.П. Пилипенко (Институт славяноведения РАН) и Каталин Юхас (Институт этнографии центра гуманитарных исследований Венгерской академии наук). Обе статьи основаны на обширном полевом материале. Работа Г. Пилипенко [6] касается социальной памяти как фактора самосознания венгерской общины Нови-Сада. Статья К. Юхас тоже о венграх, но живущих в пределах основной области их расселения. В ней рассматриваются особенности использования воды в гигиенических практиках носителей разных жизненных укладов на фоне трансформаций, которые принес венгерскому быту XX в. [7].

Группа публикаций, рассматривающих *регион в деятельностином измерении*, наиболее обширна, отчего нельзя говорить о каком-либо предлагаемом в рамках ее едином подходе. Здесь и исследования социального и экономического развития тех или иных частей Российской империи, статьи об истории принудительного труда в нацистской Германии, общественных настроениях Вологодской губернии накануне Февральской революции, санитарном благоустройстве городов Западной Белоруссии, качестве воды в Москве позапрошлого – начала прошлого веков... Даже из беглого перечисления сюжетов можно понять, что опорный концепт трактуется в данном случае уж слишком широко, из-за чего содержание его размывается. Очевидно, что только упоминания той или иной страны, области, города в названии статьи недостаточно, чтобы отнести ее к полю региональной истории. Это заставляет вернуться к вопросу об

интегрирующем критерии в понимании и дефинировании регионального.

Сразу восемь статей показывают *региональное через призму его значения в биографии* – жизненных и творческих траекториях ученых и политиков. По тематической и содержательной цельности эту категорию следует выделить особо. В ней представлены и вполне удавшиеся исторические портреты (например, исследование М.В. Стрельца (Брест, Беларусь) о П. Хирше [8], Т.В. Евдокимовой (Волгоград) – о В. Ратенау [9], Б.В. Петелина – о Г. Коле [10] и др.), юбилейные статьи-посвящения, обзоры, полемические зарисовки. Жанровую полноту в дальнейшем следует, конечно, уравновесить географической (в настоящее время львиная доля публикаций касается Германии).

Материалы последней категории интерпретируют *регион (в глобальном контексте) как пространство трансфера исследовательских практик*. Профессор Пекинского университета Бао Маохонг рассуждает, в частности, о соотношении проекта экологической истории и истории мировой [11]. Дэвид Мун, представляющий университет Йорка (Великобритания), подробно анализирует распространение в мире идей почвоведения школы В.В. Докучаева [12, 4]. При внешней несводимости работ этой группы к заглавной теме, само их наличие показывает, что «*Historia provinciae*» обладает потенциалом для превращения в площадку для научно-теоретических, в том числе и науковедческих, дебатов, что для российских нестоличных изданий, за редкими исключениями, непозволительная роскошь.

Есть в редакционной стратегии направления, которые заявлены, но еще должным образом не воплощены в дело. Первое и важнейшее из них – провинция и провинциальная культура. Сюжеты этого круга пока не получили постоянной прописки на страницах «*Historia provinciae*», хотя логично, кажется, было бы отвести им постоянную рубрику. Провинциологический блок нужен отнюдь не только для баланса или формального следования программным принципам, не ради одной поддержки заложенной в названии языковой игры. Он неизбежен с учетом давних традиций нашей регионалистики и из элементарного уважения к ним [13]. Без него не получится обнаружить общий методологический знаменатель, которого не хватает многообещающему проекту череповецких историков для концептуального «дозревания». Еще один традиционный для отечественной практики ракурс – городоведческий – пока теряется за разнообразием частных вопросов, просто поднимаемых на городском материале. Не озвучена, в частности, проблематика истории индустриальных городов, что для *череповецкого* журнала должно быть по меньшей мере досадно.

Второе направление, требующее напряженной разработки, – собственно политологическое. Оно в настоящее время выглядит гораздо слабее исторического и почему-то отделено от него (если, конечно, мы не говорим о политической истории). Политическим наукам отведен целиком третий номер журнала, но этого, безусловно, мало для полноценной реализации программы издания в данном ее аспекте.

Журналу было бы полезно осваивать диалоговые форматы публикаций (каковы, например, диалоги о книгах, регулярно печатаемые «Российской историей»). Кроме того, его сетевой статус – немалое преимущество, которое следует использовать активнее при устройстве интернет-конференций и иных «виртуальных» научных мероприятий и в целом во взаимодействии с аудиториями.

Но это все в будущем. Теперь же остается пожелать всем сотрудникам «*Historia provinciae*» упорства, проницательности и вдохновения в развитии своего детища с тем, чтобы оно как можно дольше привлекало к себе внимание талантливых авторов и не менее талантливых читателей, формируя тем самым исследовательские сообщества, стимулируя коммуникации. Журнал сегодня активно ищет себя, а этот поиск не бывает ни скорым, ни легким. И в нынешнем, несовершенном, виде он представляет собой издание достаточно высокого уровня, обладающее собственным, оригинальным взглядом на феномен региона как пространства во времени.

Список литературы

1. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. Около 50000 слов. 2-е изд. – М.: Русский язык, 1976. – 1096 с.
2. Хаусманн Г. Региональная история в Германии в XX веке («история земель», «историческое краеведение» и «региональная история»). Некоторые вопросы к представителям российского исторического краеведения // В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии: материалы науч. конф. / отв. ред. С.О. Шмидт. – М.: Наука, 2005. – Кн. II. – С. 181–198.
3. Репина Л.П. Теоретические основания и перспективы региональной истории // Преподаватель. XXI век. – 2013. – № 3. – С. 266–273.
4. Солодянкина О.Ю. Средиземноморский регион и образы Средиземноморья в деятельности иностранных гувернеров и гувернанток в Российской империи // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. – 2017. – Т. 1. № 1. – С. 5–23. DOI: 10.23859/2587-8344-2017-1-1-1.
5. Рахикайнен М. Хельсинки (Гельсингфорс) в зеркале имперского Санкт-Петербурга // *Historia provinciae* – журн. регион. истории. – 2017. – Т. 1. № 1. – С. 52–71. DOI 10.23859/2587-8344-2017-1-1-4.
6. Пилипенко Г.П. Культурная и историческая память венгров Нови-Сада в районе Телеп // *Historia provinciae* – журн. регион. истории. – 2017. – Т. 1. № 1. – С. 40–51. DOI 10.23859/2587-8344-2017-1-1-3.

7. Юхас К. Грязь для чистоты? Опыт этнографического изучения использования воды в целях гигиены // *Historia provinciae* – журн. регион. истории. – 2018. – Т. 2. № 1. – С. 31–59. DOI 10.23859/2587-8344-2018-2-1-3.
8. Стрелец М.В. Немецкий региональный политик Пауль Хирш на крутых поворотах истории // *Historia provinciae* – журн. регион. истории. – 2017. – Т. 1. № 2. – С. 20–41. DOI 10.23859/2587-8344-2017-1-2-2.
9. Евдокимова Т.В. Вальтер Ратенау – человек, опередивший время // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. – 2018. – Т. 2. № 2. – С. 13–30. DOI 10.23859/2587-8344-2018-2-2-1.
10. Петелин Б.В. Гельмут Коль: отвечая на вызов истории // *Historia provinciae* – журн. регион. истории. – 2017. – Т. 1. № 2. – С. 65–84. DOI 10.23859/2587-8344-2017-1-2-5.
11. Бао Маохонг. Экологическая история и мировая история // *Historia provinciae* – журн. регион. истории. – 2018. – Т. 2. № 1. – С. 6–18. DOI: 10.23859/2587-8344-2018-2-1-1.
12. Мун Д. Международный трансфер идей российского генетического почвоведения в 1870–1914 годы // *Historia provinciae* – журн. регион. истории. – 2018. – Т. 2. № 1. – С. 80–99. DOI 10.23859/2587-8344-2018-2-1-5.
13. Шмидт С.О. Региональная история в российской и зарубежной историографии: Вступительное слово // После 75: работы 1997–2001 годов. – М.: РГГУ, 2012. – С. 665–668.

References

1. *Dvoretzkiy I.H. Latinsko-russkiy slovar'. Okolo 50000 slov. Izd. 2-e* [Latin-Russian Dictionary. About 50000 words. 2nd edition]. – Moscow: Russkiy yazyk, 1976. – 1096 s.
2. *Hausmann G. Regional'naya istoriya v Germanii v XX veke ("istoriya zemel' ", "istoricheskoe kraevedenie" i "regional'naya istoriya"). Nekotorye voprosy k predstavitel'yam rossiyskogo istoricheskogo kraevedeniya* [Regional history in Germany in XX century ("history of lands", "historical regional studies" and "regional history"). Some questions for Russian representatives of historical regional studies] // *V.O. Klyuchevskiy i problemy rossiyskoy provintsial'noy kul'tury i istoriografii: materialy nauchnoy konferentsii / otv. red. S.O. Schmidt.* – Moscow: Nauka, 2005. – S. 181–198.
3. *Repina L.P. Teoreticheskie osnovaniya i perspektivy regional'noy istorii* [Theoretical basis and prospects of Regional history] // *Prepodavatel'. XXI vek* [Educator. XXI century]. – 2013. – No. 3. – S. 266–273.
4. *Solodyankina O.Yu. Sredizemnomorskiy region i obrazy Sredizemnomorya v deyatel'nosti inostrannykh guvernerov i guvernantok v Rossiyskoy imperii* [The Mediterranean region and the Mediterranean images in the activities of foreign tutors and governesses in the Russian Empire] // *Historia provinciae – zhurnal regional'noy istorii* [Historia provinciae – the journal of regional history] – 2017. – Vol. 1, no. 1. – S. 5–23. DOI: 10.23859/2587-8344-2017-1-1-1.
5. *Rahikainen Marjatta. Hel'sinki (Gel'singfors) v zerkale imperskogo Sankt-Peterburga* [Helsinki (Helsingfors) in the mirror of imperial St. Petersburg] // *Historia provinciae – zhurnal regional'noy istorii* [Historia provinciae – the journal of regional history] – 2017. – Vol. 1, no. 1. – S. 52–71. DOI 10.23859/2587-8344-2017-1-1-4.
6. *Pilipenko G.P. Kul'turnaya i istoricheskaya pamyat' vengrov Novi-Sada v rayone Telep* [The cultural and historical memory of the Hungarians in Telep (Novi Sad)] // *Historia provinciae – zhurnal regional'noy istorii* [Historia provinciae – the

journal of regional history] – 2017. – Vol. 1, no. 1. – S. 40–51. DOI 10.23859/2587-8344-2017-1-1-3.

7. Juhász Katalin. *Gryaz' dlya chistoty? Opyt etnograficheskogo izucheniya ispol'zovaniya vody v tselyah gigieny* [Pollution for cleanliness? Lessons from an ethnographic research on the rural use of water for hygienic purposes] // *Historia provinciae – zhurnal regional'noy istorii* [Historia provinciae – the journal of regional history] – 2018. – Vol. 2, no. 1. – S. 31–59. DOI 10.23859/2587-8344-2018-2-1-3.

8. Strelets M.V. *Nemetskiy regional'niy politik Paul' Hirsh na krutykh povorotakh istorii* [German regional politician Paul Hirsch in history reversals] // *Historia provinciae – zhurnal regional'noy istorii* [Historia provinciae – the journal of regional history] – 2017. – Vol. 1, no. 2. – S. 20–41. DOI 10.23859/2587-8344-2017-1-2-2.

9. Evdokimova T.V. *Walter Ratenau – chelovek, operedivshiy vremya* [Walter Rathenau – a man ahead of time] // *Historia provinciae – zhurnal regional'noy istorii* [Historia provinciae – the journal of regional history] – 2018. – Vol. 2, no. 2. – S. 13–30. DOI: 10.23859/2587-8352-2018-2-2-1.

10. Petelin B.V. *Gel'mut Kol': otvechaya na vyzov istorii* [Helmut Kohl: facing the challenge of History] // *Historia provinciae – zhurnal regional'noy istorii* [Historia provinciae – the journal of regional history] – 2017. – Vol. 1, no. 2. – S. 65–84. DOI 10.23859/2587-8344-2017-1-2-5.

11. Bao Maohong. *Ekologicheskaya istoriya i mirovaya istoriya* [Environmental History and World History] // *Historia provinciae – zhurnal regional'noy istorii* [Historia provinciae – the journal of regional history] – 2018. – Vol. 2, no. 1. – S. 6–18. DOI: 10.23859/2587-8352-2018-2-1-1.

12. Moon David. *Mezhdunarodniy transfer idey rossiyskogo geneticheskogo pochvovedeniya v 1870–1914 gody* [The international dissemination of Russian genetic soil science (pochvovedenie), 1870s – 1914] // *Historia provinciae – zhurnal regional'noy istorii* [Historia provinciae – the journal of regional history] – 2018. – Vol. 2, no. 1. – S. 80–99. DOI: 10.23859/2587-8352-2018-2-1-5.

13. Schmidt S.O. *Regional'naya istoriya v rossiyskoy i zarubezhnoy istoriografii: Vstupitel'noe slovo* [Regional history in Russian and in foreign historiography: Foreword] // Schmidt S.O. *Posle 75: raboty 1997–2001 godov.* – Moscow: RGGU, 2012. – S. 665–668.

Сведения об авторах

Алнаддаф Сафуан Нассиф, демонстрант кафедры истории (в Дамаске), аспирант ИМОИВ, Казанский федеральный университет; e-mail: Safwan1982.24@gmail.com

Варакса Александр Николаевич, кандидат политических наук, доцент, Петрозаводский государственный университет; e-mail: fidelio@sampo.ru

Веремenco Валентина Александровна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории России, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: v.a.veremenko@ya.ru

Игнатова Ольга Анатольевна, зав. сектором истории Главного штаба, Государственный Эрмитаж; e-mail: ignatova.hermitage@gmail.com; ignatova@hermitage.ru

Капустина Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, начальник отдела оценки пенсионных прав застрахованных лиц, Управление Пенсионного фонда РФ в г. Гусь-Хрустальном Владимирской области; e-mail: 209o@mail.ru; olga.kapustina209@yandex.ru

Крылова Елена Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры рекламы и общественных коммуникаций, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: hellen-nak@yandex.ru

Крюкова Анна Владимировна, кандидат исторических наук, независимый исследователь; e-mail: AyutaKR@yandex.ru

Куприянов Валерий Николаевич, член-корреспондент, Российская академия космонавтики им. К.Э. Циолковского, председатель секции истории космонавтики и ракетной техники, Северо-Западная межрегиональная общественная организация Федерация космонавтики России; e-mail: kuvnik@yandex.ru

Мельникова Дарья Андреевна, аспирант кафедры истории России, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: 31020307d@gmail.com

Михайлов Сергей Сергеевич, научный сотрудник, Музей истории и культуры старообрядчества; e-mail: mesherdkray@mail.ru

Лосик Александр Витальевич, доктор исторических наук, профессор, Балтийский технический университет (Военмех) им. Д.Ф. Устинова; заместитель редактора, журнал «КЛИО»; e-mail: kuvnik@yandex.ru

Наумов Евгений Олегович, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела современной истории, Мордовский республиканский объединенный краеведческий музей им. И.Д. Воронина; e-mail: naumoveo@mail.ru

About authors

Alnaddaf Safwan Nassif, Teacher Assistant, Department of History (in Damascus), PhD student at the Federal University of Kazan; e-mail: Safwan1982.24@gmail.com

Ignatova Olga Anatol'evna, Head of the General Staff History Sector, the State Hermitage Museum; e-mail: ignatova.hermitage@gmail.com; ignatova@hermitage.ru

Kapustina Olga Vladimirovna, Candidate of Historical Sciences, State institution –Pension Fund Management of the Russian Federation in the city of Gus-Crystalnyof Vladimirsky region, Head of the department of assessment of the insured persons' pension rights; e-mail: 209o@mail.ru; olga.kapustina209@yandex.ru

Krylova Elena Nikolaevna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Advertising and Public Communications, Pushkin Leningrad State University; e-mail: hellen-nak@yandex.ru

Kryukova Anna Vladimirovna, candidate of historical Sciences, independent researcher; e-mail: AyutaKR@yandex.ru

Kupriyanov Valerij Nikolaevich, corresponding member of the K.E. Tsiolkovsky Russian Academy of cosmonautics, Chairman of the section of the history of cosmonautics and rocket technology of the North-West interregional public organization, Federation of Cosmonautics of Russia; e-mail: kuvnik@yandex.ru

Losik Aleksandr Vital'evich, Doctor of historical Sciences, Professor of the Baltic technical University (Voenmekh). D. F. Ustinov, Deputy editor of the magazine "CLIO"; e-mail: kuvnik@yandex.ru

Melnikova Daria Andreevna, Postgraduate Student, Department of Russian History, PushkinLeningrad State University; e-mail: 31020307d@gmail.com

Mikhailov Sergey Sergeevich, Researcher, Museum of history and culture of Old Belief; e-mail: mesherdkray@mail.ru

Naumov Evgeny Olegovich, Candidate of Historical Sciences, Researcher of Department of Modern History, I.D. Voronin Mordovian Republican United Museum of Local Lore; e-mail: naumoveo@mail.ru

Varaksa Aleksander Nikolaevich, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Petrozavodsk State University; e-mail: fidelio@sampo.ru

Veremenko Valentina Aleksandrovna, Doctor of Historical Sciences, Full Professor, Head of Department of Russian History, Pushkin Leningrad State University (Saint-Petersburg, Russia); e-mail: v.a.veremenko@ya.ru

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования Ленинградской области
«ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А.С. ПУШКИНА»

приглашает Вас к сотрудничеству в **новом научном журнале**

«ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ»

История повседневности стала в последние годы одним из ведущих направлений изучения отечественного и зарубежного прошлого. Актуальность данного направления определяется, во-первых, междисциплинарным подходом к анализу исторических проблем, что находит свое проявление в широком использовании методов этнологии и антропологии, демографии и политологии, экономики, психологии и филологии. Во-вторых, актуальность истории повседневности обусловлена особым вниманием к человеку, его обыденным проявлениям во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах, что способствует преодолению схематизма и упрощения в процессе познания истории.

К публикации в научном журнале «История повседневности» принимаются оригинальные (ранее не публиковавшиеся) научные статьи, отражающие широкий спектр актуальных вопросов данного направления исторической науки:

- теория и методология истории повседневности;
- историография и источники по истории повседневности;
- событийная область публичной повседневной жизни отдельных людей и социальных групп;
- производственный быт и повседневность труда;
- экономическая повседневность в условиях мирного и военного времени;
- экстремальная, военная, революционная повседневность;
- аномальная повседневность;
- праздничная повседневность;
- влияние государственной политики на повседневную жизнь людей;
- международные отношения и их влияние на повседневную жизнь населения той или иной страны;
- общественное сознание и повседневная жизнь;
- эмоциональная сторона событий и явлений, переживание обыденных фактов и бытовых обстоятельств отдельными людьми и группами людей;
- обстоятельства частной, личной домашней жизни, быт в самом широком смысле;
- гендерная история, история семьи и детства;
- этно-конфессиональный аспект истории повседневности;
- проблемы макро- и микро- истории.

На страницах научного издания (журнала) найдут свое место также информация о конференциях и других научных мероприятиях, затрагивающих проблемы повседневности и проходящих в разных регионах нашей страны и мира, комментированные публикации источников, рецензии и отзывы. Мы рассчитываем, что данный журнал станет посредником и организатором многочисленных научных дискуссий, объединив тех, кто активно занимается или только приступает к освоению проблем истории повседневности.

Редакция журнала принимает к рассмотрению рукописи на русском или английском языках **объемом от 0,5 до 1,0** печатного листа (электронная версия обязательна). С текстом статьи необходимо предоставлять один экземпляр внешнего отзыва, заверенного печатью организации, дающей отзыв.

Издание осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет.

Правила оформления материалов:

НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ в статье должны быть указаны **УДК**, название статьи, аннотация (800–1000 знаков), ключевые слова (10–12 слов), ФИО авторов (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы или учебы, должность или курс (кафедра, институт, университет), страна, город, адрес служебный/домашний, телефон служебный/домашний, адрес электронной почты.

Компьютерный текст должен быть набран 14 кеглем в редакторе WORD; параметры страницы (поля) 2,0 см; абзац – 1,25; интервал – полуторный; шрифт – Times New Roman; сноски оформляются в квадратных скобках [1], при необходимости с указанием страниц [1, с. 21], архивных документов – с указанием листов [2. Л. 3].

Список литературы приводится 14 кеглем в конце статьи **по порядку упоминания в тексте**.

В списке источников и литературы должно быть указано не менее 10 наименований.

В ссылках на книги обязательно указываются издательство и количество страниц, в ссылках на журналы – страницы на которых расположена статья, в ссылках на Интернет ресурсы – дата обращения.

См. образцы:

1. Драке Л.Л. Кадетский быт 50-х годов (отрывочные воспоминания). – СПб.: В. Березовский, 1911. – 32 с.

2. Мельцин М.О. От дворянского происхождения к судьбе советского интеллигента: жизнь и творчество В.Н. Долгорукова (Владими́рова) // Новейшая история России. – 2013. – № 3(08). – С. 174–186.

3. Лобанов В. В. Роль труда в опытах физического воспитания В.С. Пирусского // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. – 2013. – № 9(137). – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rol-truda-v-opytah-fizicheskogo-vospitaniya-v-s-pirusского> (дата обращения: 01.12.2015).

4. Институт русской литературы Российской академии наук (ИРЛИ РАН). (Пушкинский дом). Ф. 15 – Ольги Георгиевны Базанкур. Д. 1.

В конце текста должен быть представлен транслитерированный (в латинице) и переведенный на английский язык библиографический список. Транслитерация должна осуществляться автоматически (можно воспользоваться ссылкой <http://ru.translit.net/?account=bsi>).

Порядок написания: **Авторы** (транслитерация); **название статьи** (транслитерация); [**перевод названия статьи на английский язык** в квадратных скобках]; **название русскоязычного источника** (транслитерация); [**перевод названия источника на английский язык**]; **выходные данные** с обозначениями на английском языке (город, издательство); **цифровые данные** (год, страницы).

Пример:

References

1. Drake L.L. *Kadetskii byt 50-kh godov (otryvochnye vospominaniya)* [Cadet Life 50s (fragmentary memories)]. St. Petersburg: V. Berезovskii, 1911. – 32 p.

2. Mel'tsin M.O. *Ot dvoryanskogo proiskhozhdeniya k sud'be sovetskogo intelligenta: zhizn' i tvorchestvo V.N. Dolgorukova (Vladimirova)* [Of noble origin to the fate of the Soviet intelligentsia: the life and work of VN Dolgorukov (Vladimirov)] // *Noveishaya istoriya Rossii* [The modern history of Russia]. – 2013. – № 3(08). – P. 174–186.

Полнотекстовые версии журнала размещаются на сайтах Научной электронной библиотеки и Киберленинки, включены в национальную информационно-аналитическую систему **РИНЦ** (Российский индекс научного цитирования).

Статьи, оформленные в соответствии с указанными требованиями, можно отправить по электронной почте – **E-mail: v.a.veremenko@ya.ru**

Научный журнал

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

№ 3 (8)

На обложке размещена репродукция картины
Степанова А.С. «Утренний привет», 1897 г.,
Псковский государственный объединенный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник

Редактор *Т. Г. Захарова*
Технический редактор *Н. П. Никитина*
Оригинал-макет *Н. П. Никитиной*

Подписано в печать 20.09.2018. Формат 60x84 1/16.
Гарнитура Arial. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 10. Тираж 500 экз. Заказ № 1487

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10